

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

**ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИБЕРОАМЕРИКАНСКИЙ ЦЕНТР**

ИБЕРОАМЕРИКАНСКИЕ ТЕТРАДИ CUADERNOS IBEROAMERICANOS

ВЫПУСК 1 (15) 2017

**МОСКВА
ИМИ МГИМО МИД РОССИИ
2017**

ББК 63.3(70)
И 14

Главный редактор
А. А. Орлов

Зам. гл. редактора *М. В. Ларионова*

Редакционный совет
*Н. Е. Аникеева, Е. М. Астахов, Е. Р. Воронин, А. Л. Зенькович, В. А. Иовенко, И. В. Попов,
Г. С. Романова, С. М. Хенкин*

Председатель Научно-экспертного совета
А. В. Шестопап

Научно-экспертный совет
*А. Баамонде Магро (Университет Карлос III, Мадрид, Испания), Р. Гусман Тирадо (Университет
Гранады, Испания), В. М. Давыдов, А. Л. Дуффе Монтальбан (Университет Ренн II, Франция),
Е. М. Кожокин, А. И. Кузнецов, А. В. Мальгин, Р. дель Мораль (Университет Вирджинии, США),
Л. С. Окунева (зам. председателя), А. И. Подберезкин, А. Санчес-Андрес (Университет Валенсии,
Испания), Н. А. Симония, С. И. Чернявский, А. В. Щетинин*

Ответственные редакторы выпуска
М. В. Ларионова, С. М. Хенкин

И 14

Ибероамериканские тетради. Вып. 1 (15) / Гл. редактор *А. А. Орлов*, отв. редакторы выпуска
М. В. Ларионова, С. М. Хенкин. – М.: ИМИ МГИМО МИД России, 2017. – 104 с.

ISSN 2409-3416

В издании представлены статьи российских авторов, посвященные исследованиям различных аспектов развития Испании, вопросам её истории и современности. В отдельной рубрике публикуются статьи по вопросам языка и культуры Ибероамериканского мира. Настоящее издание является частью комплексной программы научной деятельности МГИМО МИД России и осуществляется при финансовой поддержке банка «Сантандер Консьюмер Банк». Издание адресовано как экспертам-международникам, так и широкому кругу читателей, интересующихся современными проблемами Ибероамерики.

*Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакционного совета.
Материалы публикуются в авторской редакции.*

Издание зарегистрировано в каталоге Агентства «Роспечать»,
[http //www.rospr.ru/](http://www.rospr.ru/).
Подписной индекс: 80603

ISSN 2409-3416

Editor-in-Chief

A. Orlov

Deputy Editor-in-Chief

M. Larionova

Editorial council

*N. Anikeeva, Eu. Astakhov, V. Iovenko, S. Khenkin, I. Popov,
G. Romanova, E. Voronin, A. Zenkovich*

President of Scientific and Expert council

A. Shestopal

Scientific and expert council

*Á. Bahamonde Magro (Universidad Carlos III, Madrid, España), V. Davidov, A. L. Duffé Montalván
(Université Rennes 2, Francia), R. Guzmán Tirado (Universidad de Granada, España), E. Kozhokin,
A. Kuznetsov, A. Malguin, R. del Moral (Universidad de Virginia, EE UU), L. Okuneva (vice president),
A. Podberezkin, A. Sánchez-Andrés (Universidad de Valencia, España),
N. Simonia, A. Shetinin, S. Chernyavskiy*

Executive editors

M. Larionova, S. Khenkin

Cuadernos Iberoamericanos. Issue 1 (15) / Editor-in-Chief *A. Orlov*, executive editors of the issue
M. Larionova, S. Khenkin. – M.: Institute of International Studies, MGIMO University, 2017. – 104 p.

ISSN 2409-3416

The publication presents the papers of the Russian authors which deal with various aspects of Spanish history and modernity and actual problems of its socio-political and economic development. A separate section includes articles on the Spanish language and culture. This edition is a component of the complex program of the MGIMO-University research activities and is carried out with the financial support of Santander Consumer Bank. Present edition is addressed both to experts in international relations and broad audience of readers interested in contemporary problems of Iberoamerica.

*Opinions of the authors may not coincide with the opinion of the Editorial Board.
Materials are published in author's edition.*

The issue is registered in «Rospechat» Agency catalog: <http://www.rosp.ru/>.
Subscription index: 80603

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ИСПАНИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ	6
<i>Авилова А. В.</i> Проблема торгового и инвестиционного сотрудничества между Россией и Испанией в условиях санкций.....	7
<i>Аникеева Н. Е.</i> Барселонский процесс: создание союза для Средиземноморья.....	12
<i>Астахова Е. В.</i> Новая эстетика испанской политической жизни как отражение изменений в обществе.....	20
<i>Бухармедова Л. М.</i> Закон об исторической памяти: дань памяти или запоздалое возмездие.....	25
<i>Ермольева Э. Г.</i> Молодёжь Испании: непростая судьба сегодня и неясное будущее завтра.....	34
<i>Кожановский А. Н.</i> Эволюция социально-культурных ценностей и норм испанского общества на рубеже XX–XXI веков.....	41
<i>Малашенко Т. И.</i> Модернизация банковского сектора (испанский рецепт).....	47
<i>Тайар В. М.</i> Испания в ЕС и трансатлантическое экономическое взаимодействие.....	55
<i>Хенкин С. М.</i> Кризис представительной демократии в Испании.....	59
<i>Черкасова Е. Г.</i> Проблема Сеуты и Мелильи во внешней политике Испании.....	66
<i>Чернявский С. И.</i> У истоков российско-испанских отношений.....	73
РАЗДЕЛ II. ИБЕРОАМЕРИКАНСКИЙ МИР В ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ	85
<i>Григина Е. А.</i> Язык как инструмент политики.....	86
<i>Денисенко Г. В.</i> Каталония, Валенсия, Балеарские острова: к вопросу о культурно-языковом сепаратизме.....	90
<i>Ларионова М. В.</i> Испанский медийный дискурс: quid novum?.....	97

CONTENTS

SECTION I. SPAIN: CURRENT TREND.....	6
<i>Avilova Agnessa</i> Problem of trade and investment cooperation between Russia and Spain in terms of sanctions	7
<i>Anikeeva Natalya</i> Barcelona process: creation of the Union for the Mediterranean	12
<i>Astakhova Elena</i> The new aesthetics of the Spanish political life as a reflection of social changes.	20
<i>Bukharmedova Leila</i> Historical Memory Law: a tribute or a late retaliation?	25
<i>Ermolieva Eleonora</i> The Spanish youth: the plight today and uncertain perspective for tomorrow.....	34
<i>Kozhanovsky Alexandr</i> Evolution of Spanish society socio-cultural values and norms at the turn of the XX–XXI centuries.....	41
<i>Malashenko Timofey</i> Banking sector modernization (Spanish recipe).....	47
<i>Tayar Violetta</i> Spain in the EU and transatlantic economic interaction	55
<i>Khenkin Sergey</i> Crisis of representative democracy in Spain	59
<i>Cherkasova Ekaterina</i> The problem of Ceuta and Melilla in spanish foreign policy.....	66
<i>Chernyavskiy Stanislav</i> At the beginnings of the russian-spanish relations.....	73
SECTION II. THE IBERO-AMERICAN WORLD IN SPACE AND TIME: TOPICAL ISSUES OF LANGUAGE AND CULTURE	85
<i>Grinina Elena</i> Language as an instrument of policy.....	86
<i>Denisenko Galina</i> Catalonia, Valencia, Balearic Islands: to the question about cultural and linguistic separatism.....	90
<i>Larionova Marina</i> Spanish media discourse: quid novum?.....	97

РАЗДЕЛ I.

**ИСПАНИЯ:
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ**

А. В. Авилова

ПРОБЛЕМА ТОРГОВОГО И ИНВЕСТИЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ИСПАНИЕЙ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

Агнесса Викторовна Авилова, Институт мировой экономики
и международных отношений РАН,
вед. науч. сотр., канд. экон. наук. avi@imemo.ru

***Аннотация:** Взаимные ограничения в торговле России со странами Запада стали одной из причин резкого (около 40 %) сокращения российско-испанского товарооборота. Для Испании, которая ещё не преодолела структурных последствий кризиса 2008–2009 гг. (долговая проблема, высокая безработица, ненадёжность перспектив рынка недвижимости), стимулирование внешних связей является одним из главных факторов экономического роста. Испания входит в первую десятку мировых инвесторов, её законодательство стимулирует экспорт капитала. Частичной компенсацией потерь на российском рынке может служить делокализация производства – прямые капиталовложения испанских компаний. В России действуют такие ведущие испанские компании, как Iberdrola, Gestamp, банк BBVA. Со своей стороны Испания упростила законодательство для привлечения российского бизнеса, несмотря на режим санкций. Испанская сторона считает, что потенциал для наращивания торговых связей и капиталовложений между обеими странами очень обширен. Российские компании и предприниматели могут использовать Испанию как площадку для развития деловых отношений с другими странами Европы, Северной Африки и Латинской Америки. Объявленный Россией курс на импортозамещение и модернизацию экономики открывает новые возможности для взаимовыгодного сотрудничества в технологически передовых отраслях.*

***Ключевые слова:** российско-испанские связи, санкции, торговля, инвестиционное сотрудничество.*

PROBLEM OF TRADE AND INVESTMENT COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND SPAIN IN TERMS OF SANCTIONS

Agnessa Avilova, Institute of World Economy
and International Relations RAS Leading Researcher, Ph.D. avi@imemo.ru

***Abstract:** Mutual trade restrictions between Russia and the countries of the West have contributed to a sharp (about 40 %) reduction in the Russian-Spanish trade. For Spain, which has not yet overcome the structural consequences of the 2008–2009 crisis (the debt problem, high unemployment, the precariousness of the real estate market), promotion of external relations is one of the main factors of economic growth. Spain is among the top ten global investors. Its legislation stimulates the export of capital. Partial compensation of its losses in the Russian market can be the delocalization of production – the direct investment of Spanish companies. In Russia operate such leading Spanish companies as Iberdrola, Gestamp, the bank BBVA. For its part, Spain has simplified the*

legislation for attraction of the Russian business, despite the sanctions regime. The Spanish side believes that the potential for increasing trade and investment between the two countries is very extensive. Russian companies and entrepreneurs can use Spain as a platform for the development of business relations with other countries of Europe, North Africa and Latin America. The policy of import substitution and modernization of the economy announced by Russia opens new opportunities for mutually beneficial cooperation in technologically advanced industries.

Keywords: *Russian-Spanish relations, sanctions, trade, investment cooperation.*

Взаимные ограничения в торговле России со странами Запада стали одной из причин резкого сокращения российско-испанского товарооборота. Своего рода реакцией на это является наблюдающееся в последнее время оживление интереса испанской стороны к инвестиционным потребностям и возможностям российского внутреннего рынка. В апреле 2015 г. в Мадриде было подписано соглашение о сотрудничестве между Торговой палатой Испании и Торгово-промышленной палатой РФ. Как заявил по этому случаю глава ТП Испании Х.-Л. Бонет, испанский бизнес готов к сотрудничеству с российскими партнерами во многих отраслях [1]. Состоявшийся 16 июня Деловой форум «Россия – Испания: опыт и перспективы сотрудничества», в котором приняли участие более 150 представителей бизнеса обеих стран, подтвердил намерения испанских компаний продолжать работать на российском рынке [2].

Согласно заявлению исполнительного директора агентства ICEX (Invest in Spain) Х.-К. Гарсия де Кеvedо, посетившего Москву в декабре 2015 г., имеется большой потенциал для наращивания капиталовложений между Россией и Испанией. Ситуацию, сложившуюся в результате санкций, в Испании считают временной и рассчитывают на скорое улучшение условий для сотрудничества [3]. «Мы готовы привлекать инвестиции из России, но также мы заинтересованы в том, чтобы испанские предприятия участвовали в развитии российской экономики», – уточнил Х.-К. Гарсия де Кеvedо, отметив также, что российские компании и предприниматели могут использовать Испанию как площадку для развития деловых отношений с другими странами Европы, Северной Африки и Латинской Америки [4].

В деловых кругах РФ наблюдаются аналогичные настроения. В Москве в апреле 2016 г. при участии большого числа российских предпринимателей был воссоздан Российско-испанский деловой совет (РИДС), одной из главных целей которого является привлечение прямых испанских инвестиций в нашу экономику. Руководителем РИДС был избран председатель правления ОАО «Новатэк» Л. Михельсон [5].

Очевидно, что обоюдный интерес к инвестиционному сотрудничеству, – это прямой результат констатации обеими сторонами ощутимого ущерба, который они понесли от введенных в апреле и августе 2014 г. взаимных санкций. По данным Торгово-Промышленной палаты России, товарооборот за 2015 г. сократился на 38,1 % и сохраняет тенденцию к падению [6]. Хорошо известно, что прямые капиталовложения в стране назначения экспорта – лучший способ обойти барьеры, воздвигнутые в сфере торговли, и утвердиться на внутреннем рынке партнера в качестве производителя.

Российский рынок велик, и, несмотря на переживаемый экономикой спад, в стране сохраняется достаточно широкий социальный слой, предъявляющий спрос на испанскую продукцию среднего и средневысокого потребительского качества. Кроме того, санкции увеличили потребность в модернизации российского производства и инфраструктуры, а Испания в этом отношении может немало предложить.

Испания уже является довольно заметным инвестором в России: ее накопленные инвестиции на конец сентября 2015 г. составляли 1,9 млрд евро [7]. По данным на февраль 2016 г., в России насчитывается 115 зарегистрированных испанских компаний, из них 88 – в Москве и области, 11 – в СПб и области, по 3 компании – в Тольятти и Калуге, 2 – в Новосибирске; есть испанские предприятия в Нижнем Новгороде, в Чебоксарах, в Азовской области [8].

Почти две трети испанских компаний в России вложили свои средства в различные отрасли промышленности и поставку промышленного оборудования. В сфере услуг испанский капитал связан с гостиничным бизнесом, консалтингом; имеются компании, занимающиеся поставкой в Россию испанского вина и другой продукции агропромышленного комплекса. Испанский капитал участвует в российском производстве автомобильных компонентов, в топливно-энергетическом комплексе, пищевой, горнодобывающей, текстильной промышленности.

Среди испанских инвесторов в России есть такая крупная группа, как «Гестамп аутомосьон», создавшая совместное предприятие по производству проката черных металлов с одной из крупнейших в мире вертикально интегрированных компаний «Северсталь». Санкции не повлияли на работу этого совместного предприятия: в 2016 г. им были подписаны долгосрочные соглашения о поставках металла для российского внутреннего рынка и для таких автомобильных компаний, как «Дэу», «Шевроле» и «Фольксваген» [9].

Испания является активным международным инвестором, чему способствует национальное законодательство. С 1996 г. испанские фирмы, вкладывающие средства за рубежом, освобождаются от налогов, если уплачивают их в стране вложения капитала. Кроме того, они не подвергаются двойному налогообложению доходов, если имеют как минимум 5-процентное участие в капитале иностранного предприятия в течение года. Поэтому наиболее распространенным способом вывоза капитала из Испании слали именно прямые инвестиции [10].

Согласно опросам, проведенным в Испании экспертами торговых палат, местный бизнес считает перспективными для инвестирования в России, прежде всего, топливно-энергетический комплекс, транспортную инфраструктуру и машиностроение. В качестве наиболее перспективных районов рассматриваются Екатеринбург, Москва, Республика Татарстан, Тюменская область, Краснодарский край и Приморье [11].

Опросы российских предпринимателей выявили интерес к опыту Испании по таким направлениям, как инновационные технологии развития пищевой промышленности и сельского хозяйства, государственно-частное партнёрство в социально значимых отраслях, современные технологии строительства и проектирования, производство строительных материалов и пр. [12].

Как отмечают эксперты российской Торгово-промышленной палаты, имеется значительный потенциал развития сотрудничества в наукоёмких и инновационных областях. По числу зарегистрированных патентов Испания в 2014 г. вышла на 6-е место в мире, по инновационному потенциалу – на 37-е (существует проблема внедрения разработок в производство). У Испании имеются прорывные инновационные научные и технические решения в энергетическом секторе. Несмотря на негативные последствия экономического кризиса, она сохранила высокий инновационный и производственный уровень в строительстве. Она наращивает реализацию собственной космической программы. Все эти области могли бы стать полем двустороннего инвестиционного сотрудничества, представляющего взаимный интерес. Имеется потенциал реализации совместных российско-испанских проектов на рынках третьих стран, прежде всего в Латинской Америке [13].

По мнению руководителя Федерального агентства по туризму О. Сафонова, возникла уникальная возможность инвестирования в туристскую инфраструктуру РФ, поскольку в стране активно развивается внутренний туризм [14].

В Минэкономразвития РФ считают, что в вопросе санкций Испания придерживается по отношению к России прагматичного, конструктивного курса. Об этом говорит тот факт, что развитие торговли с Россией испанское руководство включило в число приоритетов своей внешнеэкономической деятельности [5].

С испанской стороны проблема санкций детально проанализирована в статье, опубликованной в феврале 2015 г. авторитетным аналитическим центром СИДОБ (Барселона), занимающимся вопросами международных отношений. Ниже приводятся основные положения этой работы [15].

Испания считается одной из стран, наиболее расположенной к смягчению ограничений в торговле ЕС с Россией – вплоть до того, что её позиция вызывает раздражение европейских партнёров (особенно соседних с Россией стран). Она кажется им колеблющейся между желанием начать с Россией диалог и опасением показаться ненадёжным союзником, готовым на obstruction решений ЕС в украинском вопросе.

На самом деле мотивы Испании иные – они заключаются в том, что между ней и Россией нет серьёзных противоречий или стратегических ограничений ни в экономическом, ни в политическом плане. Россия является одним из крупных поставщиков нефти в Испанию, но источники снабжения испанского рынка этим видом сырья диверсифицированы, и угрозы зависимости от России нет. Российский газ в Испанию не поступает. Политические связи развивались гармонично, и введение санкций не идёт на пользу Испании.

До сих пор влияние российского эмбарго на Испанию было ограниченным и выразилось главным образом в негативных последствиях для аграрного сектора экономики. Но возможное

в дальнейшем расширение санкций может отразиться на таких важных областях сотрудничества, как энергетика, железнодорожное строительство и передовые технологии. Это касается ряда испанских компаний – «Репсол», «Индра», «Текникас Реунидас», «Ибердрола», «Талго», «Флуидмеханика», которые уже сделали первые шаги на российском рынке и могут понести ощутимые потери в случае его закрытия. Поэтому крупные инвесторы, работающие в энергетике и отраслях инфраструктуры, выступают за то, чтобы испанское правительство более определённо высказывалось за смягчение политики санкций.

Ущерб сельского хозяйства Испании от российского эмбарго оценивается в 550 млн евро в год. Наибольшие убытки понесли области Арагон, Каталония и Валенсия. Сельскохозяйственный экспорт составлял около 20 % общего вывоза испанской продукции в Россию. Потеря этого рынка в случае продолжения политики санкций должна рассматриваться с точки зрения упущенной коммерческой выгоды, что для Испании немаловажно.

Еще одной отраслью испанской экономики, несущей потери, является туризм. В 2013 г. приток российских туристов достиг 1,6 млн человек, а их расходы в стране превысили 2,2 млрд евро. Несмотря на то, что этот приток составил всего 2,7 % общего числа туристов, посещающих Испанию, правительство рассматривает эту область двустороннего сотрудничества как приоритетную, что было зафиксировано в Национальном плане развития туризма на 2012–2015 гг.

Влияние санкций на двустороннее инвестиционное сотрудничество относительно невелико. Российские капиталовложения в Испании не составляют большой величины и заметны только в операциях с недвижимостью, торговле и гостинично-ресторанном бизнесе; в основном они связаны с россиянами, временно или постоянно проживающими в Испании. Испанские же инвестиции в России более значительны, но в последние годы имеют тенденцию к снижению. Существенно, что санкции затрагивают перспективы сотрудничества в технологически передовых отраслях – например, с такой компанией, как «Ростех», оказавшейся их объектом. Российский рынок важен для испанских компаний, которые уже выиграли ряд крупных торгов и заключили соглашения о создании совместных предприятий.

Политическое измерение проблемы санкций для Испании заключается в том, что ей приходится искать баланс отношений «между Берлином и Москвой». Испания проявила очень мало энтузиазма в вопросе о санкциях. Её позиция подразделяется на три аспекта: в отношении проблемы Крыма она полностью на стороне Запада, в вопросе об украинском кризисе признаёт наличие законных интересов России и считает правильным решать эту проблему за столом переговоров, санкции же как таковые она рассматривает скорее прагматически. Официальная позиция Испании заключается в том, чтобы считать Россию стратегическим партнёром (двустороннее Соглашение о стратегическом сотрудничестве было подписано в марте 2009 г.). При этом, что Россия как импортер испанской продукции занимает место в конце второй десятки, её значимость как торгового партнёра определяется вкладом в развитие туризма и операций с недвижимостью, а это ключевые отрасли для Испании с точки зрения посткризисного восстановления её экономики.

Как можно заключить из всего сказанного выше, позиции обеих сторон во многом совпадают. Главный мотив возобновившегося интереса к двустороннему сотрудничеству заключается, по-видимому, в том, что определённая часть деловых кругов обеих стран ощущает растущее давление процесса глобализации мировой экономики, предъявляющего возросшие требования к уровню конкурентоспособности. Политика санкций органически чужда этому процессу, который требует снятия ограничений, стесняющих свободу движения факторов производства и открывает, в условиях начавшейся четвертой промышленной революции, совершенно новые горизонты.

Литература / References

1. Торговая палата: испанский бизнес хочет развивать сотрудничество с РФ [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.veg.gov.ru/news/19672.html>
2. Торгпред: испанский бизнес не поддерживает санкционное противостояние Запада и России [Электронный ресурс]. – URL: <http://noticia.ru/allnews/russkaya-ispaniya/torgpred-ispanskiy-biznes-ne-podderzhivaet-sankzionnoe-protivostoyanie-zapada-i-rossii-14926.htm>

3. Испания упростила законодательство для привлечения российского бизнеса [Электронный ресурс]. – URL: <http://rg.ru/2015/12/01/ispaniya-site.html>
4. Там же.
5. Российский бизнес пошёл навстречу испанскому [Электронный ресурс]. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/15144>
6. Российский экспорт в Испанию уменьшился на 41,3 %, российский импорт – на 34,9 %; отрицательное сальдо России в торговле с Испанией составило 137,5 млн долларов [Электронный ресурс]. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/15144>
7. Там же.
8. Подсчитано по: ICEX. Empresas espanolas establecidas en: Rusia. 4729650 (1).pdf – Adobe Reader.
9. «Северсталь» продолжит делать металл для КАМАЗов, Daewoo, Chevrolet и Wolkswagen [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruslom.ru/?page=mnews&id=16149>
10. Место Испании в международном движении капиталов [Электронный ресурс]. – URL: [Catalog.fmb.ru/spain2d4-5.shtml](http://catalog.fmb.ru/spain2d4-5.shtml)
11. Российский бизнес пошел навстречу испанскому [Электронный ресурс]. – URL: <http://interaffairs.ru/news/show/15144>
12. Российско-Испанский деловой совет [Электронный ресурс]. – URL: <http://soautpprf.ru/index.php/arkhiv-novostej/item>
13. Российский бизнес пошел навстречу испанскому [Электронный ресурс]. – URL: <http://interaffairs.ru/news/show/15144>
14. Сафонов: Россия заинтересована в испанских инвестициях в сфере туризма [Электронный ресурс]. – URL: http://ria.ru/tourism_news/20160406/1403358203.htm#ixzz47h5VIANv
15. *Sanches Andres A., de Pedro N.* Spain and the European Union – Russia conflict: the impact of the sanctions. Notes Internacionales CIDOB, 108, February 2015.

Н. Е. Аникеева

БАРСЕЛОНСКИЙ ПРОЦЕСС: СОЗДАНИЕ СОЮЗА ДЛЯ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Наталья Евгеньевна Аникеева, д-р ист. наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России.
anikeevan@yandex.ru

***Аннотация:** В статье отмечается, что географическое положение и исторические связи со средиземноморскими странами, наряду с вступлением в ЕС, обусловили особое положение Испании как инициатора Барселонского процесса: встреч и конференций на различных уровнях по развитию евро-средиземноморского сотрудничества в разных сферах. Создание Союза для Средиземноморья стало продолжением Барселонского процесса.*

***Ключевые слова:** Барселонский процесс, Союз для Средиземноморья, Испания, Евросоюз.*

BARCELONA PROCESS: CREATION OF THE UNION FOR THE MEDITERRANEAN

Natalya Anikeeva, Moscow State Institute of International Relations
Professor, Ph.D. History. anikeevan@yandex.ru

***Abstract:** The article notes that the geographical location and historical links with the Mediterranean countries, together with the accession to the EU resulted in a special position of Spain as the initiator of the Barcelona process: meetings and conferences at various levels for the development of Euro-Mediterranean cooperation in different spheres within the EU. Creation of the Union for the Mediterranean was actually a continuation of the Barcelona process.*

***Keywords:** Barcelona process, Union for the Mediterranean, Spain, European Union.*

Важное значение для внешнеполитического курса Мадрида в конце XX– начале XXI века имеют отношения со странами Северной Африки. Речь идёт о двусторонних отношениях Испании с такими странами, как Ливия, Мавритания, Тунис, Алжир и Марокко. Задачи Испании в Средиземноморье в долгосрочном плане, прежде всего, состояли в поддержании стабильности, развитии экономических отношений, демократизации политических режимов стран Магриба.

После вступления в ЕЭС в 1986 г. Испания стала активно способствовать некоторой переориентации единой европейской внешней политики на Средиземноморский регион. Участвуя в процессе евро-средиземноморского сотрудничества в качестве государства – члена ЕС, Испания старалась с прежней активностью развивать двустороннее сотрудничество со странами Магриба во многих областях. В этот период такие североафриканские государства, как Ливия, Мавритания, Тунис, Алжир, Марокко, являлись крупнейшими экономическими партнёрами Испании в регионе. Географическое положение и исторические связи со средиземноморскими странами, наряду с вступлением в Евросоюз, обусловили особое положение Испании как инициатора Барселонского процесса [1, с. 35–43]: встреч и кон-

ференций на различных уровнях по развитию евросредиземноморского сотрудничества в разных сферах.

Одним из самых значительных достижений правительства Испанской социалистической рабочей партии (1982–1996 гг.) стала инициация Барселонского процесса. Цель его заключалась в усилении влияния ЕС в Средиземноморье и превращении этого региона в зону мира, а также в расширении контактов с ближневосточными и другими арабскими государствами.

Правительство Народной партии, находящееся у власти в Испании в период с 1996 по 2004 гг., также стремилось активизировать средиземноморские интеграционные процессы, Барселонский процесс и урегулирование ближневосточной проблемы. Проводилась последовательная политика привлечения партнеров по ЕС к более активной экспансии в выигрышный для себя с политической, экономической и культурной точки зрения район Средиземноморья, добиваясь, таким образом, компенсации расширения ЕС на Восток. Одним из аргументов в пользу данной стратегической линии стало то, что этот регион являлся третьим торговым партнером Союза.

Высказанная в свое время президентом Франции Ф. Миттераном идея созыва большой конференции для обсуждения проблем в Средиземноморье была поддержана и воплощена в жизнь испанским руководством. Так, во втором полугодии 1995 г., в период председательства Испании в ЕС, в Барселоне 27–28 ноября 1995 г. была проведена Первая Евросредиземноморская конференция по формуле «15+12». В её работе по инициативе ЕС приняли участие министры иностранных дел 15 стран – членов ЕС и 12 министров из арабских стран (Алжира, Туниса, Марокко, Египта, Иордании, Сирии, Ливана, Палестины, а также Израиля, Турции, Кипра и Мальты) [2]. В качестве специально приглашенных были Мавритания, Союз арабского Магриба и Лига арабских государств.

В рамках Барселонского процесса в дальнейшем планировалось заключение двусторонних договоров об ассоциации с каждой из стран юга Средиземноморья. Цель заключённых с тремя странами Магриба соглашений в экономической сфере сводилась к взаимному постепенному снижению таможенных барьеров для промышленных и прочих товаров, вплоть до окончательной их отмены к моменту создания зоны свободной торговли.

Первый договор ЕС заключил с Тунисом в июле 1995 г., он вступил в силу в 1998 г.; Марокко подписало в феврале 1996 г. договор, который вступил в силу в 2000 г. Алжир, из-за сложной внутривосточной ситуации в стране и нерешенного вопроса с обеспечением безопасности постоянно сдвигал сроки завершения переговоров с ЕС, которые начались в марте 1997 г. Только в декабре 2001 г. после 17 раундов переговоров Алжиру удалось парафировать, а в апреле 2002 г. подписать соглашение об ассоциации с ЕС.

27 участников конференции подписали декларацию в Барселоне в 1995 г. В документе подчеркивалась «договорённость стран-участниц установить всеобъемлющее партнёрство через укрепление регулярного политического взаимодействия, развитие экономического и финансового сотрудничества». Провозглашалось постепенное наращивание средиземноморского экономического партнёрства, создание к 2010 г. зоны свободной торговли. Уделялось внимание социальному, культурному и гуманитарному сотрудничеству. На этой основе ЕС и страны Средиземноморья были намерены создать «общее пространство мира и стабильности» [3].

В принятой Барселонской декларации нашли отражение международно-правовые ориентиры сторон: суверенитет народов, отказ от прямого или косвенного вмешательства во внутренние дела партнёров, уважение территориальной целостности и единства, урегулирование разногласий политическими средствами и отказ от применения или угрозы силой. Было также заявлено о необходимости усилить сотрудничество в борьбе с терроризмом, организованной преступностью и контрабандой наркотиков.

Барселонская декларация стала фундаментальным документом Евросредиземноморского партнёрства. В каждом из трёх разделов были затронуты вопросы миграции и элементы политики в этой сфере. В разделе «О политике и безопасности» определялись этапы сотрудничества между государствами в плане контроля над миграционными потоками и предусматривалась возможность заключения Евросредиземноморского пакта по этому вопросу, учитывалась, в частности, нелегальная миграция. В экономическом и финансовом разделе была отражена необходимость заменить миграционные потоки финансовыми и снизить эмиграцию путем развития экономических структур стран Юга. В разделе «О сотрудничестве в социальной, культурной и гуманитарной сферах» делался акцент на обмен и диалог между культурами, подчеркивалась ответственность и даже обязательства

государств-участников в области репатриации своих граждан в случае нелегальной иммиграции.

В качестве приложения к декларации была принята рабочая программа, в которой определены конкретные меры по реализации заявленных целей. Рабочим и координирующим органом стал Евросредиземноморский комитет Барселонского процесса на уровне старших должностных лиц, «тройки» ЕС и представителей средиземноморских партнёров. Организационная работа по подготовке решений комитета и контролю за их осуществлением, по реализации всех компонентов рабочей программы находилась в ведении КЕС.

Первая Евросредиземноморская конференция дала позитивный импульс развитию сотрудничества в регионе. Возросла активность политических контактов, начался многосторонний диалог по широкому кругу вопросов, были созданы и начали функционировать механизмы сотрудничества в экономической, социальной, культурной и других областях; ежеквартально проводились заседания Евросредиземноморского комитета на уровне старших должностных лиц по выполнению решений Барселоны, организовывались встречи отраслевых министров, ежемесячно проводились заседания на экспертном уровне [4, с. 266–273].

По инициативе правительства Каталонии при поддержке МИД Испании и Комиссии Европейского союза 29 ноября – 1 декабря 1995 г. в Барселоне был проведен Евросредиземноморский гражданский форум. В его работе приняли участие более 1 200 независимых экспертов, а также специалистов по социально-экономическим, научно-техническим и гуманитарным вопросам, представляющих 38 стран региона и другие государства.

Целями форума являлись независимая экспертная оценка перспектив многостороннего сотрудничества между Европейским союзом и странами Средиземноморского бассейна с точки зрения создания климата взаимного понимания и выдвижения конкретных предложений в развитие Барселонской политической декларации. На базе Каталонского института средиземноморских исследований был учрежден постоянный секретариат форума, который вместе с создаваемым соответствующим международным комитетом занимался отслеживанием реализации проектов сотрудничества.

Далее встречи в рамках Барселонского процесса проходили практически ежегодно. В частности, 15–16 апреля 1997 г. на Мальте прошла Вторая Евросредиземноморская конференция, 3–4 июня 1998 г. в Палермо (Италия) – неформальная (промежуточная) встреча министров иностранных дел стран ЕС с государствами Средиземноморья, встреча в Штутгарте состоялась 15–16 апреля 1999 г.

Экс-председатель правительства Народной партии Испании Х. М. Аснар был одним из самых активных сторонников принятия в июне 2000 г. стратегии взаимоотношений «ЕС – Средиземноморье», которая, как он рассчитывал, должна была обеспечить более четкое сотрудничество в рамках процесса.

В экономической и финансовой сфере стороны высказались за необходимость более активного привлечения иностранных инвестиций с тем, чтобы способствовать экономическому росту, развитию и увеличению занятости в регионе, а также приветствовали решение создать Евросредиземноморский банк. Испанская сторона впервые выступила с идеей создания такого банка на заседании Совета ЕС по вопросам экономики и финансов (ЭКОФИН), которое состоялось в январе 2002 г. в Барселоне. Этот банк должен был выступить в качестве филиала Европейского банка реконструкции и развития. Ещё одно заседание Европейского совета прошло в Барселоне 15–16 марта 2002 г. Оно было посвящено итогам председательства Испании в ЕС.

Кроме неурегулированного положения на Ближнем Востоке, были и другие факторы, из-за которых партнерство переживало один из самых трудных периодов своей истории. В частности, имеются в виду трагические события 11 сентября 2001 г. в США и другие атаки «Аль-Каиды».

В Валенсии 22–23 апреля 2002 г. состоялась Пятая евросредиземноморская конференция министров иностранных дел. На ней в очередной раз была подтверждена принципиальная важность Барселонской декларации в плане превращения Средиземноморья в регион мира и стабильности, развития и всеобщего процветания, сотрудничества и взаимопонимания между культурами и цивилизациями. Участники конференции еще раз подчеркнули актуальность Барселонского процесса в свете развития политической ситуации на Ближнем Востоке. На конференции не присутствовали представители Сирии и Ливии [5, с.110–114]. В ходе министерской конференции в Валенсии состоялась церемония подписания в присутствии председателя правительства Испании Х. М. Аснара соглашения о евросредиземноморском сотрудничестве между Алжиром и ЕС, между Ливаном и ЕС, а также между ЕС и Иорданией.

В рамках развития евросредиземноморского сотрудничества следует упомянуть еще ряд конференций. В частности, в декабре 2003 г. в Неаполе проходила Шестая евросредиземноморская встреча, в которой принимали участие министры иностранных дел как европейских, так и азиатских и африканских стран. Страны-участницы обсуждали проблему насилия в регионе и пути её преодоления.

В июне 2004 г. в египетском городе Александрия проходила следующая конференция на министерском уровне стран Европейского союза и Средиземноморья, в которой приняла участие и Испания. Особой вехой в развитии евросредиземноморских отношений можно считать принятый 11 марта 2003 г. Европейской комиссией при активном участии Испании документ под названием «Расширение Европейского союза — добрососедство: новые рамки отношений с восточными и южными соседями». В соответствии с этим документом соседние страны, проводящие созвучные основным ценностям ЕС политические, экономические и институциональные реформы, могут рассчитывать на более тесную экономическую интеграцию и либерализацию отношений с государствами Евросоюза. Этот документ предоставил перспективные возможности для Испании, стать дополнительным инструментом в претворении в жизнь её собственной политики по отношению к менее развитым соседним странам. Следует отметить, что Испания активно выступала против перераспределения бюджетных средств ЕС, ранее направляемых в страны Средиземноморья, в пользу стран ЦВЕ и создания единого фонда.

Барселонский процесс дал новый импульс развитию отношений между ЕС и Средиземноморьем. За достаточно небольшой период, прошедший с момента подписания Барселонской декларации, был достигнут значительный успех, однако он был далёк от того, что представляли себе страны — участники процесса в начале пути.

Ощутимые успехи были достигнуты в области финансирования. Программа MEDA являлась одним из главных достижений Барселонского процесса. Она обеспечивала ресурсы как для двустороннего, так и для многостороннего сотрудничества, в частности, в плане использования фондов технического содействия [6].

Социальное, культурное и гуманитарное сотрудничество является одним из трех основных направлений Барселонского процесса и включает в себя развитие культурных связей, образование, здравоохранение, ведение межрелигиозного диалога, решение проблем занятости и миграции. Проблема миграции является также приоритетным направлением в рамках деятельности Барселонского процесса. Это один из важнейших компонентов развития экономики в странах ЕС. Миграционные потоки — фактор, оказывающий значительное влияние на демографическую ситуацию в Средиземноморье, их анализ даёт понимание перспектив социально-экономического и политического развития Средиземноморья.

Проект по сотрудничеству в области социальной интеграции иммигрантов, международной миграции и других перемещений людей был инициирован Европейской комиссией и являлся частью программы MEDA (программа Евросоюза по поддержке экономических реформ в странах Средиземноморья). Цель проекта — создание эффективного инструмента для отслеживания, анализа и прогнозирования миграционных процессов, изучения причин их появления и влияния на страны Европы и на средиземноморские страны Африки и Ближнего Востока. Миграционные процессы Ближнего Востока становятся всё более сложным и многосторонним явлением в результате глобализации, различных конфликтов, изменений на рынке рабочей силы. Все эти факторы формируют масштабные потоки вынужденной миграции.

Таким образом, новым направлением евро-средиземноморского партнерства после подписания Барселонской декларации стало развитие политического, социального и культурно-гуманитарного сотрудничества, а также элементов сплочения гражданского общества через негосударственные структуры.

Приоритетную роль в этой сфере играет двустороннее и многостороннее сотрудничество двух регионов в области регулирования миграции, особенно нелегальной. После 2000 г. проблемы миграции были выделены как четвертое важное направление политики евросредиземноморского сотрудничества. Но объём средств, выделяемых на реализацию социально-политических и культурно-гуманитарных программ и решение проблем миграции, явно не соответствовал заявленному в Барселонской декларации и других инициативах ЕС значению этого направления сотрудничества [7, р. 3].

Испания в 2000-е гг. наряду с другими европейскими странами стремится усилить свое вли-

яние в Средиземноморье. Для ЕС Средиземноморье – это выход на Ближний Восток и возможность для дальнейшего продвижения на африканский континент, привлекающий растущее внимание мирового сообщества.

В этот период в рамках Евросоюза был разработан и принят проект создания Союза для Средиземноморья (СДС). Ряд причин вызывали интерес Европейского союза к данной инициативе. В частности, государства Средиземноморья являются важными экономическими и торговыми партнерами ЕС. На них приходится около 5 % товарооборота Евросоюза. После 2000 г. эти показатели неуклонно росли. Так, экспорт в страны ЕС вырос на 10 % в 2000-е гг., тогда как импорт оттуда – на 4 %. Евросоюз зависит от поставок сырья и энергоносителей из региона и является основным потребителем сельскохозяйственной продукции, производимой в Средиземноморье. Большое значение для ЕС имеют вопросы обеспечения безопасности в средиземноморском регионе.

В этих обстоятельствах по инициативе французского президента Н. Саркози в 2007 г. зародился новый проект – Союз для Средиземноморья, ставший продолжением предыдущих европейских программ. С помощью СДС был фактически «перезапущен» Барселонский процесс, инициатором которого во многом стала Испания. Политической целью проекта является установление мира и стабильности в регионе. В итоге, чтобы показать преемственность по отношению к Барселонскому процессу, принять участие в проекте было предложено всем странам ЕС и государствам Средиземноморья.

13 июля 2008 г. в Париже состоялся первый саммит 43 государств, учредивший Союз для Средиземноморья. Активизация его деятельности проходила медленно. Сложности в функционировании данного проекта связаны с целым рядом причин. Прежде всего, они обусловлены различиями, которые существуют между членами ЕС и государствами Средиземноморья, последствиями «арабской весны», проблемами урегулирования арабо-израильского конфликта, а также политикой ЕС в отношении некоторых стран региона, в частности Сирии.

Необходимо добавить, что Испанию и Италию беспокоила возрастающая дипломатическая активность Франции в регионе, представляющем для них большой интерес. СДС – это не только инициатива Парижа, а трехсторонний проект Испании, Италии и Франции, который не противоречил Барселонскому процессу и должен был придать ему новый импульс [8].

На средиземноморской конференции, которая проходила 3–4 ноября 2008 г. в Марселе, было принято решение о том, что резиденцией нового объединения будет Барселона, дворец Педральбес. Таким образом, Испания также выступила за укрепление интеграционных процессов в рамках Союза для Средиземноморья.

Созданный Союз для Средиземноморья должен был войти в 2010 г. с полностью сформированными структурами, но в конце 2009 г. между участниками возникли новые трения.

Ожидалось, что эта организация, объединяющая страны по разные стороны Средиземного моря, приступит к работе в январе 2010 г., что совпало бы с началом полугодового председательства Испании в Европейском союзе. Однако в последний момент не удалось утвердить устав СДС, без чего невозможно было избрание его генерального секретаря. На этот пост был представлен единственный кандидат – Ахмад Масадех (Иордания). Но соответствующая встреча и голосование не состоялись, так как перед этим Кипр наложил вето на решение назначить представителя Турции одним из шести заместителей генерального секретаря.

Вместо официального начала своей деятельности СДС стал заниматься улаживанием нового конфликта, поиском компромисса, уговорами сторон. Инициативу взяли на себя Испания и Франция, а также Египет, Иордания и Тунис.

Кроме того, создание нового Союза для Средиземноморья совпало с экономическим и финансовым кризисом, который не мог не повлиять на отношения ЕС с южными странами-партнерами. Низкие темпы роста в ЕС сказались на замедлении внешней торговли с южно-средиземноморскими странами, европейские инвестиции уменьшились, упали доходы от туризма и денежные переводы трудовых мигрантов, замедлилась деятельность частного сектора, особенно мелких и средних предприятий. Но страны Южного Средиземноморья оказались менее подвержены кризисному влиянию из-за слабой интеграции в мировую экономику и низкой степени открытости финансовых рынков.

В первое полугодие 2010 г., в период очередного председательства Испании в ЕС были приняты шаги для укрепления средиземноморского направления внешней политики Союза. Глава правительства ИСРП Х. Л. Родригес Сапатеро высказал сожаление в связи с тем, что саммит Союза для Средиземноморья не состоялся. Было принято решение отложить проведение встречи, запланированной на июнь 2010 г. в Барселоне, на другой период, более подходящий

для диалога о мирном урегулировании на Ближнем Востоке. В результате Союз для Средиземноморья 6 июля 2011 г. возглавил марокканский дипломат Юсеф Амрани.

Существует ряд аспектов, которые в значительной степени повлияли на средиземноморскую политику ЕС в 2000-е гг. Среди внутренних факторов ключевым стало расширение ЕС. Таким образом, восточноевропейская политика ЕС несколько отодвинула его деятельность в Средиземноморье и отчасти обусловила торможение Барселонского процесса.

Другой причиной стал институциональный кризис ЕС, связанный с процессом выработки и ратификацией Лиссабонского договора. Этот затяжной кризис не способствовал выработке единой средиземноморской политики. К тому же обнаружились расхождения членов ЕС по ряду ключевых международных проблем: участию в войне в Ираке, признанию независимости Косово, военной операции в Ливии. Нет единства и в вопросе вступления Турции в ЕС. На ход развития событий повлиял и экономический кризис, поразивший такие средиземноморские государства, как Греция, Италия и Испания. Таким образом, экономика этих южно-средиземноморских стран сама нуждалась в помощи.

Серьезное влияние на курс ЕС в Средиземноморье оказывают также США. Американское влияние сказывается на развитии целого комплекса ближневосточных противоречий, ещё одного фактора дестабилизации в Средиземноморском регионе.

Невзирая на тяжелое экономическое положение Евросоюза в результате мирового экономического кризиса, особенно сильно ударившего по его средиземноморским странам, а также процессы, известные как «арабская весна», создатели и функционеры Союза для Средиземноморья с оптимизмом смотрят в будущее. Об этом говорят уже принятые далеко идущие и амбициозные программы, некоторые из которых, как, например, «Энергия пустыни 2050», рассчитаны на многие десятилетия вперед. На эту программу предполагается выделить значительные финансовые средства. Европа может обеспечить свои потребности в электроэнергии, развивая потенциал возобновляемых источников энергии в странах южного Средиземноморья. Рынок возобновляемой энергетики Средиземноморья оценивается в 60 млрд евро в год. Вместе с тем необходимо отметить, что 14 декабря 2015 г. была принята резолюция 70/124 Генеральной Ассамблеи ООН о предоставлении Союзу для Средиземноморья статуса наблюдателя в ООН.

Однако, по мнению известного политолога Ю. И. Рубинского, «проект Н. Саркози натолкнулся на решительное сопротивление А. Меркель, которая твердо дала понять, что не допустит формирования внутри ЕС субрегиональной структуры без Германии. Либо в СДС примут участие на равных основаниях все члены ЕС, либо его не будет вообще. В итоге СДС стал дополнением к уже существующим формам участия ЕС в решении проблем региона («квартет» с США, ООН и Россией по урегулированию израильско-палестинского конфликта, евро-арабский диалог, Средиземноморский форум). Если революции в Тунисе и Египте нанесли по французскому проекту СДС, и без того обесцененного сопротивлением Германии, тяжёлые удары, то события в Ливии похоронили его надолго» [9].

Среди других причин, которые тормозят развитие Союза для Средиземноморья, эксперты выделяют саму структуру Союза, объединяющего 43 сильно отличающихся друг от друга страны. Большие различия существуют между двумя группами стран, одна из которых представлена членами ЕС, а другая южно-средиземноморскими государствами. Разногласия существуют и внутри этих групп. Так, речь идёт о многочисленных противоречиях внутри ЕС по вопросам сотрудничества со странами Средиземноморья.

Израиль сдержанно отнесся к инициативе Союз для Средиземноморья. Турции, в свою очередь, была обеспокоена в связи с тем, что участие в СДС предложено ей в качестве альтернативы вступлению в Евросоюз. С другой стороны, Турция стремится утвердиться в роли самостоятельного лидера в регионе Средиземноморья, что в определённой степени ограничивает её энтузиазм в отношении СДС [10, p.194].

События «арабской весны» в странах Северной Африки и запоздалая реакция ЕС на них свидетельствуют о том, что европейская политика в Южном Средиземноморье стала давать сбой. Социально-экономическое положение южно-средиземноморских стран не улучшилось, политический диалог не продвинулся из-за арабо-израильского конфликта, проблемы миграции обострились, создание зоны безопасности, стабильности и процветания в районе Средиземноморья не удалось [11].

Масштабность и широта распространения революционных потрясений в Северной Африке и мусульманском мире обоснованно привлекали внимание ведущих мировых держав и региональных блоков, поскольку представляли серьёзную угрозу дестабилизации ситуации в регионе.

Наступила эпоха возможностей для выстраивания новой системы взаимодействия государств в международной политике, которая предполагает увеличение гибкости подходов и учет взаимных интересов сторон, особенно в вопросах сохранения глобальной и региональной безопасности.

Казалось, что политические, социальные и экономические проблемы, стоявшие за «арабской весной» предоставляли выгодные стартовые позиции новым европейским инициативам. Однако ЕС в этом плане не оправдал надежд. Причиной стало главным образом нежелание стран-членов позволить Евросоюзу играть активную роль в регионе и их ожидание действий от НАТО. Санкции, введенные ЕС в отношении нескольких авторитарных режимов, также не дали заметного результата [12].

На события в Средиземноморье Евросоюз ответил идеей «Партнерство во имя демократии и общего процветания» от 8 марта 2011 г. Этот доклад не принёс ничего существенно нового. В нем фактически была обновлена программа «Европейская политика в Средиземноморье». В частности, отмечалось, что революция в арабском мире «будет иметь долгосрочные последствия не только для населения и стран этого региона, но также для остального мира и для ЕС в особенности, что «Евросоюз готов оказать поддержку всем реформам своих южных партнеров». 11 марта 2011 г. был проведён чрезвычайный саммит ЕС в Брюсселе. Цели политики ЕС были сформулированы на нем следующим образом: ускорение политических и экономических реформ, поддержка демократических преобразований в Египте и Тунисе, оказание финансовой и технической помощи в рамках политики соседства, готовность ЕС пересмотреть цели Союза для Средиземноморья [13].

Европейская политика в этом регионе оказалась неэффективной, несмотря на значительные средства, расходовавшиеся на нее многие годы и направляемые на демократические реформы и защиту прав человека в странах Южного Средиземноморья. Евросоюз был во многом обеспокоен поддержанием политической стабильности, гарантировавшей бесперебойные поставки нефти и газа из Северной Африки и Ближнего Востока, и ситуацией с нелегальной иммиграцией [14, с. 269–270].

В ЕС в рамках Барселонского процесса предпринимались значительные усилия по проведению демократических преобразований в южно-средиземноморских странах, применялись различные подходы и механизмы, включая увеличение финансирования. Евросоюз сотрудничал с авторитарными режимами в этом регионе, которые рассматривал как гарантов стабильности, то есть ЕС придерживался политики двойных стандартов. Для руководства Евросоюза политическая безопасность в Южном Средиземноморье была тесно связана с поддержкой этих режимов.

Таким образом, на первое место всегда ставилась стабильность и безопасность, а не проведение политических реформ. Ускорение экономического развития в странах Средиземноморья должно было, по мнению ЕС, привести к демократическим преобразованиям.

Осложнение ситуации в Средиземноморье связано и с развитием ситуации в Сирии. В связи с этим необходимо отметить достижения России, которая как глобальная держава проводит конструктивную политику, отстаивая её, несмотря на давление стран Запада.

С самого начала «арабской весны» ЕС пытался показать, что Европа — один из ключевых мировых центров. В Ливии этого сделать не получилось, европеизировать операцию против Каддафи не удалось: она была поставлена под командование НАТО. Развитие событий показало, что в Европе нет абсолютного единства по вопросу внешней политики в регионе. Различие подходов порождают также существующие исторические связи, в частности у Египта с Великобританией, у Марокко с Испанией, у Ливии с Италией.

Таким образом, деятельность СДС значительно осложняется тем, что ЕС — объединение независимых государств, каждое из которых имеет собственный взгляд на отношения с соседями, поэтому прийти к единому мнению по вопросу реализации той или иной инициативы зачастую непросто. По этой причине процессы интеграции в Средиземноморье, а также эффективная политика соседских отношений в ЕС еще далеки от идеала, поэтому Союзу для Средиземноморья не удаётся выступить объединяющей политической силой.

Литература / References

1. Аникеева Н. Е. Политика Испании и ЕС в Средиземноморье в конце XX – начале XXI вв. – М.: МГИМО-Университет, 2014. С. 35–43.
2. Khader B. Europa por el Mediterráneo. De Barcelona a Barcelona (1995–2009). – Madrid, 2009.
3. Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / под ред. А. Д. Воскресенского. – М., 2002.
4. Аллес П. Союз Средиземноморья: государственная и региональная политика // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2016. Т. 26. № 2. С. 266–273.
5. Аникеева Н. Е. Изучение проблем Средиземноморья в современной испанской и российской историографии // Новая и новейшая история. – 2015. № 4. С. 110–114.
6. Там же.
7. Third Annual Report on Immigration and Integration. Commission of European Communities. – Brussels, 11.09.2007. p. 3.
8. Аникеева Н. Е. Испания в конце XX – начале XXI века // Новая и новейшая история. – 2006. № 2.
9. Рубинский Ю. И. Франция. Время Саркози. – М., 2011.
10. Beneyto J. M., Argerey P., Sorroza A. La apuesta por el Mediterráneo: un reto para el siglo XXI. – Madrid, 2010. P.194.
11. Jiménez T. El ciudadano árabe, dueño de su destino // Política Exterior. – 2011, marzo/abril.
12. Носков А. Иллюзия Средиземноморского союза // Независимая газета. 29.07.2015.
13. Трофимова О. Е. Эволюция средиземноморской политики Евросоюза: путь от ... Европейская политика соседства и страны Южного Средиземноморья [Электронный ресурс]. – URL: <http://imemo.ru/en/publ/2011/11006.pdf>.
14. Аникеева Н. Е. Внешняя политика Испании в конце XX – начале XXI века. – М.: МГИМО-Университет, 2016. С. 269–270.

Е. В. Астахова

Новая эстетика испанской политической жизни как отражение изменений в обществе

Елена Васильевна Астахова, доцент кафедры
испанского языка МГИМО МИД России,
доцент ВАК, канд. ист. наук. elastakhova@yandex.ru

***Аннотация:** В статье анализируются особенности новой эстетики политической жизни испанского общества. Рассматривается тезис взаимосвязи эстетики и идеологии, что проявляется в новых формах общественной деятельности, дискурсе, риторике, методах политического маркетинга и имиджа, на примере партии Podemos. Podemos за небольшой срок существования в политическом поле достигла больших успехов, став третьей силой в парламенте страны. Обращаясь к испанским избирателям, лидеры партии используют эмоционально насыщенные метафоры, идеологически продуманные лозунги, особый вестиментарный код, эпатаж, новые формы агитации.*

***Ключевые слова:** Испания, партия Podemos, эстетика, идеология, имидж, политический дискурс, политический маркетинг, метафора.*

The new aesthetics of the Spanish political life as a reflection of social changes

Elena Astakhova, Moscow State Institute of International Relations
Associated professor, Ph.D. History. elastakhova@yandex.ru

***Abstract:** Socio-economic changes in Spanish society that emerged in the end of the first decade of this century as a result of a deep financial crisis and moral weariness of the population from the corrupt politicians, have led to the emergence of new political forces which quickly gained popularity. It applies most of all to the party Podemos, headed by a charismatic leader, Pablo Iglesias. The success of Podemos caused a shock for the ruling elite of Spain, accustomed during the years of democracy to the two-party system and a relatively similar electoral and governmental rhetoric. Aesthetics, as a reflection of real life and value attitude, goes hand in hand with politics. The change in ideology and a challenge to the system lead to new forms of public activities, of the mobilization of supporters, of election campaign, clothing, manners, discourse, etc. New aesthetics is against of obvious, changes the usual symbols.*

The deputies of Podemos and other leftist challenge prevailing conventions and introduce to the «sacred» Parliament the real life of the street. The denial of parliamentary dress code means not desire to play by the rules of the «caste». The colloquial language typical for the media, television talk shows and glamorous magazines is usual now in the Parliament.

The policy changes its iconographic attributes and the language of communication. Currently, in Spain, in social terms, two aesthetic, and thus ideological systems are facing: alternative - anti-globalization in fact, and so called «neotransit», i.e. the idealization of the first years of democracy, when there was political consensus

and stability. The future will show which tendency will be viable and long lasting, it will depend on global circumstances that are in the constant movement and unpredictable direction.

Keywords: Spanish party Podemos, aesthetics, ideology, image, political discourse, marketing methods, metaphors.

Социально-экономические перемены в испанском обществе, обозначившиеся в конце первого десятилетия нашего века на фоне глубокого финансового кризиса и моральной усталости населения от коррумпированных и сменяющих друг друга политиков, привели к появлению новых политических формирований, быстро набравших популярность у широких слоев населения [1]. Это в первую очередь относится к партии Подемос во главе с харизматичным лидером Пабло Иглесиасом. Родившись на волне мощного протестного движения 15 мая 2011 г. «возмущенных» (indignados) [2], в настоящее время позиционируется как третья парламентская партия по числу отданных за неё голосов на всеобщих выборах (декабрь 2015г. и июнь 2016 г.) и имеет, вместе с Объединёнными левыми — Izquierda Unida, представительную фракцию в парламенте — 71 место. Людей, голосующих за партию, сами идеологи партии определяют как побретариат (от robe — бедный) [3], который и стал жертвой неолиберальной политики правительства.

Один из теоретиков и основателей Подемос Хуан Карлос Монедро пишет, что «мы изобретаем новые идеологии, которые идут намного дальше, чем традиционные левые или правые силы» [3, с. 198].

Успех Подемос вызвал шок у правящей элиты Испании, привыкшей за годы демократии к двухпартийной системе и сравнительно одинаковой избирательной и правительственной риторике. Появление депутатов от Подемос на первом заседании испанского парламента 20 января 2016 г. можно было сравнить с вхождением санкюлотов в Национальную ассамблею Франции в 1799 г., когда менялась не только политика, но и эстетика.

В сущности, идеология и политические институты — это и есть эстетика, а изменение идеологии и вызов системе ведут к новым формам общественной деятельности, мобилизации сторонников, наглядной агитации, наконец, одежды, манеры поведения, обращения, дискурса и т. д. Политика и эстетика идут рука об руку. Новая эстетика наносит удар очевидному, дезориентирует, меняет привычные символы, выступает как политический протест. И даже внешний имидж служит для продажи избирателю определённых идей. Конец двухпартийной системы в Испании ознаменовался и сменой имиджа политиков из новых партий — Подемос и Сиудаданос. Но прежде всего, безусловно, смена идеологии, эстетики и, как следствие, имиджа, касается политического движения Подемос.

Новые формы эстетики и социальной активности проявляются в следующем:

— **Меняется форма организации партии.** С организационной точки зрения политическое формирование Подемос представляет собой открытую и гибкую модель, которая функционирует, как на географической основе (в районах и в городах, в Испании и за её пределами), так и по профессиональному признаку — ячейки экономистов, медицинских работников, учителей, рабочих разных специальностей и т. п.). Количество ячеек достигло 1 000 всего за 11 месяцев после официального создания партии в январе 2014 г.

Идея горизонтального построения партии отвечает взглядам лидеров Подемос на общество — есть те, кто «наверху» и те, кто «внизу» — los de arriba y los de abajo, то есть — большинство общества и меньшинство, которые не заботятся об интересах большинства, но которое при этом стоит у власти. При этом правящее меньшинство неспособно дать ответы на социальные требования и проблемы большинства. Переход политической оси в вертикальную плоскость «верх—низ» объясняет успех Podemos в её воззваниях к большинству испанцев.

Способность к открытости и децентрализации усиливается благодаря социальным сетям, которыми никто до Podemos в политической истории Испании так активно ещё не пользовался. Посредством твиттера, фэйсбука и прочих сетей ячейки соединены между собой, что даёт возможность всем людям участвовать в работе партии, и в свою очередь предоставляет лидерам движения важную информацию о нуждах каждого сектора и в каждой местности. Через социальные сети были разработаны и выдвинуты на голосование программы движения. Этот вид деятельности «снизу—вверх» — один из новаторских приемов Podemos.

— **Используются новые формы мобилизации сторонников** — через социальные сети, телевизионные ток-шоу, юмористические и музыкальные программы, публичные демонстрации, флэш-мобы, даже цвет — не красный, а фиолетовый (morado). Во всех формах превалирует игра смыслов: верх-низ, народ-каста, простые граждане—элита, достойные люди против коррупции—

онеров. С самого начала появления движения на политическом поле развернулось сражение за придание нового смысла определённым словам, метафорам, символам, которые стали основополагающими в описании социальной реальности. Очевидно, что Podemos идёт по пути упрощения смыслов, использования **интернет-мемов** для усиления эмоционального воздействия, что делают, впрочем, все политические акторы.

Применяются новые методы наглядной агитации. Для агитации служат самые необычные предметы: наклейки на товарах, мультиролики, электронные средства агитации, реклама, мода, татуировки, рисунки на коже, уличный театр, танец, другие средства визуальной коммуникации с учётом психологических интересов молодого избирателя. Иглесиас объяснял испанцам основы политической теории через сериал «Игра престолов» и выпустил книгу «Победи или умри – политические уроки из “Игры престолов”», на обложке которой позировал на железном троне.

– **Роль одежды приобретает особый смысл.** Внешний вид лидеров Podemos – подчеркнуто упрощённый. Эти вестиментарные символы создаются сознательно. Одежда приобретает политический смысл, который не покрывается ее применением [4]. Внешний облик подсознательно соединяется с человеком и происходит перетекание смыслов: этот в костюме – как символ прошлого, а этот в рубашке – защитник наших интересов. Кстати, ношение галстука уже стало определённым кодом в политике – без галстука политик становится как бы ближе к народу. В то же время консервативными и возрастными слоями населения отсутствие галстука может расцениваться и наоборот – как знак ненадежности, легкомыслия.

Новыми депутатами был брошен вызов господствующим условностям и в «сакральный» парламент привнесены формы и отношения улицы. Нарушение парламентского дресс-кода уже обозначал неповиновение и нежелание играть по правилам «касты»: отказ от галстуков, официального костюма от лучших марок, столь любимых испанскими депутатами; майки вместо рубашек; причёски самые свободные, дреды, пирсинг, непременные браслеты на руках и тому подобные атрибуты.

Самый яркий пример создания образа в определённом политическом контексте – сам Пабло Иглесиас в рубашке навыпуск, с конским хвостом, с тканевыми браслетами на руках. Он стал «узнаваемым лицом» на экранах ТВ, благодаря не только радикальным высказываниям, но и внешнему облику, который он не устаёт обыгрывать как хороший театральный актер. Пабло Иглесиас посещал курсы актерского мастерства, которое он считает необходимым качеством для политика [5].

– **Меняется манера поведения.** На первое заседание Конгресса в январе 2016 г. некоторые депутаты прибыли на велосипеде, другие в сопровождении оркестра. Депутат и одна из основателей Podemos Каролина Бесканса кормила своего шестимесячного ребенка на заседании по выборам председателя Конгресса – пост, на который она также претендовала.

Изменение манеры поведения в парламенте относится не только к деятелям Podemos, но и к представителям других партий, которые стремятся повторить успешные тактические приемы. Но ни «народникам», ни социалистам, ни Сиудаданос (партия Граждане – *Ciudadanos*) пока не удастся найти «свое» узнаваемое лицо» (особая тактика в имагологии, когда телевизионный зритель, то есть потенциальный избиратель, привыкнув к определённому «лицу», уже узнает его в избирательных списках), в то время как лидеры Podemos действуют в соответствии с чётко разработанным политическим маркетингом.

В выступлениях депутатов Podemos присутствует яркая, активная и эмоциональная жестикация. Невербальные средства общения, мимика приобретают стратегическое значение и позволяют выразить заинтересованность и увлечённость или, наоборот, презрение и отторжение.

В этой связи можно вспомнить Кортесы 1810 г. в Кадисе, когда впервые появились такие новые формы парламентаризма как свободное присутствие публики на заседаниях, публикация в газете результатов слушаний, отказ от обращения *сеньор*. Как свидетельствуют хроникеры того времени, «изменилась атмосфера дискуссий, тон и экспрессивность ораторов, реакция публики, в зале наблюдался сильный шум, новые депутаты озирались вокруг, громко обращались друг к другу, оживленно общались с публикой на галерке» [6].

– **Обращения и дискурс.** На заседаниях Конгресса, на пресс-конференциях, на митингах дискурс Podemos лишён официоза, он – метафоричен и учитывает коммуникативные особенности испанцев.

В Конгрессе стало обычным обращение на «ты» (обращение, которое в современной обычной речи практически вытеснило «вы» – испанское *usted*, но в официальном пространстве, ка-

ким является Конгресс, не считается вежливым). Депутаты Подемос, настаивая на получении определённых постов в правительстве использовали необычные для парламентского дискурса формулы: “la gente mande y el gobierno obedezca” — «пусть народ приказывает, а правительство выполняет».

Обращаясь к испанскому гражданскому обществу, руководство партии много внимания уделяет подбору «правильных слов», ведь именно язык формирует картину человека, влияет на его сознание. Теоретики партии опираются на труды когнитивных психологов, лингвистов, новых марксистов и современных, прежде всего латиноамериканских политиков. Один из «вдохновителей» стратегии партии неомарксист аргентинского происхождения Эрнесто Лаклау в своем произведении «Гегемония и социалистическая стратегия» (“Hegemonía y estrategia socialista”) предлагал понимать политику как диспут по своей сути. «В диспуте выступление — это не обсуждение уже существующих позиций, а это представление различных позиций, смысл которых меняется в зависимости от того, с какой стороны рассмотрен тот или иной вопрос. Позиция автора определяется данными, которые он использует по своему усмотрению. Их значение может сильно разниться в зависимости от того, как они сгруппированы, подобраны и интерпретированы» [7].

Один из идейных лидеров Podemos Иньиго Эррехон утверждает, что «политика — это борьба за смыслы слов; значение вещей берётся не из ничего, а является результатом определённой работы, это значение может быть изменено». «Слова — это высоты на поле боя политики, — пишет Эррехон. Тот, кто ими владеет, уже наполовину одержал победу в битве» [8]. Тот же тезис неоднократно повторяет Хуан Карлос Монедеро: «давать имена явлениям — это и значит делать политику» [3, р. 88].

Приведём в этой связи мнение когнитивного психолога Джорджа Лакоффа о формировании картины мира посредством языка (его труды хорошо известны лидерам Подемос): «Когда человек слышит слово, в его мозгу включается соответствующий маркер (или набор маркеров). Поменять маркер — это значит изменить то, как человек видит мир, значит поменять то, что понимается под здравым смыслом. Если слова активируют маркеры, то для новых маркеров нужны новые слова. Чтобы заставить думать иначе, надо заставить иначе говорить» [3, р. 84–85].

«Поменять картину мира» и тем самым «изменить мышление народа» предлагает Монедеро в своей книге «Срочный политический курс для приличных людей», выдержавшей 12 изданий с октября 2013 г. Необходимо «превратить словари в инструменты революции», «дать явлениям новые обозначения, чтобы овладеть ими», «чтобы мы говорили демократия — и наступала демократия» [3, р. 89]. В этой книге автор описывает способы того, как можно по-новому видеть мир и объяснять его, а также посвящает множество страниц теме слов и языка, «на котором не мы говорим, а который управляет нами» [3, р. 84].

В парламенте зазвучал новый дискурс, использующий до этого в социальных сетях, телевизионных ток-шоу и даже в гламурных журналах (площадки, позволившие Подемос набрать популярность и завоевать избирателя).

Новые депутаты открыто и напоказ выстроили поколенческую и временную дистанцию по отношению к таким лицам, как премьер-министр Мариано Рахой и его соратники, историческим лидерам ИСРП, давно отказавшимся от социальных целей и революционных идеалов, нынешним обюрократившимся руководителям соцпартии. Речь идёт уже не только о новой форме представительной демократии, но и об её содержании. Политикам у власти напомнили о «простом человеке».

Первой реакцией большинства не только депутатов, но и журналистов, политиков, обслуживающего персонала парламента было отторжение и резкое неприятие этого слома традиций и «уважения к месту, где принимаются законы». Даже представители Izquierda Unida говорят, что депутаты Подемос рассматривают парламент как нескончаемую фиесту.

В основе трудностей переговоров о формировании правительства, которые велись практически весь 2016 г., лежали и непримиримые эстетические парадигмы.

Повторные выборы в парламент, прошедшие в июне 2016 г. показали, что Подемос в определённой мере напугала избирателей своей радикальностью, малой степенью ответственности и неспособностью идти на уступки в переговорах. В чрезмерном упоре на эпатаж партия Иглесиаса стала партией «нет». В результате движение 15 мая в широком смысле чувствует себя обманутым и разочарованным — после всех усилий, борьбы, митингов, моря слов — у власти в стране вновь встала правая Народная партия. И речь идёт не только о количестве мест в парламенте, а о степени влияния движения Подемос, внутри которого появились проблемы и разногласия лидеров, в том числе о методах ведения парламентской борьбы.

В действующем парламенте Подемос оказалась в изоляции – такова расстановка сил. Её лидеры и прежде всего «лицо партии № 1» Иглесиас, у которого всё больше проявляются замашки «фюрера», понимают, что исчерпывают свой избирательный ресурс и необходимо менять тактику. «Подемос – это партия, возникшая на волне протеста. Вместо того чтобы начать с создания партии и выдвижения кандидатов, мы сразу перешли к действию. Протест – это единственная оправданная причина для рождения новой партии. Сначала мы призвали людей выйти в море, а только потом построили корабль», – говорил Пабло Иглесиас на пике успеха. Совершенно очевидно, что пришло время придать кораблю нужный курс.

Итак, на политическом поле Испании имеет место столкновение идеологических и эстетических интересов. С одной стороны, Испания – страна с сильными левыми традициями, с другой – с сохраняющимися консервативными ценностями, хоть и глубоко запрятанными.

Меняется политика. Меняются и её иконографические атрибуты. Уже и члены Народной партии, особенно её молодые хипстеры – *rijos* начали понимать, что если партия хочет идентифицировать себя с народом, то и одеваться её представителям нужно как обычные граждане и вести избирательную кампанию соответствующими методами (что и продемонстрировала Народная партия уже в ходе второй избирательной кампании, в 2016 г.).

Для проведения новой политики, отвечающей интересам большинства населения, конечно, мало отказаться от галстука и носить рюкзак вместо респектабельного портфеля. В настоящее время в Испании в социальном плане сталкиваются две эстетические, а значит и идеологические системы: альтернативная, антиглобалистская по сути, и так называемая «неотранзит», то есть возврат к первым годам демократии, её идеализация, когда был достигнут политический консенсус и стабильность. Время покажет, какая из них будет жизнеспособной и длительной. Многое будет зависеть от мировых обстоятельств, которые находятся в настоящее время в постоянном и непредсказуемом движении.

Литература / References

1. Хенкин С. М. Испания в полосе турбулентности / С. М. Хенкин // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 4. – С. 71–81.
2. Астахова Е. В. Штурм небес или особенности политического дискурса Подемос / Е. В. Астахова // Ибероамериканские тетради. – М.: ИМИ МГИМО МИД России, 2016. Вып. 1 (11). – С. 21–29.
3. Juan Carlos Monedero. Curso urgente de política para gente decente. S.A. – Barcelona, España, Editorial Planeta, 2014.
4. Сливчикова Ю. В. Костюм политика в иберо-американском политическом дискурсе // Латинская Америка. – 2015. – № 3. – С. 96–106.
5. José Ignacio Torreblanca. Asaltar los cielos. Podemos o la política después de la crisis, S.A.U. – Barcelona, Penguin Random House Grupo Editorial, 2015.
6. URL: <https://argonauta.revues.org/1296>. F. Durán López – †2007. Prensa y Parlamentarismo en Cádiz en el primer año de las Cortes: El Conciso (septiembre de 1810-agosto de 1811).
7. URL: <http://debate21.es/2015/02/02/la-construccion-del-discurso-politico-de-podemos-aplicacion-practica-del-enfoque-teorico-de-laclau>.
8. Torreblanca. Ibid. P.78.
9. URL: <http://www.furfur.me/furfur/changes/changes/216357-podemos>.

Л. М. Бухармедова

Закон об исторической памяти: дань памяти или запоздалое возмездие

Лейла Мусаевна Бухармедова,
зав. кафедрой европейских языков ВКИЯ МИД России,
канд. ист. наук. clavel57@mail.ru

***Аннотация:** В статье рассматриваются предпосылки принятия в декабре 2007 г. Закона об исторической памяти, который всколыхнул всё испанское общество и вызвал ожесточённые споры, которые показали, насколько болезненна эта тема и неоднозначно отношение испанцев к своему франкистскому прошлому. При этом полемика, которая развернулась вокруг этой темы, часто определялась не столько научными, сколько политическими пристрастиями.*

***Ключевые слова:** Испания, франкизм, демократия, амнистия 1977 г., Закон об исторической памяти, раскол общества, международные организации.*

Historical Memory Law: a tribute or a late retaliation?

Leila Bukharmedova, Director of the Department
of European Languages of the Higher Foreign Language Courses
Ph.D. History. clavel57@mail.ru

***Abstract:** The article deals with the background of the Historical Memory Law that was passed in 2007. It stirred up the Spanish society and caused fierce debates which demonstrated how sensitive this issue is for the Spaniards and how controversial their attitude is towards the Francoist past of the country. At the same time the debate surrounding this issue often depended on political preferences and wasn't built on the basis of scientific interest.*

***Keywords:** Spain, Francoism, democracy, 1977 Amnesty Law, Historical Memory Law, the division of society, international organizations.*

В июле 2016 г. исполнилось 80 лет с начала гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. В истории любой страны гражданская война – это самые трагические страницы: это не объединение народа на борьбу с общим внешним врагом, а война внутри самого общества, которое как кровавым ножом разделено на два непримиримых лагеря. И, естественно, эта тема никогда не будет предана забвению и ещё очень долго, с большим или меньшим накалом, будет вызывать дискуссии как в обществе, так и в научных кругах. При этом неизбежна политизация восприятия трагического прошлого.

Поэтому неудивительно, что так всколыхнул испанское общество принятый в декабре 2007 г. «Закон о признании и расширении прав, а также установлении мер в пользу граждан, перенесших преследования или ставших жертвами во время гражданской войны и диктатуры», который сокращённо называют «Законом об исторической памяти».

Закон предусматривал целый ряд мер: снос памятников франкизма, удаление мемориальных досок и переименование улиц и площадей, названных в честь известных деятелей франкистской эпохи и побед националистов в годы гражданской войны (это касалось всех общественных и частных зданий, исключением являлись лишь архитектурно-художественные детали соборов); оказание помощи родственникам республиканцев в поиске и перезахоронении тел погибших в гражданской войне родных; предоставление испанского гражданства тем, кого в детстве вывезли из Испании в другие страны, а также их детям; отмену решений полевых судов франкистов, которые вынесли более 50 тыс. смертных приговоров в годы гражданской войны и позже (при этом некоторые из них были вынесены задним числом); открытие в Саламанке информационного центра, частью которого должен стать архив гражданской войны.

16-я статья посвящена «Долине павших», которая по новому закону из мемориала франкизму превращалась в исторический памятник. Её сооружения были внесены в реестр объектов государственного достояния, и проведение политических мероприятий здесь отныне запрещено.

Закон, который, по мнению его разработчиков, был призван консолидировать демократию, установленную после долгого периода диктатуры, восстановить справедливость, а также предусматривал моральное и материальное возмещение жертвам репрессий, как это предписывают нормы международного права, вызвал ожесточённую полемику в испанском обществе и резкую критику как с правого, так и левого фланга.

Не учитывая исторического контекста, невозможно понять, почему этот закон был принят именно в 2007 г., через 70 лет после окончания гражданской войны, которая закончилась установлением 36-летней франкистской диктатуры и более чем 30 лет демократического режима.

Переход к демократии в Испании происходил через переговоры и явился следствием стратегии компромиссов со стороны политических оппонентов, однако после смерти Франко публичная критика диктатуры всячески избегалась. Так, закон об амнистии, которого требовала оппозиция, с одной стороны, должен был способствовать освобождению из тюрем политических заключённых, с другой — обеспечивал долговременную неприкосновенность сотрудникам органов безопасности франкизма. Фактически всеобщая амнистия 1977 г., первая официально принятая новым демократическим парламентом мера по отношению к репрессиям прошлого, являлась пактом о забвении обществом недавних преступлений диктаторского режима.

Вследствие этого, на протяжении 20 лет тема гражданской войны и франкистского режима в политической жизни Испании практически не существовала. «Транзисьон», восплаемый всеми период перехода от диктатуры к демократии (1975—1982 гг.), проходил при официально поддерживаемом замалчивании спорных и неудобных с точки зрения национального согласия тем гражданской войны и франкизма. Провозглашённая в те времена политика «общенационального примирения» была направлена на то, чтобы любой ценой не допустить конфронтации, раскола общества, избежать новой гражданской войны. Все силы были направлены на поиски компромисса между представителями всех политических течений и на новые политические преобразования в целях установления желанной демократии.

В одном из своих интервью Хавьер Самора Бонилья, профессор истории политической мысли и современной истории Испании и Европы Мадридского Университета Комплутенсе и колумнист газеты *El País* сказал: «Начиная с 1980-х гг. страха уже не было. Скорее, было осознание, что тот период нашей истории — это период мрачный, горький, с обилием жестокостей, совершенных обеими сторонами, и что лучше всего было забыть обо всём, либо переживать молча» [1].

Об этом же пишет и д-р. ист. наук профессор МГИМО С. М. Хенкин: «...краеугольным камнем испанского перехода к демократии стал консенсус между антифранкистами и бывшими франкистами, а сердцевину этого консенсуса составлял так называемый пакт забвения. Он не был подписан, но действовал по всеобщему молчаливому согласию. Левые и правые, испытывавшие страх перед повторением ужасов гражданской войны, ставшей огромной моральной травмой для нации, сотрудничали в его рамках. Дабы предотвратить кровопролитие, жертвы репрессий отказались от намерения мстить и сводить счеты» [2].

И только с конца 1990-х гг., как в прессе, так и в политических и гражданских кругах, стало зарождаться новое движение, требующее снятия табу с «пакта молчания» — так критически настроенная часть населения называла принятую до тех пор по отношению к диктатуре общенационально-политическую тактику.

На рубеже тысячелетий можно было наблюдать совершенно новые социальные и культурные тенденции, касающиеся переосмысления обществом франкистского прошлого. Если раньше

о репрессиях недавнего прошлого в Испании молчали все, включая историков, теперь, в конце 1990-х гг., эта тема стала одной из наиболее широко обсуждаемых. Освещение и анализ этих тем в СМИ, на научных форумах и в массовой культуре указывал на очевидную отмену «пакта молчания», который действовал 25 лет после смерти Франко.

В течение последних лет в Испании вышло в свет бесчисленное множество научных исследований о политике и практике репрессий во времена Франко. Об этих временах повествуют новые романы. О колоссальном интересе аудитории к художественным описаниям этих аспектов прошлого свидетельствуют огромный успех романов Хавьера Серкаса «Солдаты Саламина» и Дульсе Чакон «Спящий голос», Эдуардо Мендоса «Кошачья свара», фильма Гильермо дель Торо «Лабиринт фавна» и др. О жертвах репрессий рассказывали выставки и телевизионные программы, в их память устраивались концерты. В этих новых тенденциях проявлялась возрастающая потребность гражданского общества пролить свет на многие старательно замалчиваемые факты недавнего страшного прошлого.

Накануне 70-летия начала гражданской войны (2006 г.) эта тема приобрела особую остроту и стала широко обсуждаться как в обществе, так и в средствах массовой информации. Некоторыми это воспринималось как окончательный разрыв с политикой «навязанного забвения», который сопровождался новыми идеологическими противостояниями, воскрешавшими в памяти политическую конфронтацию в Испании 1930-х гг. При этом самих участников тех событий практически не было в живых, испанское общество пережило глубокую трансформацию и было совсем не похоже на общество времен гражданской войны и франкизма.

Сменявшие друг друга демократические правительства придерживались политики консенсуса и тем или иным образом, постепенно и негласно помогали жертвам гражданской войны, однако определённая часть общества всегда считала, что по отношению к жертвам франкизма эта помощь недостаточна. Левая интеллигенция начала открыто выступать за официальную и всеобщую реабилитацию упомянутых жертв.

Непосредственным толчком к воскрешению этой темы стало появление в начале нового тысячелетия так называемого «движения за восстановление исторической памяти», а фактически – трагической судьбы республиканцев во время и после гражданской войны. Оно ставило своей целью привлечение общественного внимания к судьбе репрессированных во времена гражданской войны республиканцев, так называемых «пропавших без вести» (*desaparecidos*).

Началось всё с того, что в 2000 г. мадридский журналист Эмилио Сильва посетил своё «родовое гнездо» – селение Приаранса-дель-Бьерсо в провинции Леон [3]. И в сентябре того же года он опубликовал в газете *La Crónica–El Mundo* статью под названием «Мой дед – тоже *desaparecido*», где подчеркнул, что Испания приветствовала арест Пиночета, судья Бальтасар Гарсон начал судебные процессы в Аргентине и Чили, то же самое происходит в Гватемале. Но в Испании ничего подобного не делается, хотя и у здесь были свои *desaparecidos* [4].

В октябре 2000 г. в Приаранса-дель-Бьерсо успешно провели эксгумацию останков казнённых. В декабре того же года Эмилио Сильва и Сантьяго Масиас вместе основали Ассоциацию возрождения исторической памяти (*Asociación para la Recuperación de la Memoria Histórica, ARMH*). Она была зарегистрирована в Министерстве внутренних дел как благотворительная организация и ставила своей целью поиски «пропавших без вести» времён гражданской войны и более позднего периода. Это была одна из первых организаций, которая провела вскрытия массовых захоронений. В пору своего становления это была небольшая группа активистов. Однако вскоре деятельность сообщества получила огромный общественный резонанс, нашла отклик и в средствах массовой информации и вскоре распространилась по всей территории Испании. Количество подобных организаций неуклонно увеличивалось: только с 2003 до 2005 гг. их число возросло с 30 до 170 [5].

Почему это движение родилось именно в начале 2000-х гг.?

Подобные организации существовали и раньше, но они были немногочисленны и разрозненны; они никак не связывали себя с «исторической памятью» и не имели широкой социальной поддержки. Теперь же появилось новое поколение, менее толерантное по отношению к безнаказанности тех, кто нарушал права человека. Эти молодые люди выступали за справедливость уже опираясь на международное право. И их требования подхватила часть общества. Такое массовое распространение гражданских инициатив началось вскоре после победы консервативной Народной партии (НП) во главе с Х. М. Аснаром на выборах 2000 г., на которых он получил абсолютное большинство. Неудивительно, что оппозиционные партии, униженные столь сокрушительным поражением, поддержали это движение, чтобы таким образом перехватить по-

литическую инициативу и использовать наиболее слабое место Народной партии, не желавшей ворошить прошлое.

Именно этим можно объяснить целый ряд парламентских инициатив со стороны Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП) и Объединённых левых, направленных на осуждение франкизма и призванных отдать дань памяти его жертвам после стольких лет замалчивания этой темы. При этом особую активность проявили Объединённые левые, которые в 2002 г. создали Форум за Память и свой сайт, на котором активно обсуждался этот вопрос.

Однако правящая партия не только не пошла на обсуждение этой темы и поиски компромисса, но и ужесточила свою риторику. В итоге она не поддержала большинство предложений, выдвинутых из рядов оппозиции. Консерваторы аргументировали это «нежеланием беречь давно зажившие старые раны и вызывать былое противостояние» после того как было достигнуто национальное примирение, отражённое в демократической Конституции 1978 г. [6].

Неожиданная победа ИСРП на выборах 14 марта 2004 г. возродила надежды общественных организаций, выступавших за реабилитацию жертв франкизма, на быструю реализацию своих инициатив. И в самом деле, новый председатель правительства, Х. Л. Родригес Сапатеро, чей дед тоже пал жертвой франкистов, поспешил заверить о своей поддержке требований общественных организаций. Надо сказать, что ещё в предыдущие годы, когда во главе правительства стояли консерваторы, социалисты поддерживали многочисленные инициативы по восстановлению памяти жертв франкистских репрессий. Мало того, находясь в оппозиции правящей НП, левые и националистические региональные партии сделали тему «исторической памяти» одной из центральных в своей предвыборной программе. Прейдя к власти, социалисты смогли объединить вокруг этой темы всех, кроме консерваторов.

10 сентября 2004 г. была создана межведомственная комиссия с целью «изучить ситуацию с жертвами гражданской войны и франкизма» и предложить меры для их «моральной и юридической реабилитации».

Необходимость принятия «Закона об исторической памяти» социалисты обосновывали тем, что необходимо восстановить традиции демократии, то на что они не решились в годы «транзисьон», чтобы избежать обвинений в реваншизме.

Позиция консерваторов была диаметрально противоположной: по их мнению, стремление «восстановить» память — ненужная и неуместная мера, если не назвать ее реваншистской, а требование справедливости равнозначно мести. Для НП выражение «историческая память» является синонимом «реваншизма» и ставит под угрозу то согласие, которое было установлено во время перехода к демократии. Средства массовой информации консервативного толка начали писать о возможности новой конфронтации в обществе из-за принятия «Закона об исторической памяти».

Однако прошло полтора года и надежды общественных организаций всё ещё были далеки от осуществления. Всеобщее разочарование стало ещё сильнее, когда в сентябре 2005 г. вице-премьер правительства М. Т. Фернандес де ла Вега сообщила о решении правительства «затормозить» работу в этом направлении с целью найти решение, которое «удовлетворило бы обе стороны давнего конфликта и не бредило бы старые раны, а способствовало бы их заживлению» [7].

Несомненно, нерешительная позиция правительства социалистов резко контрастировала с их требовательной позицией три года назад, когда они, находясь в оппозиции, активно разоблачали профранкистскую позицию правящей Народной партии. Однако задача законодательно закрепить положения, которые касались целой исторической эпохи, оказалась гораздо более сложной, чем ожидалось. Ведь речь шла о недавнем прошлом, полным внутренних конфликтов и вооружённого противостояния.

Политическое решение так называемого вопроса об исторической памяти через принятие законов, которые бы содержали явное осуждение франкистов, означало неизбежный разрыв с основными постулатами постфранкизма, которые позволили столь мирный переход от диктатуры к демократии. А именно: не давать политическую оценку недавнему прошлому. Именно идея о взаимной исторической вине, разделённой между двумя лагерями, и составила основу национального примирения, что и позволило осуществить мирный переход к демократии.

Поэтому для власти единственной возможностью не нарушить духа консенсуса был отказ от возложения вины только на одну сторону и признание жертвами всех пострадавших и с той и с другой стороны.

Отсюда и решение правительства переориентировать решение этого вопроса и подготовить

закон, который, по крайней мере в символической форме, упомянет и жертв франкистского лагеря.

Результат такого «поворота» властей нетрудно было предвидеть другой результат — открылась огромная брешь между правительством социалистов и общественными организациями. Последние продолжали настаивать на том, что меры по увековечиванию исторической памяти и разного рода компенсации должны касаться только республиканского лагеря, учитывая, что франкисты и так «наслаждались» властью и привилегиями почти 40 лет. Кроме того, общественные организации опасались того, что желание властей придти к некоему соглашению с консерваторами приведет к принятию половинчатого, двуликого закона...

В итоге проект закона претерпел многочисленные переработки и дополнения. Было даже изменено его первоначальное название на более пространное — «Закон о признании и расширении прав, а также установлении мер в пользу граждан, перенёвших преследования или ставших жертвами во время гражданской войны и диктатуры». Социалисты долго не решались внести закон на обсуждение в парламенте и «пропустили» три символические даты, в которые было бы логично представить документ на рассмотрение в Кортесы. Это — 14 апреля — день провозглашения республики, 22 июня, когда 2006 г. был объявлен «Годом памяти», и 18 июля — начало гражданской войны. В итоге проект был представлен к рассмотрению на последней перед летними каникулами сессии нижней палаты парламента, в пятницу 28 июля 2006 г.

Уже в первой своей версии законопроект вызвал бурные дебаты: гражданские активисты выразили своё разочарование, левая коалиция (Объединённые левые вместе с левыми региональными партиями) критиковали текст как слишком мягкий, в то время как НП со своей стороны полностью отвергала законопроект. Аргументы правых оставались прежними: закон сводит на нет идею всеобщего примирения, которая в своё время позволила плавный переход от диктатуры к демократии.

Так или иначе, жёсткая позиция консерваторов заставила социалистов пойти на некоторые уступки. Тем более что именно ИСРП в своё время была одной из последовательных сторонниц консенсуса, понимая, что общество поддерживает такую позицию. И сейчас на неё не могли не подействовать обвинения в разжигании реваншизма, раскола и отказа от идеи национального согласия.

Социалисты оказались в трудном положении. С одной стороны, нельзя было нарушить консенсус, который был достигнут после смерти Франко, а с другой — надо было увековечить память тех, кто сражался за Республику и подвергался жестоким репрессиям в годы франкизма.

Известный испанский режиссер Педро Альмодовар так описывал сложившуюся ситуацию: «После того, как было совершено предательство, была амнистия, преступления режима Франко требуют, чтобы о них рассказали. Они не могут быть забыты. Конечно, речь не идёт о сведениях счетов, речь идет только о том, чтобы внуки или правнуки этих людей имели возможность прийти куда-то, где они смогут почтить память своих предков. Это вопрос гуманности. Пока мы этого не сделаем, война не закончится». Одну из своих картин, «Разомкнутые объятия» (*Los Abrazos Rotos*) он посвятил тому, что происходило в Испании. На пресс-конференции во время презентации этого фильма в Каннах (19 мая 2009 г.) он сказал: «необходимо восстановить память о прошлом для того, чтобы она не превратилась в незаживающую рану» и свой новый фильм он назвал «метафорой того, что происходит в Испании» [8].

Окончательно закон был утвержден 26 декабря 2007 г. после того, как сенат отклонил veto НП и Левая республиканская партия Каталонии. После многочисленных доработок и исправлений он стал носить ещё более компромиссный характер, который полностью не устраивал ни ту, ни другую сторону.

Председатель правительства Сапатеро и вице-премьер Фернандес де ла Вега сделали все возможное, чтобы закон был принят, отклонив все другие возможные решения. В частности, депутат Рамон Хауреги предлагал либо ограничиться изданием подзаконного акта, что снизило бы накал парламентских дебатов и столь жесткое противостояние, или же искать возможные компромиссы с НП. Однако Сапатеро не только не согласился с ним, но и заменил его выступление в конгрессе на другого депутата. Однако очень скоро события показали правоту Рамона Хауреги в отношении дальнейшей судьбы закона.

Во всех своих выступлениях Сапатеро подчёркивал, что не понимает, «как можно кому-то отказать в праве перезахоронить горячо любимого человека, погибшего при трагических обстоятельствах» и не верит, что подобное право может разделить общество и открыть какие-то раны. Наоборот, эта мера залечивает раны войны». Он до сих пор убежден, что принятие закона явля-

лось необходимой мерой. В 2013 г., во время презентации своей книги в Леоне, он назвал закон 52/2007 «важным орудием примирения» между испанцами после гражданской войны, заявив, что «народ имеет право знать свою историю, помнить о страдания своего народа и исправить допущенную несправедливость – это его долг» [9].

Между тем Ф. Гонсалес, премьер-министр Испании с 1982 по 1996 гг., признал в 2008 г., что он никогда бы не издал «Закона об исторической памяти», потому что «память не зависит от законов», однако добавил, что «он бы попытался помочь людям похоронить своих близких, жертв (репрессий. – Л. Б.), с достоинством» [10].

Таким образом, по этому вопросу не было консенсуса как внутри ИСРП, так и среди остальных левых партий. В частности, близкий к компартии исследователь – профессор Рамон Тамамес писал: «Закон об исторической памяти не выдерживает критики. Историей занимаются историки. Различные версии гражданской войны существовали всегда. Что недопустимо, так это выдвигать официальную государственную версию тех событий. Так же недопустимо будоражить трагедию, с которой люди уже примирились, и пытаться вновь делить Испанию на два враждующих лагеря» [11].

В то же время правые как выступили с самого начала против закона, так и продолжали придерживаться этой позиции. Новый лидер оппозиционной НП М. Рахой уверял, что этот закон – «единственное, что будет порождать, так это неразбериху, проблемы и противостояние, он никого не может удовлетворить». «Какое право имеем мы, политические лидеры создавать людям проблемы там, где в этом нет необходимости». Он настаивал, что «правительство должно взять в качестве образца мирный переход к демократии и не пытаться бередить старые раны» [12].

Бывший лидер консерваторов Х. М. Аснар также выразил свою озабоченность тем, что «с 2004 г. начали вместо будущего смотреть в прошлое, пытаясь противопоставить мёртвых одного лагеря мёртвым другого и свести на нет конституционный пакт, который является основной опорой и гарантией демократии и прогресса в Испании в последние 30 лет» [13].

Не остались в стороне и историки. В частности, Пио Моа, выразив мнение крайне правых, очень резко отозвался о законе, сказав, что «ни одно демократическое государство мира не закрепляет законодательно, что именно должно думать население об истории своей страны, кто в этой истории был положительным героем, а кто отрицательным. Этот метод характерен лишь для тоталитарных режимов... Так что принятый в Испании Закон об исторической памяти носит выраженный тоталитарный характер и основывается, к тому же, на ложной интерпретации истории, в частности, на том, что сторонники испанской республики, входившие в так называемый Народный фронт, якобы защищали демократию в Испании. Это чистой воды пропагандистская выдумка» [14].

Еще одним аргументом противников «Закона об исторической памяти» стали огромные средства, которые должны были пойти на исследования, съемку документальных фильмов, работы по обнаружению могил, на определение останков и так далее (правительство Сапатеро на это выделило около 20 млн евро). Эти траты, по их мнению, были совсем не уместны в условиях небывалого по своим масштабам экономического кризиса, охватившего испанскую экономику и оставившего миллионы испанцев без работы.

Свою лепту в раскол испанского общества внесли и международные организации по правам человека, в первую очередь Amnesty International и Equipo Nizkor, которые также остались крайне неудовлетворенны «Законом об исторической памяти». По их мнению, закон избегал проработки тоталитарного прошлого с юридической стороны и тем самым обеспечивал безнаказанность преступников.

Пришедшая в 2011 г. к власти правая Народная партия, как и следовало ожидать, постепенно прекратила финансирование организаций, занимающихся поиском и раскопкой захоронений. Еще в 2007 г. в одном из интервью М. Рахой сказал, что убрал бы из закона все статьи, касающиеся государственных расходов на «восстановление прошлого... я бы не дал ни одного евро из казны на эти цели» [15].

Став премьер-министром и переехав во дворец Монклоа, М. Рахой исполнил своё обещание, используя в качестве дополнительного аргумента разразившийся экономический кризис. Так, если в 2011 г., последнем для Сапатеро, из госбюджета было выделено 6,2 млн евро только на эксгумации. А в 2012 г., когда к власти пришла НП, эта сумма сократилась до 2,5 млн, а вскоре финансирование и вовсе закончилось, хотя работа ещё предстояла большая.

По данным Верховного суда на октябрь 2008 г., число пропавших без вести во времена франкизма, многие из которых, вероятно, находятся в братских могилах по всей Испании, составляет 114 266 человек, хотя последующие исследования доводили эту цифру до 143 тыс.

Перестав получать экономическую поддержку правительства организации, проводящие эксгумации, даже обращались за поддержкой в ООН. По данным вопросам ООН выступила с критикой правительства Испании. В 2014 г. было создано два доклада «Специальный процесс по содействию в восстановлении правды и справедливости и обеспечению гарантий неповторения» Пабло де Грейффа и второй – «Пропавшие без вести». В этих докладах испанское правительство обвинялось в невыполнении своих обязательств, исходя из норм международного права, в отношении жертв франкизма.

Однако позиция М. Рахоя оставалась неизменной. В 2015 г. правящая и «Союз прогресса и демократии» совместным голосованием отклонили внесённый левыми проект закона о признании 18 июля Днём осуждения диктатуры.

10 марта 2016 г. со ссылкой на финансовые проблемы была расформирована созданная ещё при социалистах в 2004 г. кафедра Исторической памяти XX в. Мадридского университета Комплутенсе, на которой работали более 60 прекрасных специалистов, среди них – историки, юристы, социологи. Поводом для её расформирования послужил конфликт в связи с исполнением того же «Закона об исторической памяти», согласно которому должны быть убраны памятники деятелям франкизма, близко сотрудничавшим с гитлеровским режимом [16]. После многочисленных судебных исков на базе «инфильтрации фальшивок» в газете El País подала в отставку ответственная за кафедру Исторической памяти XX в., бывшая советником мэрии по исполнению «Закона об исторической памяти» Мирта Нуньес, объясняя это тем, что городские власти «не способны создать им минимальные условия для работы на должном профессиональном уровне и в спокойной обстановке, что необходимо для любого научного исследования» [17].

Тема исторической памяти продолжает будоражить не только испанское общество. По ней проходит водораздел и у политиков, и у историков, и у простых граждан. Закон, целью которого было «залечить» раны гражданской войны и франкистской диктатуры, часто использовался в пропагандистских целях. Так, совсем недавно, в 2015 г. на презентации своей новой книги о Второй мировой войне, британский историк Энтони Бивор сказал о том, что «закон об исторической памяти Сапатеро был ошибкой. Нужно было лишь оказать помощь семьям в поисках и захоронении своих близких. Но был взят политический ракурс... Это большая ошибка, которая привела к разжиганию конфликта, вместо достижения согласия» [18].

Удовлетворить законные требования жертв, провести расследование и захоронение тех, кто был похоронен в общих могилах и убрать франкистские символы. Это была и личная инициатива тогдашнего председателя правительства Родригеса Сапатеро, у которого была личная и вполне законная заинтересованность увековечить жертв репрессий. И что же произошло? Этот закон, с одной стороны, всколыхнул всё общество, а с другой – не смог удовлетворить те ожидания, которые на него были возложены. Половинчатый, недоработанный характер закона привел к шквалу критики как слева, так и справа, сместив акцент с поисков решений современных экономических проблем, на поиски правых и виноватых в тех далёких событиях гражданской войны 1936–1939 гг.

История всегда вызывает споры, полемику, особенно когда речь идёт о прошлом, которое так болезненно и надолго разделило общество. Вместе с тем бурные дискуссии в связи с «Законом об исторической памяти» ещё раз убедили многих в том, насколько благоразумным было решение творцов перехода от диктатуры к демократии уйти от политических дебатов и горьких воспоминаний сорокалетней давности.

Результаты многочисленных опросов показывают, что и сейчас ни одна из крайних точек зрения не пользуется широкой поддержкой. Напротив, несмотря на любые попытки переоценки испанского «транзисьона», большинство испанцев продолжают гордиться тем, как произошёл переход от франкизма к демократии [19].

Согласно проведённому Центром социологических исследований в октябре 2005 г. опросу по поводу «Закона об исторической памяти», 65 % испанцев признают, что отношение к жертвам франкистов и республиканцев было различным, и вместе с тем 70 % выступают за сбалансированное отношение к победителям и побеждённым [20]. По результатам другого опроса, проведённого 18 июля 2006 г., 64,5 % показали себя сторонниками расследования всего того, что связано с гражданской войной, за вскрытие братских могил и реабилитацию всех жертв, в то время как только 25 % высказались против. Если рассматривать отношение к закону, исходя из политических симпатий, то 77 % голосующих за социалистов поддерживают эту идею, вместе с тем даже среди сторонников НП почти половина (44,8 %) занимают аналогичную позицию [21].

Приведённые выше результаты опросов позволяют ещё раз убедиться, что дух консенсуса имеет гораздо больше сторонников в обществе, чем среди политических элит.

В заключение можно добавить, что интерес к проблеме коллективной исторической памяти наблюдается не только в Испании. Мемориальные законы были приняты и в ряде других европейских стран, причём всплеск их пришелся на 1990-е и 2000-е гг., то есть на то же время, что и в Испании.

Большинство мемориальных законов являются декларативными. Однако в некоторых странах (Австрия, Германия, Бельгия и др.) законы предусматривают уголовное наказание — вплоть до 19 лет лишения свободы (Чехия, Румыния) за отрицание Холокоста. В Швейцарии и Бельгии является уголовным преступлением отрицание геноцида армян в Турции в 1915–1923 гг. [22].

Что касается Испании, то синтагма «историческая память» связана, прежде всего, с событиями гражданской войны и франкизма, и её употребление, как правило, носило на себе отпечаток требования восстановления справедливости, прежде всего со стороны жертв франкизма.

И левые в парламенте, и их сторонники на улицах исходили из того, что «историческая память» — одна-единственная, в то время как она на самом деле множественна, разнородна и противоречива. Вспомним, что даже в лагере побеждённых не было единства, и было несколько течений (социалисты, коммунисты, троцкисты и т. д.), между которыми шла постоянная борьба. Вот почему восстановление единой памяти невозможно, она слишком многогранна. Поэтому в Испании разгорелись столь ожесточённые споры вокруг принятия «Закона об исторической памяти», в которых приняли участие как политики, так и юристы, историки, общественные активисты и простые граждане. Эта тема никого не оставила равнодушным. И у каждого своё, особое мнение на этот счёт, которое одновременно ещё и глубоко личное.

Литература / References

1. Цит. по: Гражданская война в Испании: особенности исторической памяти. 04.11.2015.
2. Хенкин С. М. Испания в полосе турбулентности // Мировая экономика и международные отношения. — 2012. № 4. — С. 75.
3. Silva E., Macías S. Las Fosas de Franco: Los Republicanos que el Dictador dejó en las Cunetas. — Madrid: Temas de Hoy, 2003.
4. El Mundo, 10.10. 2007.
5. Galvez. S. El proceso de recuperación de la «memoria histórica» en España: una aproximación a los movimientos sociales por la memoria // International Journal of Iberian Studies, núm. 19. P. 34.
6. Diario de Sesiones, 20.11.2002.
7. Aizpeolea L. R. Las víctimas de la Guerra Civil y de la dictadura serán rehabilitadas por ley. En: El País, 11.09.2004.
8. Pedro Almodóvar apuesta por la memoria histórica en Cannes. AFP.19.05.2009 [Electronic resource]. — URL: <https://entretenimiento.terra.com.mx/cine/cannes/pedro-almodovar-apuesta-por-la-memoria-historica-en-cannes,7c0870e6fdeb310VgnCLD200000bbcecb0aRCRD.html>
9. ABC, 08.07.2015.
10. Ibidem.
11. Почему в Испании так бурно вспоминают 30-е годы... [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.svoboda.org/a/2034990.html>
12. Rajoy: La ley de Memoria Histórica generará «líos, problemas y divisiones». Libertad digital. 08.10.2007 [Electronic resource]. — URL: <http://www.libertaddigital.com/nacional/rajoy-la-ley-de-memoria-historica-generara-lios-problemas-y-divisiones-1276315063/>
13. Aznar dice que la Ley de Memoria Histórica es un «grave error» que elimina el «pacto» de la transición democrática. Libertad digital. 11.12.2007 [Electronic resource]. — URL: <http://www.libertaddigital.com/nacional/aznar-dice-que-la-ley-de-memoria-historica-es-un-grave-error-que-elimina-el-pacto-de-la-transicion-democratica-1276319311/>
14. La ley de memoria histórica define la crisis de España [Electronic resource]. — URL: <http://www.piomoa.es/?p=2880>
15. Rajoy: La ley de Memoria Histórica...

16. El Confidencial, 10.03.2016.
17. El Mundo, 11.02.2016
18. ABC, 08.07.2015.
19. Avilés Farré J. Veinticinco años después: la memoria de la transición. // Historia del Presente. – 2002. № 1. – P. 89.
20. El barometro de octuvre de 2005. – URL: www.cis.es.
21. El País, 18.07.2006.
22. Подробнее см.: Матусевич О. А. мемориальное законодательство: генезис и противоречия // БГТУ. – 2014. № 5. – С. 116–118.

Э. Г. Ермольева

МОЛОДЕЖЬ ИСПАНИИ: НЕПРОСТАЯ СУДЬБА СЕГОДНЯ И НЕЯСНОЕ БУДУЩЕЕ ЗАВТРА

Элеонора Георгиевна Ермольева, канд. экон. наук,
вед. науч. сотр. Центра иберийских исследований
Института Латинской Америки РАН. ermolieva@gmail.com

***Аннотация:** Аналитические обзоры показывают, что положение значительной части европейской молодёжи, на которой особенно остро сказались последствия недавнего кризиса, продолжает оставаться трудным. Это особенно характерно для стран южной Европы, где сохраняется высокий уровень молодёжной безработицы и перспективы её снижения весьма неопределённые. Тревожной тенденцией является широкое распространение поколения «Ни-ни», то есть молодых людей, которые не работают и не учатся, что приводит к растрате того человеческого потенциала, который заложен в молодом поколении. Статистика свидетельствует, что в Испании сложилась одна из самых сложных ситуаций.*

***Ключевые слова:** Испания, кризис на рынке труда, молодёжная безработица, поколение «Ни-ни» (generation NEET), Европейская молодёжная политика.*

The Spanish youth: the plight today and uncertain perspective for tomorrow

Eleonora Ermolieva, Senior researcher, Ph. D. in Economics
Institute of Latin American Studies Russian Academy of Sciences.
ermolieva@gmail.com

***Abstract:** Recent studies reveal that a significant part of the European youth is still in difficult circumstances as a result of the protracted economic crisis. The situation is particularly hard in the south of Europe, where the level of youth un-employment is still high, and it seems uncertain whether it improves in the future. In addition, there is a growth in the share of so-called NEET generation, i.e. young people neither in employment nor in education or training. It leads to a dramatic waste of national human capital. Statistical data proves that the Spanish case study is one of the most complicated.*

***Keywords:** Spain, labor market crisis, youth unemployment, NEET generation, the European youth policy.*

Тема молодёжи приобретает всё большую актуальность в мире. Это происходит по нескольким причинам. Во-первых, молодые группы населения составляют значительную долю в возрастной пирамиде, и их положение не может оставаться без внимания. Во-вторых, именно на молодёжи наиболее тяжело отразились последствия недавнего экономического кризиса, что продемонстрировали некоторые страны Европы, особенно, ее южный субрегион. Так, в Испании до сих пор сохраняется высокий уровень молодёжной безработицы, и перспективы её снижения весьма неопределённые. В-третьих, усиливается тенденция к растрате того человеческого потенциала, который заложен в молодом поколении в связи с распространением поколения

«Ни-ни», то есть молодых людей, которые не работают и не учатся. И в этом отношении пример юга Европы также печально показателен.

В одной из монографий Еврофонда (European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions – Eurofound) читаем: «Ближайшее будущее Европы зависит от судьбы 94-х млн её молодых жителей в возрасте от 15 до 29 лет. Этому поколению надо решать не только ближайшие проблемы собственной взрослой жизни, ... но и взять на себя ответственность за судьбу пожилых европейцев. И потому приобретает особую значимость вопрос о том, насколько тяжело отразился кризис на положении европейской молодёжи» [1, р. 9].

Молодые испанцы вошли в число тех, на ком последствия кризиса сказались особенно глубоко. Прежде всего, это выразилось в самых высоких по еврозоне показателях безработицы; постепенно нарастая с 2008 г., она достигла пика в 2013 г., затем начала медленно снижаться, продолжая сохранять довольно высокие значения. Как отмечали испанские ученые Лоренцо Серрано и Анхель Солер из Университета Валенсии, «в результате этого кризиса (2008–2013 гг. – прим. автора) положение молодых испанцев осложнилось третий раз за 40 лет демократического развития, то есть с 1978 года» [2]. По данным на конец ноября – начало декабря 2016 г., уровень безработицы среди молодого населения Испании младше 25 лет, уже вошедшего в категорию рабочая сила, вдвое превышал показатель по взрослому экономически активному населению и составлял 44,4 % (Таблица 1).

Таблица 1

Динамика уровня молодёжной безработицы по некоторым странам еврозоны (2007–2016 гг., среди экономически активного населения младше 25 лет), в %

СТРАНЫ	2007	2009	2011	2013	2015	2016*
В среднем по еврозоне	15,4	20,3	21,0	24,4	22,0	18,8
Германия	11,8	11,1	8,5	7,8	7,0	6,7
Греция	22,7	25,7	44,7	58,3	48,6	46,1**
Испания	18,1	37,7	46,2	55,5	46,0	44,4
Италия	20,4	25,3	29,2	40,0	37,9	39,4
Португалия	21,5	25,3	30,3	38,1	31,0	28,4

Примечания: * – данные на ноябрь 2016 г.; ** – данные на сентябрь 2016 г.

Источники: Employment and Social Development in Europe, 2016; Euro-Indicators. Euro area Unemployment, 4/2017 – 9 January 2017.

Однако к этим цифрам следует дать пояснения, которые редко встречаются в прессе. Как подчеркивают аналитики Eurostat, «показатель 18–20 % по еврозоне отнюдь не означает, что один из каждых пяти молодых людей в возрасте 15–24 года является безработным». Ведь значительная часть молодежи в этой возрастной группе объективно не вовлечена в рынок труда [3]; к экономически неактивным большей частью относятся учащиеся старших классов средних школ, студенты колледжей и вузов.

Для более корректной интерпретации статистических данных специалисты пользуются не одним, а двумя индикаторами: кроме уровня молодёжной безработицы (*youth unemployment rate*) рассчитывается такой показатель, который по-английски называется *youth unemployment ratio* – назовем его коэффициентом незанятости. В Таблице 2 приведены различия между двумя этими показателями, которые следует принимать во внимание при анализе проблемы номер «1», какой считается в Европе безработицы среди молодежи. *Уровень безработицы* показывает, какая доля молодежи, уже вышедшей на рынок труда и ставшей рабочей силой, потеряла работу или ещё её не нашла. Второй индекс – *коэффициент незанятости* – показывает, какая часть от общей численности молодых людей младше 25 лет зарегистрирована как незанятая (Таблица 2).

Таблица 2

**Различия между уровнем молодежной безработицы
и коэффициентом незанятости (лица младше 25 лет)***

СТРАНЫ	Коэффициент незанятости (<i>unemployment ratio</i>), %	Уровень безработицы (<i>unemployment rate</i>), %
В среднем по еврозоне	8,8	21,9
Германия	7,2	3,5
Испания	15,8	48,3
Италия	10,6	40,3
Португалия	10,7	31,0
Греция	12,9	49,8

Примечание: * – данные на IV квартал 2015 г.

Источник: Eurostat. Youth unemployment rate/youth unemployment ratio (Updated: 24/02/2016).

На необходимость учитывать указанную разницу между уровнем безработицы (*tasa de paro*) и коэффициентом незанятости (*índice de desempleo*) указывает и испанский исследователь Кэральта Капсада Мюнсеч (из Университета Помпеу Фабра из Барселоны). Она подчеркивает, что «и в Испании, и в других странах Европы коэффициент незанятости всегда намного ниже чаще цитируемого журналистами процента безработных среди экономически активной молодежи» [4, р. 60]. Таким образом, следует более трезво оценивать статистику.

Однако, что не меньше привлекает внимание в молодежных проблемах Европы и Испании, в частности, так это рост категории молодых людей, которые не работают, не ищут работу, не учатся и не стремятся получить профессию. По-английски звучит как *Not in employment, nor in education or training* – NEET, в испанской версии – Ni-ni (*Ni trabaja, ni estudia, ni recibe formación*).

Впервые термин NEET был впервые использован в официальных документах – в Докладе Правительства Великобритании, посвященном проблемам молодых людей в возрасте 16–18 лет [5]. С начала 2000-х гг. понятие получило распространение в других странах Европы и даже за её пределами: в Японии, Китае, в Латинской Америке.

Таблица 3

**Распространение Ni-ni по некоторым странам еврозоны
(конец 2015 г. – начало 2016 г.)**

СТРАНЫ	Доля Ni-ni среди населения в возрастной группе 15–29 лет, включая подгруппы 20–24 и 25–29 лет, в %		
	ВСЕГО	20–24 лет	25–29 лет
В среднем по еврозоне	15,4	17,1	20,4
Германия	8,7	9,3	12,6
Греция	26,7	26,1	39,5
Испания	20,7	22,3	26,7
Италия	26,2	31,1	33,8
Португалия	14,6	17,5	19,2

Источник: Eurostat. Young people NEET rates; Eurofound. Exploring the diversity of NEETs, 2016.

О феномене потерянного поколения европейские СМИ стали особенно активно писать в период кризиса, хотя проблема, в действительности, «существовала и раньше», – подчёркивают авторы доклада «Что значит сегодня быть молодым в Европе?» (*Being Young in Europe Today*),

а также в публикации Еврофонда под названием «Изучение поколения NEET в его разнообразии» [6].

Исследуя проблему «лишнего молодого поколения», приходится признавать, что за сухой и несколько абстрактной (для восприятия) статистикой скрывается личная драма всех тех, кто попадает в эту категорию. Однако есть и другие последствия: прежде всего происходит недоиспользование заложенного в молодёжи экономического потенциала. «Из-за того, что молодые трудовые ресурсы не используются продуктивным образом, – подчёркивают эксперты ОЭСР в докладе, посвящённом молодёжной занятости, – начиная с 2008/2009 гг. ЕС несёт финансовые потери, которые оцениваются в пределах от 100 до 150 млрд евро в год, что составляет не менее 1,2–1,5 % коммунарного ВВП [7]. 150 млрд евро – это цифра, учитывающая гипотетическую ситуацию, при которой все молодые европейцы люди могли бы быть интегрированы в рынок труда в период кризиса.

Распространение молодёжи, находящейся не у дел, имеет не только макроэкономические, но и иные последствия. Как показывают наблюдения в Мексике – ведь Ni-ni растут численно не только в Европе, но и в других регионах – нетрудоустроенная молодёжь активно вовлекается в наркоторговлю и криминал.

Наконец есть и другая, более узкая, семейная проблема. Характерные для южной Европы семейные традиции, с одной стороны, смягчают негативные последствия феномена Ni-ni, а с другой – усугубляют их. Так, обычай совместного проживания с родителями до 28–30 лет помогает молодым людям переживать экономические невзгоды, но он же делает их инертными и безынициативными даже в относительно благополучные времена, не говоря уже о сложных периодах. По данным ОЭСР, в Греции и Италии 75 % Ni-ni в возрасте от 16 до 29 лет проживают с родителями, в Португалии – 70, в Испании – 62 %. (Меньше всего в Исландии и Финляндии – 27 и 28 %) [8, p. 34].

Согласно Гражданскому кодексу Испании, в обязанность родителей входит полное содержание ребенка до 18 лет, до 21 года они обеспечивают ему прожиточный минимум по еде и одежде, после 21 года родительская помощь обязательна, если юноша или девушка продолжает учиться в вузе. Отказаться от этих обязанностей можно лишь по суду, и, как пишут испанские юристы, таких случаев в результате кризиса становилось больше. Так, в 2013 г. Верховный суд отказал в выплате денежного пособия (*pension de alimentos*) двум братьям 26 и 29 лет, закончившим обучение, постановив, что «дальнейшее его предоставление будет способствовать пассивному и паразитическому характеру их образа жизни» [9].

При анализе как экономических, так и социальных проблем важно, на наш взгляд, принимать во внимание и географический фактор – внутритерриториальные различия, которые влияют на общую ситуацию, складывающуюся в той или иной стране. Резкие межрегиональные диспропорции усугубляют остроту проблемы, что наглядно видно на примере Испании, для чего привлечем некоторые показатели (Таблица 4).

Признавая значение территориального аспекта, эксперты *Eurostat* стали приводить в своих обзорах показатели согласно т. н. Номенклатуре территориальных единиц для целей статистики (*Nomenclature of territorial units for statistics*), при этом достаточно репрезентативной является статистика по регионам второго уровня – NUTS 2 regions. В Испании таких регионов 6, они включают несколько автономий.

Приведенные в Таблице 4 данные наглядно иллюстрируют существующие в стране социально-географические различия между Северо-Западом, Северо-Востоком и Югом Испании по таким параметрам как уровень молодежной безработицы, распространение неучащейся и неработающей молодёжи, доля подростков, бросающих учёбу уже на ступени средней школы. В докладе Фонда FOESSA (FOESSA – de Fomento de Estudios Sociales y de Sociología Aplicada), работающего при благотворительной католической организации Caritas Españolas, отмечалось, что Испания «выходит из кризиса на двух разных скоростях: Андалусия, Канарские острова или Экстремадура остаются в худшей ситуации по сравнению с Кантабрией, Страной басков и Наваррой в том, что касается распространения безработицы и уровня жизни» местного населения [10]. Некоторые испанские автономии были отнесены в 2015 г. Eurostat к числу самых неблагополучных в Европе именно по распространению нетрудоустроенной молодёжи – показатель по Андалусии (55 %) вдвое превышал среднеевропейский уровень, по Сеуте (66 %) – был выше втрое (Таблица 4).

Таблица 4

**Испания: некоторые социально-географические различия
между регионами**

РЕГИОНЫ	Уровень молодёжной безработицы (данные III кв. 2016 г.)*	Процент молодёжи в возрасте 18–24 лет, не имеющей полного среднего образования и не продолжающей обучение**	Доля Ni-ni среди молодёжи 15–34 лет (данные IV кв. 2015 г.)
В среднем по стране	41,9	20,0	20,9
Северо-Запад	38,0	14,7	18,5
Северо-Восток	36,7	15,4	16,1
Автономия Мадрид	37,8	15,6	17,0
Центр	43,6	20,7	21,8
Восток	33,9	22,3	19,8
Юг***	49,7	24,3	25,3
Сеута и Мелилья	65,8	26,9	36,1
Канарские острова	51,4	21,9	26,3

Примечания: * – процент безработных среди молодого экономически активного населения (младше 25 лет); ** – эти данные служат показателем отсева учащихся в средней школе. Деление на регионы дано по Eurostat: *Северо-Запад* – Галисия, Астурия (ас), Кантабрия; *Северо-Восток* – Страна Басков, Наварра, (Ла) Риоха, Арагон; *Центр* – Кастилья-Ла-Манча, Кастилья-Леон, Эстремадура; *Восток* – Каталония, Валенсия, Балеарские острова. *** – В состав Юга Eurostat включил города Сеута и Мелилья, но нами они выделены отдельной строкой, а показатели по испанскому Югу даны с учётом Андалусии и Мурсии.

Источники: INE. Tasas de paro por comunidad autónoma (2016/T3); Abandono educativo temprano.

Datos y cifras. Curso escolar 2016/2017; MEC/EDUCAbase. Transición de la formación al trabajo (2015/T4); Eurostat. Unemployment in the EU regions. Press Release, 83/2016 (28 April 2016).

Темой «Молодёжь» обеспокоены не только в Испании или других государствах южной Европы, но и на общекоммунитарном уровне. Власти ЕС в полной мере осознают опасность ситуации, складывающейся в молодёжной среде. Происходит не только разбазаривание заложенного в молодом поколении человеческого потенциала. «Когда немалая часть европейского населения не трудоустроена и деморализована, это чревато возможными нарушениями социально-политической стабильности» [11, p. 130].

В 2013 г. были запущены две взаимодополняющие программы – Европейская гарантия для молодёжи (*Youth Guarantee*) и Европейская инициатива по занятости (*Youth Employment Initiative – YEI*), последняя рассчитана на категорию Ni-ni. Обе инициативы направлены на преодоление исключённости молодёжи из сферы занятости, на построение моста между рынком труда и системой профессиональной обучения. Испания подключилась к коммунитарным проектам одной из первых путем разработки национального проекта – *Estrategia de Emprendimiento y Empleo Joven 2013–2016*. Такая мера испанского правительства под руководством Мариано Рахоя (Народная партия) была не только попыткой несколько ослабить напряженность на молодежном рынке труда, но явно рассматривалась как средство вернуть (хотя бы отчасти) доверие общества к возможностям социального ответственного государства ослабить остроту некоторых проблем. Период кризиса стал суровым испытанием для средиземноморской составляющей этой модели, которого она не выдержала, и пример Испании – довольно яркое тому подтверждение. В некоторых публикациях испанских авторов содержится также идея, что наличие поколения Ni-ni – один из самых наглядных признаков уязвимости некогда стабильного государства социального благополучного, которым гордилась Испания.

В конце 2016 г. Еврокомиссия подводила итоги трехлетнего исполнения «Гарантии для молодёжи» и «Инициативы по занятости» (YEI). Комиссар Евросоюза (Еврокомиссар) по занятости, социальным вопросам и трудовым миграциям Марианн Тиссен привела такие цифры: благо-

даря обеим программам, около 9 млн молодых людей к концу 2016 г. получили предложения по трудоустройству, а иная помощь была оказана 1,4 млн человек из категории Ni-ni [12, p. 14]. По её мнению, эти проекты являются инновационными по своему существу и открывают путь к структурным переменам на европейском рынке труда. На наш взгляд, попытки приостановить распространение «*лишнего поколения*» являются также стремлением восстановить позитивный имидж общеевропейской социальной модели. Такая же задача важна для Испании не менее, если не более, чем для других государств – членов Евросоюза.

Однако, довольно жёсткую характеристику усилиям ЕС на молодёжном направлении дает независимый Центр по изучению экономической политики (The Center for Economic Policy Research – CEPР) – сеть, объединяющая около 900 экономистов из различных европейских университетов. Они считают, что нельзя рассчитывать на быстрый позитивный эффект, особенно в южноевропейских странах, где «высокие уровни молодёжной безработицы есть проявление глубоких структурных проблем на рынке труда и слабой взаимосвязи между ним и системой образования... Выделяемые этим странам немалые средства идут главным образом на неотложные меры, однако, мало послужат для изменения положения молодёжи в ближайшем будущем... Для реальных сдвигов к лучшему необходимо решить проблему дуальности рынка труда, а также стимулировать экономический рост, потому что только он есть *гарантия для молодёжи в границах ЕС*» [13, p. 136–137].

Серьёзные трудности обнаружились при реализации испанской «Гарантии для молодёжи» даже при том, что страна получила на неё от Еврокомиссии 2,36 млрд евро. По официальной оценке Министерства финансов, к весне 2016 г. не более 19 % молодых испанцев в возрасте до 30 лет, из тех 1,27 млн Ni-ni, на которых она рассчитана, воспользовались возможностями на профобучение и переквалификацию для возвращения на рынок труда. Одна из причин – нежелание многих испанцев регистрироваться в государственных Службах занятости, а также слабая работа последних по информированию молодёжи [14]. Таким образом, важен субъективный момент. Необходимо, чтобы сами «лишние» молодые люди хотели бы учиться или работать, или совмещать и то и другое. Однако, с учетом статистики по другим европейским странам, «около 40 % т. н. неактивных Ni-ni не предпринимают усиленных попыток по трудоустройству», – отмечает Лоретта С. Жеммо, аналитик Директората по занятости, социальным вопросам и инклюзивности Еврокомиссии [15].

Согласно прогнозам Международной организации труда (МОТ), страны Европы, особенно южные, и в 2017 г. будут испытывать прессинг высокой молодёжной безработицы, которая, в среднем для ЕС снизится лишь до 19 % против тех 20 %, которые были зафиксированы осенью 2016 г. [16, p. 27, 43]. Возможно, некоторая стабилизация произойдет на Пиренеях, но все же в Испании сохранится высокая доля Ni-ni среди «молодых взрослых» (молодёжи 20–29 лет) по причине ограниченного доступа на рынок труда из-за слабой экономической активности, несмотря на наблюдающийся постепенный выход из затяжного кризиса.

Следует подчеркнуть, что обострение молодёжной проблемы – в разных её проявлениях – не является чисто европейским или чисто испанским феноменом. И не случайно, что на Всемирном экономическом форуме в Давосе (январь 2016 г.) прозвучал призыв обратить особое внимание на положении молодёжи, потому что оно «становится всё более непростым почти везде в мире...». Английская газета *The Guardian* подчёркивала: «В условиях, когда почти половину мирового населения составляют жители младше 30 лет, проблемы, касающиеся именно их, начинают всё больше волновать политиков и общественность. Сокращение молодёжной безработицы, более активное вовлечение подростков в систему образования, проблемы здорового образа жизни выходят на первый план. Скорейшие ответы на эти вызовы станут важнейшим испытанием, стоящим перед миром» [17].

Обсуждение насущной темы было продолжено на Всемирном форуме в Давосе в январе 2017 г.: на него были приглашены около 200 представителей «поколения Игрек» (Y generation), или «Детей Миллениума» (к ним относятся те, кто родился с начала 1980-х до середины 1990-х гг.) [18]. В повестке дня стояли: социальная исключенность молодёжи, безработица, уровень образования и профессиональной подготовки. Ряд проведённых социологических исследований показал, что значительная часть миллениалов в результате Великой рецессии оказалась в худшем, чем поколение их родителей, социально-экономическом положении [19]. Таким образом, поиск адекватных усилий для решения молодёжных проблем является глобальным вызовом во всех его измерениях – региональном, национальном, локальном. Вклад каждой страны, каждой нации будет ценным для других стран и народов. И, возможно, особенно по-

лезным станет опыт тех государств – как, например, Испании – в которых положение молодых граждан поистине критично как по объективным, так и субъективным причинам.

Литература / References

1. Eurofound report (2012). NEETs. Young people not in employment, education or training: characteristics, costs and policy response in Europe. Dublin, 2012. Available at: <http://www.euro-found.europa.eu> (accessed: 05.12.2015).
2. *Serrano L. y Soler A.* (2015). La formación y el empleo de los jóvenes españoles: trayectoria reciente y escenarios futuros. Presentación. Available at: <http://www.ivie.es> (accessed: 15.07.2016).
3. Being Young in Europe Today (2015). Available at: www.idea.int/publications (accessed: 24.12.2016).
4. *Capsada-Munsech, Q.* (2014). Educación y desempleo juvenil // Revistas ICE (Información Comercial Española). – 2014. – N 881. P. 51–65. Available at: <http://revistasice.com> (accessed: 07.08.2016).
5. Bridging the gap: New opportunities for 16–18 year olds not in education, employment or training. Report by the Social Exclusion Unit. July 1999. Available at: <http://dera.ioe.ac.uk> (accessed: 15.12.2016).
6. Eurofund report (2016). Exploring the diversity of NEETs. Available at: <http://www.euro-found.europa.eu> (accessed: 20.11.2016).
7. *Malik Sh.* Europe's lost generation costs 153 billion euro a year. Available at: <http://www.thegaridian.com>, 22.10.2012 (accessed: 08.09.2016).
8. OECD. Society at a glance 2016. OECD Social Indicators. Available at: www.oecd.org/social (accessed: 18.09.2016).
9. *Garanley abogados.* ¿Hasta cuándo tengo que pagar la pensión de alimentos? Available at: <http://www.garanley.com>; 28.II.2015 (accessed: 14.07.2016).
10. Fundación FOESSA. Informe “Análisis y Perspectivas -2016”. Available at: <http://www.foessa.es> (accessed: 18.05.2016).
11. *Torrejón-Velardiez M., Ermólieva E.* Problemas de la juventud en el mercado laboral de España/Iberoamérica. – 2016. – Num. 4 (octubre-diciembre). P.114–135 (accessed: 12.01.2017).
12. Youth Guarantee. Releasing its full potential // Social Agenda. – 2016. – N 46. Available at: <http://ec.europa.eu/social/main> (16.01.2017).
13. No Country for Young People? Youth Labour Market Problems in Europe. CEPR. 2015. Available at: <http://www.cerp.net> (accessed: 09.07.2016).
14. Sólo el 19 % de los jóvenes españoles se apunta al Plan de Garantía Juvenil. Available at: <http://www.elmundo.es> (accessed: 17.01.2017).
15. Young people and the labour market: a tale of two NEETs// Evidence in focus, 01.06.2016. Available at: www.ec.europa.eu/social/main (accessed: 11.07.2016).
16. ILO. World Employment and Social Outlook: Trends 2017. Available at: <http://www.ilo.org/global> (accessed: 14.01.2017).
17. Young people are hurting and they are hurting on a global scale, 19 Jan 2016. Available at: <http://www.theguardian.com> (accessed: 25.03.2016).
18. Millennials Social Entrepreneurs and Young Leaders take Centre Stage at the 47th Annual Meeting in Davos. Available at: <http://www.wef.ch/davos17>, 05.01.2017 (accessed: 17.01.2017).
19. Millennials have it worse than any other generation//Luxemburg Income Study (LIS): Cross-National Data Center. Available at: <http://www.thegaridian.com>, 07.03.2016 (accessed: 10.01.2017).

А. Н. Кожановский
**Эволюция социально-культурных ценностей
и норм испанского общества на рубеже XX–XXI вв.**

Александр Николаевич Кожановский, вед. науч. сотр., д-р ист. наук
Институт этнологии и антропологии РАН. ankozhan49@yandex.ru

***Аннотация:** Испания — одна из европейских стран, где глобальные культурно-идеологические трансформации конца XX — начала XXI вв. оказались особенно глубокими и радикальными, что привело здесь к сосуществованию и противоборству двух различных систем ценностей: «старой», связанной с привычными мировоззренческими постулатами, — и «новой», либеральной, ориентированной на «политкорректность», «толерантность», «феминизм» и т. п. На примере ряда традиционных фольклорных праздников в современной Испании автор рассматривает конкретные ситуации ценностно-идеологического противостояния, его ход, результаты и вероятные перспективы.*

***Ключевые слова:** Испания, культурно-идеологические трансформации, системы ценностей, традиции, модернизация, конфликт.*

**Evolution of Spanish society socio-cultural values
and norms at the turn of the XX–XXI centuries**

Alexandr Kozhanovsky, Leading researcher, Doctor of historical Sciences
Russian Academy of Science (RAS) Institute of Ethnology and Anthropology.
ankozhan49@yandex.ru

***Abstract:** Spain is one of the European countries where global cultural and ideological transformation — distinctive for the late 20th—early 21st century — has been particularly profound and radical. This led in Spain to the coexistence and confrontation of two different systems of values: the “old”, associated with the usual ideological tenets and the “new” one, liberal and focused on “political correctness”, “tolerance”, “feminism”, etc. The author considers a number of traditional folk festivals in modern Spain from the point of view of different specific situations of the value-ideological confrontation, with its course, results and possible prospects.*

***Keywords:** Spain, cultural and ideological transformation, systems of values, traditions, modernization, conflict.*

В конце прошлого столетия Испания вступила на путь интенсивной модернизации, затронувшей практически все аспекты жизни её населения: от политических и социально-экономических до идеологических и культурных. За короткое время страна совершила резкий рывок в своем развитии. Учитывая исходные позиции, то есть сохранение здесь вплоть до середины 1970-х гг. авторитарного режима с сильной традиционалистской окраской в идеологии и строе отношений, испанские аналитики считают возможным говорить о том, что уже произошедшие с той поры и продолжающие происходить на их родине изменения имеют подлинно эпохальный характер,

сравнимый, к примеру, с историческим переходом от Античности к Средневековью [1, р. 22], – а также о стремительной «радикализации современности» и «ускорении событий» [2].

В зоне интенсивных перемен оказался и социально-бытовой уклад жизни испанцев. В противовес привычным ценностно-мировоззренческим принципам и установкам стали быстро набирать силу новые, соответствующие либеральной идеологии, с сопутствующими ей политкорректностью, толерантностью, феминизмом, экологизмом, мультикультурализмом, защитой прав меньшинств и т. п. Их нарастающее воздействие серьезно сказалось на отношении граждан ко многим важным элементам и ориентирам общественного и личного бытия, в том числе к религии и церкви, к формам семейной жизни, к роли женщины в семье и обществе – и т. д. В самом деле, с распространённым ещё в недавнем прошлом, в частности в нашей стране, представлением о глубокой приверженности испанцев католической традиции, с её этикой и моралью, вряд ли согласуются данные, по которым в 2002 г., например, «воцерковленных» граждан в Испании (то есть регулярно посещающих богослужения, читающих Священное писание, участвующих в жизни религиозных организаций и пр.) было всего чуть больше 22 % [3, р. 321–322], – а также такие факты, как принятый в 2005 г., в числе первых в Европе, закон, разрешающий однополые браки; общественная терпимость к разводам и абортam; ширящаяся практика отказа от храмового венчания, крещения, соборования и отпевания.

Столь же быстро и радикально изменился социальный статус испанской женщины. Действительно, вплоть до середины 1970-х гг. замужним дамам здесь вполне официально предписывалось во всём подчиняться воле супруга и заниматься сугубо домашними делами, – но уже в 1990-е гг. среди студентов испанских вузов обозначился численный перевес девушек над юношами, а вслед за тем Испания обогнала все прочие государства Евросоюза – кроме Франции – по проценту женщин среди военнослужащих [4]. Более того, в 2008 г. на должность министра обороны страны была назначена дама, находившаяся к тому моменту на седьмом месяце беременности [5]. Зато если в 1970-е гг. в Испании отмечалась самая высокая рождаемость в Европе, то в 1990-е гг. она была здесь уже самой низкой [6]. Количество заключаемых браков стало заметно сокращаться, напротив, резко возросло число разводов, всё больше детей теперь появлялось на свет не в браке (на исходе первого десятилетия XXI в. каждый третий ребенок в Испании рождался у формально незамужней женщины, при этом доля таких женщин увеличилась за 30 лет в 15 раз [7]).

Столь же разительным трансформациям подверглись и многие другие аспекты повседневного существования жителей страны. Весьма распространённым, насколько можно судить – в том числе и по опыту личных контактов автора, – здесь является мнение, что именно происходящий буквально на глазах распад привычных отношений между родителями и детьми, и шире – между разными поколениями, между мужчинами и женщинами, наконец между людьми образованными и малознающими, – и есть главный элемент размывания прежнего уклада жизни и замены его новым, не всегда вполне понятным и привлекательным.

Практически неизбежным в данных обстоятельствах результатом этого всеобъемлющего и порою драматично развивающегося процесса стали разногласия в местном обществе в связи с ориентацией на разные ценностные системы, вплоть до ситуаций культурно-нормативного конфликта между «прогрессистами» и «традиционалистами», которые по-разному представляют, что такое хорошо и что такое плохо, что важно, а что не важно, что допустимо, а что нет – в самом человеке и окружающем его мире. Характер сосуществования и взаимодействия в рамках одного и того же социума этих двух совокупностей населения заслуживает самого серьёзного внимания, – тем более что новые ценностные модели не просто отличаются от прежних, но зачастую прямо и безапелляционно их отрицают. При этом, разумеется, речь не идёт о каких-то четко очерченных, устойчивых контингентах граждан, но скорее о довольно расплывчатых категориях, а ситуация в целом находится в непрерывной динамике, постоянно порождая всевозможные промежуточные, переходные и колеблющиеся группы.

В качестве своего рода социально-психологического механизма, смягчающего остроту возникающих противоречий, здесь выступает, конечно же, «поколенческий» фактор, то есть гораздо большая «продвинутость», иначе говоря, лояльность молодежи в отношении новых ценностей, – в сравнении с более старшими возрастными группами. Ту же роль, вероятно, играет такое любопытное явление, как отмечаемая социологами при опросах общественного мнения терпимость многих испанцев к нарушениям соотечественниками тех жизненных норм, следование которым сами опрашиваемые считают обязательным для самих себя [8, р. 151–153]. Но, возможно, главное, что способствует поступательному внедрению новых ценностно-ми-

ровозреческих систем — это общая атмосфера готовности к их принятию, поддержка их на «макроуровне», то есть властными структурами, основными общественно-политическими силами, СМИ и другими элементами общества, определяющими культурно-идеологический «мейнстрим». Ведь особенности исторического развития Испании на протяжении последних столетий породили у нескольких поколений испанцев ощущение своей родины как «недостаточно развитой», «ущербной», «догоняющей» в сравнении с более экономически преуспевшими и социально благополучными странами Западной Европы [9]. Как считают некоторые местные аналитики, между всеми значимыми общественно-политическими силами Испании действует своего рода негласная договоренность, исключающая сколько-нибудь жёсткую критику в отношении евроинтеграции страны, самого Евросоюза, тех или иных аспектов его политики и, соответственно, главенствующих в нем культурно-идеологических тенденций. Понятие «европеизация» превратилось здесь в синоним позитивного начала, той многообещающей альтернативы, которая, в частности, позволила на закате франкистской эпохи примирить и даже в известной мере консолидировать общество, предотвратив казавшееся тогда неизбежным противостояние между «двумя взаимно враждебными Испаниями» [10].

В таких условиях существующие проявления неприятия наиболее радикальных преобразований в духе доминирующей в современной Испании идеологии фиксируются преимущественно на «низовом» уровне, в тех сферах жизнедеятельности граждан, где напор адептов модернизации, желающих разрушить бытовавшую там до того локальную или корпоративную норму, — воспринимается значительной частью их менее прогрессивно настроенных сограждан как абсурдный или даже как нарушающий коренные основы бытия. Соответственно различается и реакция «консерваторов»: в одних случаях, таких, например, как всё более настойчивые попытки внедрения «политкорректных» новаций в испанский язык, не согласные с ними филологи и лингвисты ограничиваются устными и печатными выступлениями с призывами к здравому смыслу, составлением петиций к коллегам и общественности и т. д. [11]; в других же, и особенно наглядно — в ряде ситуаций с фольклорными праздниками, несогласие с покушениями на вековую традицию может выражаться гораздо более энергично. Обращает, кстати, на себя внимание то обстоятельство, что решительный протест со стороны значительной части населения против кардинальных трансформаций в празднично-обрядовой сфере имеет очевидно избирательный характер. Отнюдь не сразу и не единодушно, но постепенно и зачастую в ходе бурных внутриобщинных споров жители самых разных уголков страны к началу XXI столетия по большей части всё-таки согласились — или смирились — с изъятием из привычных сценариев ритуальных торжеств, отмечавшихся на их малой родине, тех атрибутов и сцен, которые предполагали жёсткое обращение с животными, а также содержали элементы неуважительного отношения к исламу и его носителям (ведь такие обрядовые представления, как, например, «Мавры и христиане», были связаны по своему происхождению с эпохой Реконкисты), — несмотря на то, что «новая редакция» традиционных праздников во многих случаях очень сильно отличается от исходных аутентичных образцов и по сути выхолащивает их изначальный смысл. Иначе обстоит дело там, где преобразователи настаивают на принципиальном изменении древнего регламента в отношении распределения мужских и женских ролей, точнее на том, чтобы женщины, вопреки правилам средневековых уставов, могли исполнять роли, жестко закреплённые традицией за мужчинами: маршировать с ружьями и барабанами в военных мундирах, палить из пушек в кульминационные моменты действия, таскать на плечах несколько часов подряд многопудовые пасхальные платформы со статуями святых, сидеть за общим пиршественным столом во время обрядовой трапезы — и так далее, в десятках разных вариантов. В этих случаях противники нововведений — а они, как правило, значительно превышают по численности своих «политкорректных» оппонентов — организуют сопротивление, формах и формах которого говорят о том огромном значении, которое эти люди придают предмету спора, — казалось бы, столь незначительному в контексте современной жизни. Так, в баскских городках Ирун (Irún) и Ондаррибия (Hondarribia) ежегодный карнавальный «военный парад» в память о героических событиях далекого прошлого раз за разом превращается в арену конфликтного противостояния «прогрессистов» и «традиционалистов». Первые из них проводят своё отдельное и сравнительно малочисленное шествие под охраной полиции, в своего рода «коридоре позора», образованном двумя шеренгами горожан, стоящих с плакатами и лозунгами, осуждающими нарушителей традиции. Вторые, которых в несколько раз больше, маршируют под приветственные возгласы и аплодисменты своих земляков [12]. Примечательно, что манифестации в защиту «исторического» праздника в его исконном, не искажённом нововведе-

ниями виде (*Alarde Tradicional*) собирают здесь гораздо больше народа, чем любые другие акции протеста — например, против закрытия ряда производств, оставляющего без работы местных жителей, или же против административных проектов, наносящих ущерб окружающей среде. Более того, именно данный вопрос оказался основным в ходе политической борьбы на местном уровне, так что «защитники традиции» получили поддержку избирателей, а «сторонники прогрессивных преобразований» лишились своих мест в муниципальном совете. Наконец, следствием — возможно, наиболее серьезным — возникшего вокруг фольклорного обычая конфликта стал ментальный раскол единой до той поры общины соседей и земляков на «свой народ» и «чужаков», под которыми теперь понимаются те, кто выступает за нововведения и кому отныне отказывается в праве составлять часть этого народа — даже если речь идет о близких родственниках; напротив, приезжего, если он стоит на «правильных», то есть консервативных, позициях принимают как «своего» [13].

Необходимо отметить, что в данном случае — как и во всех подобных, где наблюдается тот же по сути конфликт — борцы за неприкосновенность обрядовой традиции распределения гендерных ролей категорически отрицают уже привычно звучащие отовсюду в их адрес обвинения в «мачизме», «сексизме», «реакционности», «мракобесии» и т. д., решительно настаивая на своей приверженности равноправию полов, которому они неукоснительно следуют в повседневной жизни. К тому же женщин в их рядах не меньше, чем мужчин (среди их «прогрессивных» оппонентов тоже представлены оба пола), и это также свидетельствует о том, что перед нами — вовсе не примитивное противостояние передовых женщин, которые добиваются равенства, и отсталых мужчин, которые не желают уступать своего прежнего главенства, — но борьба двух идеологий, а может быть, и еще шире: двух мироощущений, за одним из которых стоит страх — оправданный или нет — утратить в условиях всеобщей глобализации и гомогенизации существенные основы бытия, и среди них — заданную самой природой и сохранённую всей предшествующей культурой разницу между мужчиной и женщиной как таковую.

Конфликты, подобные только что названному, наглядно демонстрируют способы подавления «мейнстримом» попыток сопротивления со стороны «консерваторов». Прежде всего речь идёт о мощном и всестороннем морально-идеологическом воздействии на защитников «архаичных структур» со стороны СМИ, которые в большинстве случаев упрощенно трактуют ситуацию как стремление косных и ретроградных сил прошлого замедлить победный марш равенства и справедливости. Столь же сильное влияние идет со стороны всевозможных общественных и политических структур, должностных лиц и администрации разных уровней, от низовой до автономной и даже центральной. Так, в события вокруг маскарадного «военного парада» в упомянутом выше Ируне активно вмешались Баскский институт женщины, Защитник народа Страны басков, представители регионального парламента и действующих здесь политических партий. В другом баскском городке, Льодьо (*Llodio*), алькальд (глава администрации) предупредил, что если действующий с незапамятных времен устав местного Братства св. Роке не будет изменён в пользу женского участия в главной церемонии (ритуальной ежегодной трапезе в крытой галерее приходской церкви), то сама эта церемония будет запрещена. Сходным образом алькальд Сан-Себастьяна запретил городским карнавальным обществам, отказывавшимся, согласно традиции, включать женщин в состав своих знаменитых «барабанных команд», принимать участие в кульминационном эпизоде главного местного праздника и добился лишения их необходимых денежных дотаций от городского совета [14], — и т. д. и т. п. Наряду с такого рода мерами широко практикуются штрафы и судебные постановления, прямо обязывающие изменить «неправильные» традиционные нормы под угрозой наказания за неисполнение предписания.

Всё это в совокупности в большинстве случаев и определяет исход борьбы двух рассматриваемых нами здесь позиций, поскольку сторонники сохранения традиции могут опереться, помимо ощущения своей исторической или нравственной правоты, а также поддержки со стороны земляков, — лишь на остатки «средневековой демократии» в виде регламентов и уставов ритуальных братств и союзов, которые сравнительно легко сокрушаются действующими законодательными нормами.

Единственное средство отстоять неприкосновенность ритуального действия — перевести его из общественного в частное организационно-юридическое пространство, но в этом случае он немедленно лишается прежнего размаха и хиреет.

Надо сказать, правда, что торжество «принципов равенства и политкорректности» в сфере народной празднично-обрядовой культуры порою выглядит «пирровой победой». Известны

случаи, когда потенциальные организаторы и участники традиционной акции, попавшей под судебный или административный запрет в её аутентичном виде, вовсе отказываются от её проведения, не желая принимать новые правила, — и многовековой обычай на этом прекращает своё существование, как это произошло с традицией торжественных трапез, устраиваемых ритуальным братством *Gaztelubide* в помещении аюнтамьенто Сан-Себастьяна еще в 1987 г. [14]. А в тех ситуациях, где итогом конфликта становится «конкуренция» двух моделей фольклорного праздника — исходной аутентичной и «модернизированной» — сочувствие и поддержка подавляющего большинства местного населения неизменно находится на стороне первой из них. Типичный пример отношения «простых граждан» к «новаторам» в той сфере традиционной праздничной культуры, где в символической форме трактуются гендерные роли, можно увидеть, например, в одной из журналистских зарисовок, рассказывающей о манифестации в защиту «женского равноправия» при проведении ежегодной ритуальной трапезы в честь святого покровителя всё того же баскского Льюдо в 2009 г. — кстати, последней в прежнем «архаичном» виде, в связи с решительным ультиматумом администрации. Возвращения активистов, собравшихся у дверей аюнтамьенто и требовавших соблюдения законов о гендерном равенстве уже сейчас, а не со следующего года, слушали только представители специально приглашенных СМИ, тогда как толпы людей, заполнявших окрестное пространство, демонстративно не обращали на ораторов никакого внимания, оживленно общаясь между собой и предаваясь всевозможным праздничным развлечениям. В назначенный час противники дискриминации тихо удалились, и началось долгожданное пиршество в его традиционном формате: за стол уселись четыре сотни мужчин — членов братства, а вокруг собрались многочисленные зрители, чтобы наблюдать за этой кульминацией главного праздника своей «малой родины» [15].

В целом на сегодняшний день исход борьбы за сохранение элементов традиции, противоречащей доминирующим культурно-идеологическим догматам, в большинстве ситуаций выглядит предрешенным. Нельзя, однако, не задаться вопросом, что может произойти в случае изменения характера «мейнстрима», которое в свете последних событий в мире уже не кажется фантастическим. Ведь если едва ли не в каждом случае локального «ценностного» противостояния большинство его участников выступают как раз за сохранение привычной нормы, то смещение вектора, определяющего культурно-идеологическую атмосферу в обществе, в сторону большего уважения со стороны правящих и образованных слоёв по отношению к позиции своих несколько более консервативных соотечественников — хотя бы там, где последние проявляют особое упорство, реальная готовность понять причины такого упорства — могли бы существенно изменить характер дальнейшей ценностно-нормативной эволюции по крайней мере в некоторых важных сферах общественной жизни современной Испании.

Литература / References

1. *Miguel A. de*. El cambio que viene. Barcelona, 2015.
2. *Santamarina Campos B.* Moros y cristianos. De la batalla festiva a la discursive. URL: http://www.ugr.es/~pwlac/G24_16Beatriz_Santamarina_Campos.html.
3. *Bericat Alastuey E.* La religiosidad contemporánea: entre la secularización moderna y la espiritualidad posmoderna // El conflicto cultural en España. Acuerdos y desacuerdos entre los españoles / Coord. por E. Bericat Alastuey. Madrid, 2003.
4. Francia y España, los dos países europeos con más presencia femenina en el Ejército. URL: <http://www.larazon.es/espana/francia-y-espana-los-dos-paises-europeos-con-AH832277>
5. *Benito R.* Chacón, a las tropas españolas en Afganistán: ‘Sentimos orgullo y admiración por vosotros’. URL: <http://www.elmundo.es/elmundo/2008/04/19/espana/1208563399.html>
6. *Jonsson M.* La mujer en la España post-franquista. URL: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:5428/FULLTEXT01.pdf>
7. *Requena y Díez de Revenga M.* Los cambios familiares en España y sus implicaciones // Revista del Ministerio de Trabajo e Inmigración, 2010. P. 47–67. URL: http://www.empleo.gob.es/es/publica/pub_electronicas/destacadas/revista/anyo2010/Revista_Extra_Seguridad_Social.pdf

8. *Camarero Rioja M.* El conflicto cultural entre modelos de relaciones familiares // El conflicto cultural en España. Acuerdos y desacuerdos entre los españoles / Coord. Por E. Bericat Alastuey. – Madrid, 2003.
9. *Lamo de Espinosa E.* España necesita un gran proyecto de austeridad de la vida publica // ABC.es, 06.08.2014. URL: <http://www.abc.es/espana/20140804/abci-entrevista-emilio-lamo-espinosa-201408011723.html>
10. *Ruiz A. M.* La identidad europea de los españoles: sentido pasado y presente de la identificación con Europa en España -1ª Parte. URL: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/zonas_es/europa/dt61-2004#inicio
11. *Bosque I.* Sexismo lingüístico y visibilidad de la mujer. URL: http://cultura.elpais.com/cultura/2012/03/02/actualidad/1330717685_771121.html
12. *Ormazabal M.* Plásticos negros de rechazo a la mujer en el Alarde de Hondarribia. URL: http://ccaa.elpais.com/ccaa/2015/09/08/paisvasco/1441706961_939079.html
13. *Bullen M. L.* Transformaciones socio-culturales y la recreación de una fiesta. URL: <http://www.euskomedia.org/PDFAnlt/zainak/24/09370953.pdf>
14. *Yolanda Montero.* Las fiestas miden la igualdad real. URL: http://elpais.com/diario/2009/01/18/paisvasco/1232311199_850215.html
15. *Larrauri E.* Ninguna tradición justifica la exclusión y la discriminación de género, todas están vivas y todas cambian continuamente. URL: <https://heterodoxia.wordpress.com/2009/08/>

Т. И. Малашенко

МОДЕРНИЗАЦИЯ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА (ИСПАНСКИЙ РЕЦЕПТ)

Тимофей Игоревич Малашенко, аспирант
Института Латинской Америки РАН, Российская Федерация.
malashenko.t@gmail.com

***Аннотация:** Целью работы является анализ трансформации банковского сектора Испании после кризиса 2008 г. Для достижения цели решаются задачи изучения становления современной финансовой системы Испании, выделяются ключевые факторы, оказавшие влияние на её развитие, рассматриваются глобальные вызовы, внешние воздействия, изменения банковского сектора в результате кризиса, основные элементы дальнейшего структурного реформирования банков, помощь Европейского союза, тенденции, способствующие посткризисному оздоровлению банковского сектора по завершении процесса консолидации.*

Автор рассматривает гипотезу о том, что банковская система сыграла важную роль в развитии экономики Испании, пережив в годы кризиса трансформацию, и что банковский сектор является залогом экономического развития Испании в посткризисный период.

***Ключевые слова:** банки Испании, кризис, антикризисные меры, ЕЦБ.*

BANKING SECTOR MODERNIZATION (SPANISH RECIPE)

Timofey Malashenko, Ph.D. student Institute of Latin America
of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation. malashenko.t@gmail.com

***Abstract:** The aim of the research is to analyze transformation of the Spanish banking sector after the financial crisis of the year 2008.*

The author examines a hypothesis that banking system played an important role in the development of Spain's economy. Spain's banking sector was substantially transformed during the economic crisis, and now serves as a prerequisite for development of Spain's national economy during post crisis period.

***Keywords:** Spanish banks, crisis, anti-crisis measures, ECB.*

Банковский сектор сыграл значительную роль в развитии испанской экономики. Базовые принципы современной банковской системы Испании были заложены в 70-х гг. XX в., когда на смену выполнения банками решений исполнительной власти пришли рыночные принципы функционирования финансовых и кредитных институтов. Важный шаг был сделан в 1992 г., когда страна приняла участие в создании единого европейского финансового про-

странства. Центральный банк Испании стал членом Европейской системы центральных банков.

Уровень финансового посредничества в Испании в 2007 г. составлял 16,4 %, в то время как в целом в странах зоны евро соотношение объёмов кредитования к ВВП было значительно ниже – 12,3 %. Показателем масштаба банковской системы Испании стал выход испанских банков – Santander и Banco Bilbao Vizcaya Argentaria, S.A. (BBVA) – на международную арену, причем сразу как крупных игроков.

Однако мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. прервал поступательный рост испанской экономики и стал началом сложного периода трансформации банковского сектора.

Испания до кризиса 2008–2009 гг. Зарождение современной финансовой системы Испании. В период франкистской диктатуры (1839–1975 гг.) в Испании проводилась жёсткая политика экономической автократии, сопровождаемая государственным контролем над ценами, валютным курсом и кредитными учреждениям. На практике реализовывалась политика пассивных денег (предложение приспособлялось к спросу на денежном рынке).

С конца 1950-х гг. в Испании проводился курс ускоренной модернизации экономики, в котором финансовый сектор сыграл важную роль. Испанское правительство ввело ряд дополнительных инструментов, обеспечивающих мобилизацию ресурсов частных кредитных учреждений, среди них – коэффициенты (инвестиций, наличности, государственных фондов, займов особого назначения), которые в сумме составляли до 60 % общего объёма средств, привлекаемых частными институтами.

Политика участия государства в распределении финансов не только через бюджет, но за счёт льготного финансирования банковского сектора приводила к высокому уровню накоплений и инвестиций. Например, в период 1961–1968 гг. накопления в среднем в год составили 25,4 % ВВП, инвестиции – 26,1 % ВВП, а среднегодовой рост ВВП – 7,4 %.

В то же время деятельность Банка Испании (Центрального банка) долгое время носила формальный и технический характер, вся ответственность за проведение денежно-кредитной политики возлагалась на правительство. Только в 1962 г. была проведена национализация Банка Испании, который приобрёл статус автономного учреждения в составе министерства финансов.

В ходе экономических реформ середины 1970-х гг. в Испании кардинальным образом была перестроена финансовая система страны, особенно банковский сектор. Процесс реформирования можно разделить на четыре этапа:

- В 1969–1973 гг. заложен фундамент современной банковской сферы страны.
- В 1974–1985 гг. получили закрепление рыночные принципы функционирования финансовой системы.
- В 1986–1992 гг. Испания присоединилась к ЕЭС и осуществила меры по сближению и гармонизации национального банковского сектора с общеевропейской банковской системой.
- С 1993 г. испанская экономика взяла курс на конвергенцию (создание единого финансово-экономического и валютного пространства) в соответствии с Маастрихтскими соглашениями, которые предписывают передачу многих полномочий по управлению и регулированию банковской сферы наднациональным органам ЕС.

Юридическая основа деятельности испанской финансовой систем. Ключевое место в испанской финансовой системе занимает Банк Испании – учреждение испанского государства, выполняющего роль национального центрального банка в рамках единого механизма банковского контроля (MUS) зоны евро с подчинением руководству Европейского центрального банка (ЕЦБ).

Деятельность Банка Испании регулируется Законом «Об автономии Центрального Банка Испании» [1]. Банк Испании также является членом Европейской системы центральных банков (ЕСЦБ) и, следовательно, должен соблюдать положения Договора о создании Европейского Сообщества и Устав ЕСЦБ.

С 1 января 1999 г. Банк Испании участвует в разработке следующих основных функций, предписанных ЕСЦБ [2]:

- Определять и реализовать денежно-кредитную политику в зоне евро с целью поддержания ценовой стабильности во всей этой области.
- Выполнять операции с иностранной валютой, которые согласуются с положениями статьи 111 Маастрихтского договора.

- Осуществлять управление официальными валютными резервами государства.
- Содействовать бесперебойной работы платёжных систем в зоне евро.
- Выдавать денежные купюры в соответствии с решениями, принятыми Советом управляющих ЕЦБ.
- Осуществлять другие функции, вытекающие из его статуса в качестве неотъемлемой части ЕЦБ.

Испанская финансовая система состоит из учреждений и рынков, основной целью которых является возможность эффективного кредитования. Эта система включает в себя как инструменты и финансовые активы, так и учреждения, и посредников: брокеры покупают и продают активы на финансовых рынках.

Статьи 149.1.11 и 149.1.13 испанской Конституции приписывают государству исключительную юрисдикцию по управлению кредитованием, банковским делом и страхованием, а также по координации общего планирования экономической деятельности. Основные правила функционирования финансовой системы были изложены в документах от 22 ноября 2002 г. «О мерах по реформированию финансовой системы», «Об автономии Банка Испании» [3], «О рынке ценных бумаг» [4].

Для предприятий государственного сектора был прописан «Закон о бюджете», который касался, в частности, вопросов временного приобретения активов или осуществления кредитных операций, то есть проведения соглашений РЕПО, предоставляя заём денежных средств под залог ценных бумаг.

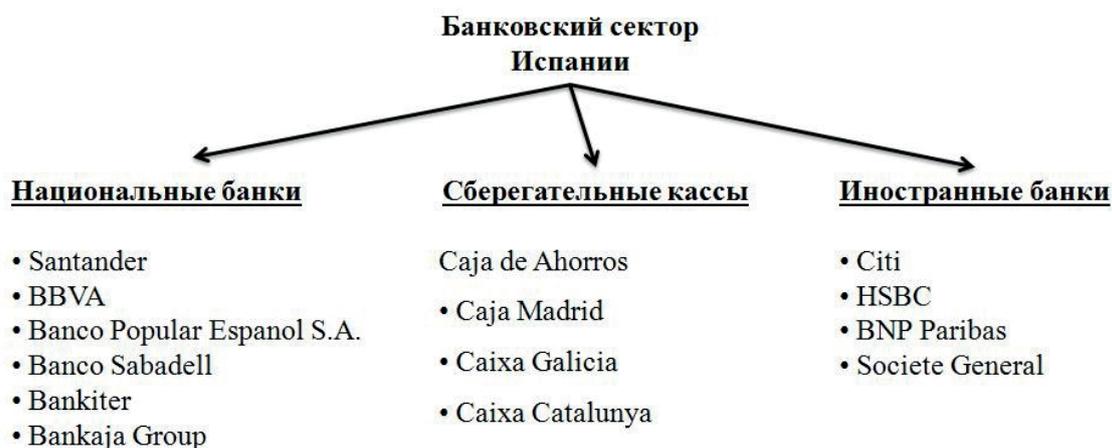
Для кредитных организаций и инвестиций были приняты «Законы о дисциплине и вмешательстве кредитных организаций» [5], «Основные нормы, регулирующие деятельность сберегательных касс» [6], «Инвестиционные отношения и обязательства посредников по финансовой отчётности» [7] и «Закон об инвестиционных институтах» [8].

Центральный кредитный реестр (CIR) является государственной службой, цель которой – сбор от подотчётных лиц (Банка Испании, испанских кредитных организаций, филиалов в Испании иностранных кредитных организаций, гарантийных фондов и других юридических лиц, определённых Министерством экономики) информации о кредитных рисках. Сбор такой информации создаёт для хозяйствующих субъектов необходимые условия для осуществления их деятельности. Одновременно указанные законы позволяют компетентным органам осуществлять надзор за деятельностью предприятий, способствуют развитию других функций Банка Испании, прописанных на законных основаниях.

Банк Испании и Министерство экономики, каждый в своей области надзора, приняли кодексы поведения, которым должны следовать финансовые учреждения.

Испанский банковский сектор перед кризисом 2008-2009 гг. Динамичный рост экономики Испании, её структурная трансформация, сравнительно эффективная фискальная политика, а также низкие процентные ставки оказали позитивное влияние на хозяйственное развитие страны.

Впечатляющим был рост банковской системы, которая покоилась на трёх столпах: национальные банки, сберегательные кассы, иностранные банки [9] (см. *Рис. 1*).

Рис. 1. Банковский сектор Испании.

Топ 6 испанских банков по размеру активов был следующий: Santander, BBVA, Banco Popular Español, S.A., Banco de Sabadell, S.A., Bankinter, S.A. и Bankia.

Santander – крупнейший испанский банк, начавший свою финансовую деятельность 20 августа 1857 г. Его штаб-квартира находится в городе Сантандер (Кантабрия). Основной сферой деятельности банка являются розничные банковские услуги, которые обеспечивают около 70 % прибыли (2014 г.).

Банк является первым испанским финансовым учреждением по размеру активов. По состоянию на 31 декабря 2015 г. активы Banco Santander были 1 340 260 млн евро. Банку принадлежит 13 030 офисов, работает 193 863 сотрудников и обслуживает 121 млн клиентов [10].

Акции компании (SAN) котируются на Мадридской фондовой бирже (BME) и являются частью IBEX 35 (ключевой испанский фондовый индекс) и Dow Jones Euro Stoxx 50. На конец 2015 г. рыночная капитализация банка составила 65,8 млрд евро, занимая первое место в еврозоне и девятнадцатое в мире по этому показателю [11].

Banco Bilbao Vizcaya Argentaria (BBVA) – второй по размеру активов испанский банк, первый в Мексике, второй в Перу и третий в Венесуэле. Штаб-квартира расположена в городе Бильбао (Страна Басков), где он был основан 19 октября 1999 г. Однако большинство центральных служб и оперативная штаб-квартира находятся в Мадриде. По состоянию на 31 декабря 2015 г. активы BBVA превышали 750 млрд евро, ему принадлежит 9 145 офисов в 35 странах, где работает 137 968 сотрудников, обслуживающих 66 млн клиентов [12]. Акции BBVA торгуются на Мадридской фондовой бирже и являются частью IBEX 35 и Euro Stoxx 50.

Сберегательные кассы в последние 20 лет XX в. в своей деятельности стали использовать кредитование, но если банки больше работали как с резидентами, так и с нерезидентами, то у касс по-прежнему сохранялась ориентация на работу с местным населением. В 1990 г. в стране насчитывалось 13 642 сберегательные кассы, в 2008 г. их число превысило 25 тыс. Накануне кризиса 2008–2009 гг. сберегательные кассы активно выдавали кредиты на покупку жилья и предметы длительного пользования.

Накануне кризиса крупнейшим сбербанком Испании и третьей по величине банковской группой страны после Santander и BBVA была La Caixa (Caja de Ahorros y Pensiones de Barcelona), образованная в 1990 г. в результате слияния. La Caixa располагала в Испании широкой сетью филиалов (около 5,5 тыс.) и банкоматов (более 8 тыс.) и обслуживал более 10,5 млн клиентов. На 31 декабря 2009 г. общие вклады превышали 231 млрд евро (см. Рис. 2).

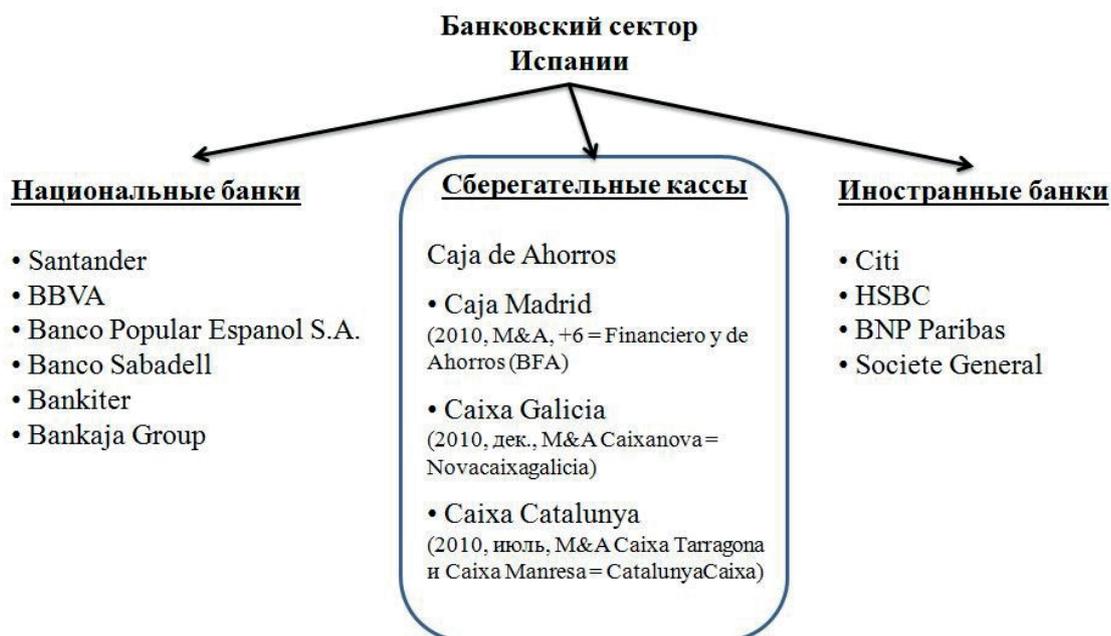

Рис. 2. Крупнейшими иностранными банками, представленными в Испании, были: Citibank, HSBC, BNP Paribas и Société Générale.

Банковский сектор Испании в период кризиса. В середине 2008 г. Испания почувствовала на себе влияние мирового финансового кризиса. Экономика страны ступила в полосу спада, особенно в таких передовых и важных областях как промышленность, туризм, строительство и банковский сектор. Следствием этого стало падение предпринимательской активности, сокращение доходов, падение потребительского спроса.

Рынок труда отреагировал мгновенно на все изменения и показал резкое увеличение числа безработных, которое достигало рекордных показателей. Выросла социальная напряжённость в обществе.

«Первой ласточкой» кризиса для испанской экономика стала ситуация на фондовом рынке. За 14 рабочих дней акции самых сильных и значимых компаний Испании, торгующиеся на Мадридской фондовой бирже упали в цене более, чем на 100 млрд евро, потеряв таким образом около 17 % капитализации. Объём прямых и портфельных иностранных вложений сократился: с 220,3 млрд евро в 2006 г. до 28,4 млрд в 2008 г. Это стало причиной недофинансирования инвестиций в базовый капитал и перенесло этот кризис в реальный сектор страны [13].

Внешние факторы, такие как глобальные вызовы, потрясения и нестабильность только усугубили ситуацию. В такой ситуации обнажились слабые места испанской экономики:

- Падение спроса и сокращение производства в промышленности. Например, сравнительно второе полугодие 2009 г. с аналогичным периодом 2008 г., рынок продемонстрировал снижение на 6 % потребления электроэнергии, сократилось на 20 % промышленное производство, на 34 % снизились продажи автомобилей, потребление цемента упало на 36 % и вдобавок менее 70 % составила загрузка производственных мощностей в индустрии [13].
- Сложности на кредитно-финансовом рынке. В целом испанский банковский сектор выстоял перед лицом мирового финансового кризиса продолжая оставаться кредитором для промышленности и потребительского сектора. Однако сберегательные кассы столкнулись с неплатежами и нехваткой ликвидности. Вследствие этого многие финансовые учреждения были вынуждены перейти на режим жёсткой экономии – сокращение представительств и персонала, а также увеличить объём заимствований в ЕЦБ. Внешняя задолженность частных компаний выросла в геометрической прогрессии почти в 5 раз и превысила размер государственного внешнего долга (1 468 млрд и 299 млрд) [13].

Следствием этого процесса стала трансформация банковской системы кризиса: сокращение банков и их филиалов (особенно это коснулось *Cajas de Ahorros*), массовые увольнения банковских служащих, общий рост безработицы в стране, ужесточения контроля в банковской сфере, проблемы с ликвидностью.

Банковский сектор Испании после кризиса 2008–2009 гг. Антикризисные меры. Правительству пришлось принять кризисный план реформирования. С целью оздоровления финансовой системы страны с 2008 г. в Испании банки и сберегательные кассы претерпели ряд видоизменений в виде слияния и поглощения. Это проводилось с помощью государственных и частных ресурсов. Основным эффектом был в виде трансформации большинства сберегательных касс в банки, в слиянии банков, в сокращении числа финансовых учреждений, а также в виде сокращения количества офисов, сотрудников и структурных затрат.

Для поддержки кредитования производственной деятельности компаний в октябре 2008 г. был создан Фонд по приобретению финансовых активов (FAFA). Фонд закончил свою работу 30 марта 2012 г. В течение срока его деятельности были проведены четыре аукциона.

В июне 2009 г. был создан Фонд упорядоченной реструктуризации банков (Frob). Он содействовал реструктуризации компаний в условиях кризиса по двум направлениям: помогал проводить частное финансирование, гарантировал сохранность вкладов, а также способствовал добровольным слияниям жизнеспособных организаций.

В феврале 2011 г. было отмечено повышение капитализации финансовых институтов. Для банков были установлены новые правила. После соглашений стран – членов ЕС комитет по банковскому надзору Базель стал более требователен. Он вмешался в деятельность 13 объектов, 4 из которых заставил реструктуризировать.

После февраля 2012 г., согласно стандартам объектов недвижимости, далее должны были выходить на рынок только беспроблемные активы. Было принято решение о капитале как о финансовой подушке для проблемных активов. Дополнительное время для соблюдения этих условий отводилось тем кредитным организациям, которые осуществляли интеграционные процессы.

9 июня 2012 г. министр экономики Испании подтвердил, что страна обратилась в ЕС с просьбой о поддержке испанской банковской системы. 20 июля 2012 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании между Испанией и европейскими коллегами.

На 11 декабря 2012 г. Европейский механизм стабильности (ESM) передал Испании ценные бумаги для финансирования четырёх испанских национализированных банков (BFA-Bankia, Catalunya Banc, NCG Banco и Banco de Valencia).

Трансформация банковского сектора Испании после кризиса 2008 года. В обмен на помощь Европейская комиссия убедила банки не предпринимать до 2017 г. «очень важной и очень требовательной» реструктуризации и заставила их сократить свой баланс более, чем на 60 % в течение следующих пяти лет. Филиальная сеть будет сокращена вдвое в ближайшие пять лет. По сравнению с 2010 г. банки должны будут сосредоточить бизнес-модель на кредитовании физических лиц, малого и среднего бизнеса, то есть розничных банковских услуг и в тех регионах, в которых присутствовали исторически.

Также банки должны будут отказаться от кредитных линий развития недвижимости и других рискованных видов деятельности. Целью данных действий были «дешёвые деньги» и доступные кредиты с минимальной процентной ставкой.

Итак, важную роль в финансовом укреплении испанской экономики сыграла санация банковского сектора и помощь государства кредитным учреждениям, объем которой составил порядка 200 млрд евро. Реструктуризация банковского сектора была проведена путём слияний и поглощений. В результате количество испанских кредитных учреждений сократилось до 13, уменьшилось количество представительств и рабочих мест. Результатом стало так же значительное поглощение сберегательных касс (в 2010 г. их стало 47, в 2011 г. был взят курс на снижение их количества до 17, в том же году сберкассы стали сбербанками).

Обратной стороной решения о сокращении стало 50 тыс. безработных, ранее занятых в операционных отделениях. К этому добавилась негативная реакция рынка и понижение международным рейтинговым агентством Fitch долгосрочного рейтинга Испанской конфедерации сберегательных касс (CECA) с «AA-» до «A+» [14].

Однако 26 октября 2014 г. было объявлено, что испанские банки прошли стресс-тест Европейского центрального банка (ЕЦБ) и Европейской банковской администрации (ЕВА) как 15 национальных организаций, которые прошли экзамен на состоятельность.

В целом преодолению кризисных явлений способствовали: проведение структурных реформ и укрепление финансовой дисциплины, запуск программы количественного смягчения Европейским Центральным Банком (quantitative easing), интервенция ЕЦБ по снижению курса евро и падение общемировых цен на энергоносители, в первую очередь – нефть. Эти внутренние и внешние факторы позитивным образом повлияли на усиление конкурентоспособности испанских товаров и услуг на мировых рынках, что помогло компенсировать провалы местного рынка.

Результаты антикризисные мер. Правительством и регулирующими органами были приняты меры, направленные на повышение уровней ликвидности и стимулированию экономического роста, аналогичные мерам, принятым другими Европейскими странами. Тем не менее в Испании кризис принял тяжелый структурный характер и продолжался около шести лет. За период 2008–2013 гг. ВВП снизился в текущих ценах на 6 %, государственный долг возрос с 40,1 % ВВП в 2008 г. до 97,7 % – в конце 2014 года [15].

Однако не все антикризисные меры показали свою эффективность. 11 октября 2016 г. газета El País опубликовала статью, в которой сообщила о том, что с 2009 по 2016 гг. Банком Испании был потрачен 51 млрд евро при этом по оценке регулятора 26 млрд евро являются безвозвратными (2,6 % от валового внутреннего продукта Испании). Для сравнения: сокращение в области здравоохранения и образования во время кризиса составили 16 млрд евро.

Неделей ранее Банк Испании обнародовал отчёт, в котором говорилось, что в казну удалось вернуть не более 5 % вложенного, то есть 2,7 млрд евро. Вернуть сумму в полном размере не представляется возможным, так как в ходе санации коммерческих банков в распоряжении государства оказались такие активы, как недвижимость, которая заметно подешевела после ипотечного кризиса 2008–2009 гг.

После 8 лет экономических, социальных и политических потрясений Испания начинает преодолевать тяжёлые последствия кризиса. Несмотря на сложные внутренние и внешние условия реализации структурных реформ, Испания демонстрирует сравнительно стабильную динамику выхода из кризиса.

Таким образом, исследовав исторические предпосылки становления и развития финансовой системы Испании, рассмотрев её предкризисное и кризисное состояние, проанализировав антикризисные меры, автор подтвердил выдвинутую гипотезу. Банковская система сыграла важную роль в развитии экономики Испании. Претерпев в годы кризиса глубокие трансформации, банковский сектор является залогом дальнейшего экономического развития в посткризисный период.

Очевидно, что в результате сложностей, с которыми пришлось столкнуться правительству Испании и финансовому сектору, в особенности банковскому, функционирование банковской системы в прежнем формате было невозможно, по причине новых вызовов с которыми столкнулась испанская экономика. Благодаря принятым макроэкономическим мерам Испания в 2014–2016 гг. начала выходить из кризиса, показав рост ВВП на уровне (соответственно) 1,4; 3,2 и 3,2 %. Правда, Европейская Комиссия прогнозирует, что прошлогодние темпы роста уменьшаться в 2017 г. до 2,5 %. Но стоит заметить, данные цифры выше среднеевропейских показателей.

Несмотря на дефицит бюджета, который достиг в 2015 г. 5,1 %, Еврокомиссия приняла решение назначить нулевой штраф за нарушение финансовой дисциплины. Хотя, по правилам Европейского союза, дефицит не должен превышать 3 % ВВП [16].

Уровень безработицы является одним из важнейших показателей состояния экономики. В первом полугодии 2016 г. в Испании этот показатель достиг самого низкого уровня с 2010 г.

Одной из особенностей посткризисной банковской системы Испании является высокая восприимчивость к внешним изменениям. Это связано с тем, что значительная часть активов находится за пределами страны. Обратной стороной этого явления можно считать позитивные для испанской столицы последствия Brexit, так как теперь Мадрид претендует на то, чтобы заменить Лондон в качестве финансового центра Евросоюза [17].

Литература / References

1. Ley 13/1994, de 1 de junio. Autonomía del Banco de España (BOE de 2) [Electronic resource]. – URL: http://app.bde.es/clf_www/leyes.jsp?id=7251 (дата обращения: 02.03.2016).
2. «Funciones». Banco de España [Electronic resource]. – URL: <http://www.bde.es/bde/es/secciones/sobreelbanco/funcion/Funciones.html> (дата обращения: 02.04.2016).
3. Ley 13/1994, de 1 de junio, de Autonomía del Banco de España [Electronic resource]. – URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1994-12553> (дата обращения: 01.04.2016).
4. Ley 24/1988, de 28 de julio, del Mercado de Valores [Electronic resource]. – URL: <http://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1988-18764> (дата обращения: 02.03.2016).
5. Ley 26/1988, de 29 de julio, sobre Disciplina e Intervención de las Entidades de Crédito [Electronic resource]. – URL: <http://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-2003-20331> (дата обращения: 02.04.2016).
6. Ley 31/1985, de 2 de agosto, de Regulación de las Normas Básicas sobre Órganos Rectores de las Cajas de Ahorros [Electronic resource]. – URL: <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-1985-16766> (дата обращения: 03.04.2016).
7. Ley 13/1985, de 25 de mayo, de coeficientes de inversión, recursos propios y obligaciones de información de los intermediarios financieros [Electronic resource]. – URL: <http://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1985-9680> (дата обращения: 01.03.2016).
8. Ley 35/2003, de 4 de noviembre, de Instituciones de Inversión Colectiva [Electronic resource]. – URL: <http://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-2003-20331//> (дата обращения: 02.04.2016).
9. Малашенко Т. И. Трансформация банковского сектора Испании // X Конвент РАМИ. Секция 2.1. «Россия – Иberoамерика: опыт взаимодействия; Подсекция 2. «Испания» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.risa.ru/ru/sections/269-2-1-2> (дата обращения 12.12.2016).
10. Banco Santander, Informe Financiero Anual 2015 [Electronic resource]. – URL: <https://www.cnmv.es/AUDITA/2015/16171.pdf> (дата обращения: 10.10.2016).

11. Banco Santander e Inditex, las únicas españolas entre las firmas más cotizadas del mundo [Electronic resource]. – URL: <http://www.farodevigo.es/economia/2015/06/18/banco-santander-e-inditex-unicas/1261663.html> (дата обращения: 10.10.2016).
12. Banco Bilbao Vizcaya Argentaria, Informe Financiero Anual 2015 [Electronic resource]. – URL: <https://www.cnmv.es/AUDITA/2015/16162.pdf> (дата обращения: 10.10.2016).
13. Яковлев П. П. Иберийский аспект, Испания: образ кризиса и кризис образа. 2010 [Электронный ресурс]. – <http://naukarus.com/ispaniya-obraz-krizisa-i-krizis-obraza> (дата обращения: 12.11.2016).
14. Малащенко Т. И. Мировой финансовый кризис: глобальный вызов для экономики Испании // Латинская Америка: проблемы безопасности и новые глобальные вызовы. Научная конференция молодых ученых. Тезисы докладов. – М.: ИЛА РАН, 2016. – С. 59.
15. Яковлев П. Испания: посткризисная модель развития // Мировая экономика и международные отношения.

В. М. Тайар

Испания в ЕС и трансатлантическое экономическое взаимодействие

Виолетта Макариосовна Тайар, канд. экон. наук,
ВРИО директора ИЛА РАН. vtayar@mail.ru

***Аннотация:** В статье рассматриваются перспективы формирования трансатлантического торгового и инвестиционного партнёрства (рус. – ТТИП, англ. – TTIP) между ЕС и США. Анализируется значимость трансатлантического взаимодействия для экономики Испании и ее позиций в ЕС.*

***Ключевые слова:** Испания, Европейский Союз, трансатлантическое партнерство, взаимодействие, ТТИП.*

Spain in the EU and transatlantic economic interaction

Violetta Tayar, Institute of Latin America
of the Russian Academy of Sciences,
Acting Director, Ph.D. vtayar@mail.ru

***Abstract:** In the article are considered the prospects of forming of Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP) between the EU and the USA. The article analyzes the importance of transatlantic interaction for economy of Spain and its line items in the EU.*

***Keywords:** Spain, European Union, Transatlantic Partnership, interaction, TTIP.*

В последние годы Брюссель стремится сделать акцент на растущей важности для стран – членов ЕС внешнеэкономической и экспортной составляющей. Качественно новую ситуацию создала попытка администрации в США Б. Обамы структурировать мировую экономику по линии «мега-партнёрств» – транстихоокеанского и трансатлантического. Транстихоокеанское партнёрство при участии США было попыткой увеличить американское влияние в Азии. Мега-партнёрства стали своеобразной глобальной интеграционной «надстройкой» над существующими интеграционными группировками. К интеграции «вверх» выталкивают не только геополитические, но и сугубо экономические факторы, так как производство высокотехнологичной и конкурентной продукции становится невозможным на коротких воспроизводственных цепях [1].

Однако недавняя смена администрации в Вашингтоне пока ставит «под вопрос» прежние мега-проекты и договорённости. Дональд Трамп намерен обратить экономические процессы «внутри» своей страны и уже заявил о выходе из Транстихоокеанского партнёрства. Однако попытка уйти из Азии может усилить позиции Китая – основного конкурента США в Азиатско-тихоокеанском регионе. Недавний саммит лидеров стран АТЭС в Перу показал, что страны

Тихоокеанского альянса (Мексика, Перу, Чили, Колумбия) готовы взаимодействовать с Китаем и Россией в Азии в рамках Всеобъемлющего регионального экономического партнёрства в сотрудничестве с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС).

Пока остается открытым вопрос о перспективах формирования другого мега-проекта Трансатлантического партнёрства, переговоры по которому ещё не завершены. В 2016 г. переговоры должны были войти в решающую фазу – были проведены 12, 13, и 14-й раунд переговоров. Однако проходили они для Евросоюза не «на равных», а под ощутимым «давлением» со стороны основного своего геостратегического партнёра. Серьёзным тормозом в переговорах стал «информационный вброс» в виде обнародования организацией Гринпис 16 документов, касающихся договора ТТИП, которые отразили позиции двух сторон по каждому пункту. Ссылка на этот текст была доступна на страницах иностранных СМИ (в т. ч. на страницах *El País*). Основным выводом экспертов после анализа этих документов заключался в том, что США используют переговоры по ТТИП для того, чтобы добиться снижения высоких европейских норм и стандартов в сфере защиты прав потребителей, в вопросах защиты окружающей среды, в вопросах здравоохранения, продовольственной безопасности, торговых барьеров и государственных услуг [2, с. 21].

Так, к примеру, представители Испанской социалистической рабочей партии в Европарламенте отмечали, что социалисты никогда не проголосуют за снижение прав европейских граждан. Главный переговорщик со стороны ЕС испанец Игнасио Берсеро при этом заверял, что ещё остаётся много работы, и если раньше договор планировали подписать до ухода Б. Обамы с поста президента, то теперь европейцы вряд ли пожертвуют своими интересами ради скорого подписания ТТИП. В этой связи знаковой оказалась реакция французского президента Франсуа Олланда, который заявил, что Франция отклоняет на нынешней стадии переговоров подписание ТТИП, так как не разделяет «свободную торговлю без правил» [2, с. 22]. Комментарии политиков в Германии и других странах ЕС продемонстрировали, что сторонники скорого трансатлантического сближения начинают менять свою точку зрения и растёт степень участия гражданского общества в этом процессе. Так, министр экономики Австрии заявлял о необходимости «перезапуска» переговоров по ТТИП под новым названием и с более реальными задачами. Некоторые эксперты в Европе указывают, что переговоры «де-факто» провалились [3].

По крайней мере, осенью 2016 г. перспектива формирования трансатлантического торгового и инвестиционного партнёрства (англ. –ТТИР) расколола Европу на «сторонников» и «противников» скорого сближения с США. Против твёрдых позиций Австрии и Франции выступили 12 европейских стран (включая восточноевропейские). Примечательно, что среди этих 12 европейских стран – сторонников ТТИР в ЕС по объективным причинам выступили Испания и Португалия, для которых трансатлантический вектор продолжает иметь определяющее значение во внешнеэкономических связях.

Стремление США к более тесному торгово-экономическому трансатлантическому мосту с ЕС вполне оправданно и связано с тем, что транснациональный бизнес не использует до конца весь потенциал наращивания американского экспорта в Европу. По данным статистики, в период 2008–2015 гг. объём американских экспортных поставок в ЕС сократился и наблюдался устойчивый для США дефицит в торговле с европейскими партнёрами, достигший 161,7 млрд долл. [4]. При этом, в отличие от торговли товарами, обмен услугами с ЕС складывается для США с существенным профицитом, что объясняется лидерством американских компаний в таких сферах как финансовые, компьютерные, телекоммуникационные, рекламные, образовательные услуги. Для ЕС картина складывается следующим образом: в общей сложности 19,4 % экспорта ЕС направляется в США и 15,4 % импорта ЕС поступает из США.

Важно отметить, что испанская экономика и её внешний сектор сегодня находится под довлеющим влиянием как внутренних, так и внешних факторов. Исследователи в Испании, к примеру, отмечают, что в рамках трансатлантического соглашения подразумевается отмена базовых нормативов в социальной сфере, в области трудового законодательства, изменение норм продовольственной и энергетической безопасности, ослабление нормативов по защите окружающей среды. Надо отметить, что такой подход к «упразднению» экологических норм и правил, действующих в ЕС, в рамках ТТИП может сыграть «на руку» крупным американским ТНК, занятым в продовольственном, аграрном и энергетическом секторах экономики и значительно облегчить для них выход на ёмкий европейский и испанский рынок [5, с.75].

Так, профессор Автономного университета Мадрида, политолог Карлос Тайбо в своей книге «Чтобы понять ТТИП» (исп. – “Para entender el ТТИР”), опубликованной в 2016 г. и содержащей

критический взгляд на предстоящий трансатлантический договор, полагает, что актуальность соглашения по Трансатлантическому партнёрству связана с некоторыми важными феноменами: достаточно интегрированным и заблаговременно существующим трансатлантическим политическим и экономическим пространством; вызовом со стороны «растущих рынков», в первую очередь Китая; процессом наращивания мировой торговли и формированием цепочек стоимости, а также кризисом в ВТО. По мнению К. Тайбо, в середине первого десятилетия XXI в. союзническое взаимодействие Европы и Северной Америки стало основываться на целом ряде мощных объединяющих факторов. В их число входят общие культурно-исторические корни, западные гуманитарные и политические ценности, принципы рыночной экономики и демократического управления, человеческие и экономические связи (миграционные, торговые, инвестиционные потоки). Поэтому именно в европейской среде Вашингтон склонен искать союзников по решению наиболее сложных проблем международной безопасности и формирования военно-политической стратегии [6, p.18–25].

Одновременно с этим надо подчеркнуть, что проводимые в Испании в последние годы реформы позволили несколько повысить конкурентоспособность и эффективность национальной экономики в рамках ЕС с использованием новых регуляторов роста — наращивания экспортного потенциала и развития сектора услуг (туризма, транспортных услуг). Однако, несмотря на позитивные подвижки, в социально-экономической сфере остаются серьёзные проблемы: на неприемлемо высоком уровне (свыше 20 %) сохраняется безработица, ощущается значительная нехватка средств в пенсионной системе, увеличился разрыв между богатыми и бедными слоями населения.

Представляется, что нынешнее экономическое положение Испании в ЕС во многом зависит от процесса так называемой «переевропеизации», то есть корректировки хозяйственных и финансовых связей внутри самой еврозоны, создания реальных условий для стимулирования экспортного роста и развития конкурентоспособных отраслей в южноевропейских странах. Речь идёт об одном из важных процессов «переевропеизации» — перераспределении производственно-технологических цепочек внутри еврозоны и диверсификации в рамках ЕС торговых и производственных связей с учётом спроса и потребностей третьих стран — на внешних для Евросоюза рынках. Особое значение для Испании приобретает возможность наращивания экспортного потенциала, развитие экспортных кластеров, сборочных производств, углубление интернационализации бизнеса, сокращение себестоимости производимой продукции, участие в глобальных цепочках стоимости и в этой связи ТТИП может принести для неё и очевидные перспективы. В то время как Европа может столкнуться с трудностями из-за возросшей конкуренции в торговле готовой продукцией, Испания, к примеру, может наоборот выиграть от либерализации рынка финансовых услуг и расширить сотрудничество с США в банковском секторе. Вместе с тем нельзя не видеть очевидных вызовов и рисков роста конкуренции в определённых отраслях (агропромышленном секторе, в малом и среднем бизнесе), которые могут возникнуть, в частности, для испанской национальной экономики вследствие заключения договора по ТТИП [7].

Другой структурный фактор, который будет сказываться на процессе «переевропеизации» и на трансатлантическом взаимодействии, — это Brexit или процесс выхода Великобритании из состава ЕС. По оценке российских исследователей, интеграционные процессы и субъекты интеграционных группировок «впитывают» в себя геоэкономическую природу и испытывают серьёзные трансформации, идёт смена приоритетов от геоэкономических факторов к геополитическим, функционирование продолжается уже в новых форматах, это касается и Евросоюза. В 2017 г. пройдут выборы в Германии и Франции. Приход правых во Франции может продолжить начатое Великобританией, что подтверждает тезис о формировании новой геоэкономической повестки. Российские исследователи при оценке Brexit учитывают ещё и «старое» соперничество США и ЕС. Дело в том, что попытки усилить свое влияние в органах управления ЕС для Великобритании не увенчались успехом, хотя сама страна даже не вступала в валютный союз, но финансово-экономические связи с Брюсселем были и остаются достаточно весомыми. Поэтому Brexit может рассматриваться как «удар» по европейской интеграции, а наряду с миграционным кризисом это не может не сказаться на стабильности в ЕС и в еврозоне в краткосрочной перспективе.

Заключение. Представляется, что в 2017 г. возможны различные сценарии развития трансатлантического взаимодействия и будущего основных его акторов. С очевидной вероятностью произойдет «перезапуск» процесса переговоров по трансатлантическому мегапартнёрству, либо

его заметное «торможение» или «переформатирование». Во всяком случае, по обе стороны Атлантики останутся традиционные протагонисты такого договора – транснациональные компании и банки, представители которых в Испании занимают активную позицию в защиту трансатлантического сближения.

Литература / References

1. *Кочетов Э. Г.* Brexit, далее везде: судьба интеграционных группировок – уход в другие координаты [Электронный ресурс]. – URL:<http://region.viperson.ru/articles/brexit-dalee-vezde-sudba-integratsionnyh-gruppirovok-uhod-v-drugie-koordinaty> (дата обращения: 20.10.2016).
2. *Тайар В. М.* Трансатлантическое партнёрство и Латинская Америка: возможности и риски // Латинская Америка. – 2016. № 9. – С.18–29.
3. El pacto comercial entre la UE y Estados Unidos hace agua [Electronic resource]. – URL:www.elpais.com (дата обращения:18.09.2016).
4. *Яковлев П. П.* Трансатлантическое партнёрство: контекст, значение, проблемные аспекты [Электронный ресурс]. Перспективы [Электронный ресурс]. – URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/ekdom/transatlanticheskoye_partnerstvo_kontekst_znachenije_problemyje_aspekty_2016-09-27.htm (дата обращения: 07.12.2016).
5. *Тайар В. М.* Ибероамерика и трансатлантическое партнёрство: вызовы и перспективы // Ибероамериканские тетради. – М.: ИМИ МГИМО МИД России, 2016. Вып. 1 (11). – С.73–79.
6. *Carlos Taibo.* Para entender el TTIP. Una visión crítica del acuerdo transatlántico de comercio e inversiones. – Madrid, 2016. – 101 p.
7. *Violetta Tayar.* España frente a los retos de Asociación Transatlántica // Iberoamérica. – 2015. №1. (76). – P. 41–64.

С. М. Хенкин

КРИЗИС ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ В ИСПАНИИ

Сергей Маркович Хенкин,
профессор МГИМО МИД России,
д-р ист. наук. sergkhenkin@mail.ru

***Аннотация:** В статье рассматривается кризис представительной демократии в Испании, характеризующийся ростом критического отношения населения к политикам и политическим институтам, падением их влияния. Особое внимание уделяется перестройке партийной системы, выражающейся в ослаблении влияния традиционных партий и усилении партий – новичков, бросивших вызов старым элитам. Вместе с тем политическая модернизация – процесс отнюдь не однозначный, который может приносить совсем не те результаты, на которые рассчитывают её инициаторы.*

***Ключевые слова:** Испания, партии, парламент, конституция, Государство автономий, судебная власть, коррупция, модернизация.*

CRISIS OF REPRESENTATIVE DEMOCRACY IN SPAIN

Sergey Khenkin, Moscow State Institute of International Relations.
Professor, Ph.D. History. sergkhenkin@mail.ru

***Abstract:** The article examines the crisis of representative democracy in Spain, which is characterized by the growth of the population's critical attitudes towards politicians and political institutions and the decline of the latter's influence. Special attention is given to the reorganization of the party system, manifesting in the weakening of traditional parties' influence and strengthening of newcomer parties challenging old elites. Political modernization is not a straightforward process, and can yield results different from the initiators' expectations.*

***Keywords:** Spain, party, parliament, state of autonomies, judiciary power, corruption, modernization.*

После успешного перехода от франкистской диктатуры к представительной демократии политическая система Испании долгое время считалась одной из самых прочных и стабильных в Западной Европе. Две партии – левоцентристская Испанская социалистическая рабочая партия (ИСРП) и правоцентристская Народная партия (НП) контролировали примерно 75-85% электората и, поочередно сменяя друг друга во власти, обеспечивали управляемость политией. За фасадом этого благополучия существовали многочисленные дефекты, с точки зрения западной классики, – отсутствие внутрипартийной демократии, политизированная судебная система, широкомасштабная коррупция и т. д. Однако эти очевидные недостатки не меняли общего позитивного представления о партийно-политической системе Испании, подкреплявшегося динамичным развитием экономики и интенсивной социальной модернизацией.

Глобальный кризис, обрушившийся на Испанию в 2008 г., быстро разрушил привычные представления. Резко усилившаяся имущественная и социальная дифференциация, материальные затруднения и лишения, которые принес с собой кризис, сопровождались ростом чувства социальной незащищенности у миллионов испанцев, отсутствием перспектив у молодого

поколения. Усилилось резко критическое отношение к политикам и политическим институтам, происходило массовое разочарование в них.

Мощный потенциал протеста материализовался в «Движении возмущенных», возникшем в мае 2011 г., когда на улицы и площади 58 городов вышли десятки тысяч людей, потребовавших проведения качественно иной политики, превращения испанской демократии в реальную, соответствующую нормативным требованиям. Эпицентром движения стала центральная площадь Мадрида Пуэрта дель Соль, где «возмущенные» разбили палаточный лагерь. Основным лозунгом их были слова: «Нет, нет, они нас не представляют». Появление «возмущенных» сигнализировало о том, что партийно-политическая система Испании пребывает в состоянии глубокого кризиса. Они указали на давно известные и ставшие ещё более заметными в годы кризиса дефекты политической системы, на которые в благополучные годы люди предпочитали не обращать внимания.

Речь идёт, в частности, об испанских партиях. В политической системе Испании партии с их специфическими особенностями функционирования контролируют практически всё политическое пространство. Победив на выборах и став правящей, та или иная партия во многом срастается с госструктурами. Назначая своих ставленников, партии контролируют важнейшие государственные институты — Банк Испании, Счётную палату, Генеральный совет судебной власти и Конституционный суд, которые по классическим демократическим нормам должны быть независимы. Столь необычная для демократий Запада ситуация сложилась в Испании ещё в годы перехода от франкизма к демократии. Памятуя на сложном этапе транзита о политической нестабильности II Республики (1931–1939), приведшей к гражданской войне, политики того времени стремились обеспечить управляемость рождавшейся демократии. Они наделили партийные верхушки практически неограниченной властью, полагая, что «стабильные партии создают стабильную демократию» [1, р. 215–216].

Политики последующих поколений унаследовали сложившуюся традицию. Партии строятся по иерархическому принципу, носят каудильистский характер. Все решения принимаются партийным лидером и очень узким кругом его доверенных лиц. Они назначают и смещают партийных функционеров, созывают по своему усмотрению съезды, в их руках находится партийная касса. В большинстве партий до последнего времени отсутствовали открытые дискуссии.

Об огромной власти партийного руководства свидетельствует существующая с 1977 г. практика так называемых закрытых списков, применяющихся на парламентских, автономных и муниципальных выборах. Избиратель голосует за список кандидатов, предложенных партийной верхушкой. Голосовать можно только за весь список, при этом новые фамилии в него добавляться не могут. У избирателей нет связи с конкретным лицом, к которому можно было бы обращаться с просьбами и требовать отзыва в случае неудовлетворённости его деятельностью. Подавляющее большинство депутатов и сенаторов неизвестны избирателям.

Система закрытых избирательных списков, с одной стороны, стимулирует отчуждение людей от политики, с другой — ведёт к олигархизации партий, ухудшению качества депутатского корпуса. Одновременно выхолащивается принцип реального разделения властей в политической системе Испании, так как парламент и правительство, состоящие из депутатов, прошедших по закрытым спискам, подчиняются власти партий. Испанский правовед Г. Ариньо Ортис называет современную избирательную систему страны порочной, «превращающей депутатов в марионеток в руках партий» [2, р. 37]. Примечательно, что в Испании существует широкое согласие по вопросу о необходимости реформирования избирательной системы. Однако этого не происходит, поскольку лидеры партий прекрасно понимают, что, проведя эту реформу, они лишатся своего доминирующего положения в политической жизни.

Аномальность испанского случая состоит в том, что лидер партии и его ближайшее окружение сами регулируют свою деятельность, оставаясь бесконтрольными. В 1978 г. был принят Закон о партиях, реформированный в 2002 г., который оценивается многими экспертами как «бессодержательный». По словам испанского ученого С. Молинаса, в Законе о партиях «сколько ни искать, не найти ничего о том, что регулирует их деятельность. Регулируются только течения в испанском обществе, которым не разрешено создавать легальные партии» [1, р. 216].

Отсутствие внешнего контроля над деятельностью партий, равно как и внутрипартийной демократии, ведут ко многим негативным последствиям, прежде всего — к широкомасштабной коррупции. Безусловно, коррумпированность присуща в той или иной степени партиям в любой стране. Но при этом существуют механизмы развития внутрипартийной демократии и сдерживания коррупции. Возьмём пример Германии. Законодательство обязывает немецкие

партии проводить съезды каждые два года. Делегаты на эти съезды, равно как и кандидаты на выборные должности, должны избираться рядовыми членами путём тайного голосования. Закон также обязывает партии проводить аудиторские проверки, осуществляемые независимыми внешними контролерами.

В Испании подобных механизмов, обеспечивающих развитие внутрипартийной демократии и финансовой прозрачности, нет. Из-за всевластия партийной верхушки, отсутствия независимого аудита финансовой деятельности партий, подмены избрания кандидатов на выборные должности их кооптацией коррупция здесь институционализировалась,

Неудивительно, что уровень доверия испанцев к партиям и политикам очень низок. 95 % респондентов полагают, что партии «вместо того, чтобы разоблачать и исключать коррумпированных членов, покрывают и защищают их». По мнению 55,1 % опрошенных, «партии служат только для того, чтобы разобщать людей» [3, р. 95].

Последняя оценка во многом основывается на том, что отношения между НП и ИСРП отличаются высокой степенью напряжённости. Многолетнее повседневное явление в испанской политике – агрессивный партийный дискурс, резкие взаимные нападки. Эта выраженная конфликтность в отношениях явно неадекватна не столь уж значительным различиям, а то и совпадениям в подходах НП и ИСРП ко многим внутренне- и внешнеполитическим проблемам.

Совпадение позиций стало особенно заметно в 2010 г. Стоявшее тогда у власти правительство ИСРП, будучи не в состоянии справиться с лавинообразным ростом безработицы, бюджетного дефицита и внешней задолженности, переориентировало свою внешнюю политику. Курс на повышение производства и спроса сменили монетаристские решения. В экономической сфере начала претворяться в жизнь выраженная неоконсервативная политика. Сокращение дефицита бюджета происходило преимущественно путем урезания социальных расходов (на 90 %) и только незначительно посредством увеличения налогов (на 10 %). При этом со стороны правительства не последовало объяснений причин осуществления этих крайне непопулярных мер [4, р. 37].

«Новый курс» вызвал мощную волну критики со стороны многочисленных сторонников ИСРП, упрекавших её за измену традиционным социал-демократическим принципам и переставших видеть в ней силу, способную изменить систему. К тому же ИСРП не удалось избежать коррупционных скандалов. На парламентских выборах 2011 г. она потерпела беспрецедентное поражение в своей истории, потеряв 4,3 млн сторонников [5].

Надежды на преодоление кризиса доверия к партии возлагались на нового генерального секретаря 42-летнего Педро Санчеса, избранного в июле 2014 г. впервые в истории ИСРП прямым голосованием её членов. П. Санчесу, однако не удалось переломить ситуацию. На парламентских выборах в декабре 2015 г. ИСРП, хотя и осталась на втором месте, потеряла еще 1,5 млн голосов [5].

С очевидным кризисом доверия столкнулась и НП. Правда, в первые годы кризиса все складывалось для неё как нельзя лучше. Сменив на выборах 2011 г. у руля власти ИСРП, консерваторы добились самого высокого результата в своей истории. НП завоевала 186 депутатских мест (из 350), обрела абсолютное большинство мест в нижней палате кортесов и получила возможность управлять, ни на кого не оглядываясь.

Основным достижением правительства НП стало оздоровление экономики. Рос ВВП (в 2014 г. – на 14 %), произошла санация финансовой системы, увеличился товарный экспорт. Увереннее почувствовал себя бизнес. Вместе с тем политика жёсткой экономии, проводившаяся правительством, сопровождалась урезанием социальных выплат, падением доходов многочисленных групп населения, урезанием социальных выплат. Ориентируясь на сохранение и укрепление существующего правопорядка, правительство уклонялось от решения назревших политико-институциональных проблем. По оценкам многих испанских экспертов, руководство НП вело себя в этих вопросах пассивно и безынициативно, предпочитая «плыть по течению» и практикуя закрытый от общественности стиль руководства.

Недовольство политикой НП усугубляли многочисленные коррупционные скандалы, в которых были замешаны её функционеры в центре и на местах. Одним из самых громких скандалов стали так называемые «счета Барсенаса» – многолетнего казначея Народной партии, который распределял среди ее высокопоставленных членов нелегальные взносы от предпринимателей в качестве вознаграждения за предоставленные проекты. 20 лет руководители партии получали в обход закона сотни миллионов евро.

На выборах в 2015 г. НП потеряла 3,6 млн избирателей и треть депутатских мест [5]. По числу собранных голосов (28,7 %) партия откатилась примерно на уровень 1989 г. (25,8 %) – по-

следний раз, когда она собрала на парламентских выборах менее 30 % голосов. К этому следует добавить, что в последние годы лидер НП и глава правительства Мариано Рахой постоянно становится самым непопулярным в списке ведущих испанских политиков. Иными словами, НП столкнулась с очевидным кризисом доверия.

Ситуация в самой НП отнюдь не отличается спокойствием, хотя внешне представляется стабильной. СМИ неоднократно писали о критических высказываниях деятелей партии в центре и регионах в адрес руководства. В апреле 2016 г. в социальных сетях было опубликовано письмо группы членов НП, обеспокоенных ослаблением её влияния в обществе, под красноречивым заголовком: «Почему мы хотим возрождения Народной партии». Авторы резко критиковали партийное руководство за отсутствие ясной и понятной программы действий, дистанцирование от общества, в особенности от молодёжи, отсутствие внутрипартийной демократии, «необъяснимую пассивность» [6].

Итак, к середине 2010-х гг. совокупный потенциал двух ведущих партий Испании резко ослаб, от них дистанцировались миллионы прежних избирателей. Парламентские выборы в декабре 2015 г. стали политическим землетрясением. НП и ИСРП партии собрали 50,7 % голосов, на треть меньше, чем в 2011 г. (74,3 %) [5].

В этой обстановке во весь голос заявили о себе две новые партии – Подемос и Сьюдаданос, заявившие о своих намерениях радикально модернизировать существующую социально-политическую систему, преодолев существующий кризис представительства и восстановив утраченное доверие граждан. Наибольшую известность среди них приобрела Подемос, воспринимаемая общественным сознанием как леворадикальная сила, напоминающая греческую Сиризу [7]. Напротив, Сьюдаданос – центристская, точнее правоцентристская партия по своей политико-идеологической направленности. Её руководство заявляет, что Сьюдаданос, как и Подемос, хочет «глубоких изменений», но при этом, в отличие от последней, стремится избежать радикальных шагов и сохранить стабильность» [8, p.185].

Таким образом, в Испании на смену бипартизму пришла реальная многопартийность, которая лучше адаптирована к динамичным реалиям Испании, позволяет полнее и точнее учитывать интересы различных групп электората. И вместе с тем в испанских условиях она усложняет проблему управляемости обществом, вносит в работу отлаженного до этого партийно-политического механизма весомый элемент неопределенности и непредсказуемости.

Подтверждение тому – десятимесячное отсутствие в Испании постоянного дееспособного правительства (с декабря 2015 г. по октябрь 2016 г.). Результаты выборов (очередные состоялись в декабре 2015 г., а внеочередные в июне 2016 г.) были таковы, что ни одна из партий не располагала большинством депутатских голосов, достаточных для утверждения её кандидата на пост председателя правительства. Новый кабинет министров не удалось создать из-за неспособности парламентских партий договориться. Исключениями стали только договорённости между ИСРП и Сьюдаданос после выборов 2015 г. и между НП и Сьюдаданос после выборов 2016 г., но в обоих случаях совокупность депутатских мандатов не достигала до получения абсолютного большинства. Вина за то, что новое правительство не удалось сформировать, лежит на всех партиях, хотя и в разной степени. Вместо того чтобы искать точки соприкосновения и совпадения интересов, партии устанавливали красные линии в своей коалиционной политике, декларировали несовместимость с конкурентами. Партийные лидеры зачастую ставили на первое место не общенациональные, а узкопартийные интересы и амбиции, электоральные расчёты.

Новое правительство удалось сформировать только в ноябре 2016 г. Это однопартийный кабинет министров Народной партии, не имеющий твёрдого большинства в парламенте и находящийся под жёстким контролем оппозиционных партий.

Сложившиеся реалии обрекают формат и стилистику испанской политики на радикальные изменения. Императивом управляемости обществом должна стать культура диалога и компромиссов. Политикам, независимо от их идейно-политической ориентации, предстоит выдержать серьёзное психологическое испытание – научиться жить в новых условиях и договариваться между собой.

Кризис представительной демократии в Испании, разумеется, не ограничивается только проблемами партий. Низок авторитет парламента. Интенсивность законодательной деятельности кортесов невысока в силу неразвитой политической культуры парламентаризма. В нормотворческой деятельности активно участвует правительство, издавая законы-декреты, составляющие значительную часть всех принимаемых законодательных актов. Так, в период правления НП в 2011–2015 гг. было принято 75 законов- декретов, изданных в обход кортесов

[9]. Ослаблению роли кортесов способствовало и присоединение к ЕС (1986 г.), в результате которого часть суверенных прав её государственных структур была делегирована институтам Сообщества. Вместе с тем после формирования нового правительства меньшинства М. Рахоя фрагментированный парламент, в котором в последние десятилетия зачастую доминировала правящая партия, навязывавшая оппозиции свои решения, имеет все шансы превратиться в арену напряжённой политической борьбы.

В серьёзных изменениях нуждается судебная система. Хотя конституция устанавливает принцип независимости судебной власти от исполнительной, на практике он не реализуется. Если в первые годы демократии члены Генерального совета судебной власти избирались самими судьями, то с 1985 г. их стали избирать депутаты нижней и верхней палат парламента, то есть члены политических партий. Новый порядок избрания сделал этот высший орган судебной власти Испании политизированным. В нём идёт постоянная борьба между представителями различных партий, парализующая его работу. Партийные блоки присутствуют и в Конституционном суде, также политизируя его. В реальной жизни Конституционный суд не играет отводимой ему основным законом роли арбитра при рассмотрении заявлений о неконституционности законов и парламентских актов, а проводит в жизнь волю исполнительной власти. К этому следует добавить, что в Испании пропорционально меньше судей, чем во многих других странах Европы, судопроизводство отличается медлительностью.

Кризис политических институтов не обошел стороной даже королевскую семью, некоторые члены которой оказались замешанными в коррупции. Снижился рейтинг короля Хуана Карлоса I, сыгравшего выдающуюся роль в ликвидации франкизма и переходе к представительной демократии и превратившегося в символ национального единства. В стране оживились республиканские настроения. Правда, сыну Хуана Карлоса королю Фелипе VI, сменившему в июне 2014 г. отца на престоле, удалось – во многом благодаря предпринятым антикоррупционным действиям в королевском доме – восстановить доверие многих испанцев к институту монархии.

В ряду многочисленных факторов, вызывающих недовольство населения, упомянем положение дел в области трудовых отношений и сфере образования. Реформы, предпринятые в этих сферах правительством Народной партии, не нашли поддержки у значительных групп населения и многих оппозиционных партий. Отдельно следует назвать широкомасштабную коррупцию, поразившую не только партии, но и различные сферы общественной жизни. Опросы общественного мнения на протяжении многих лет свидетельствуют об убеждённости испанцев в том, что коррупция превратилась в интегральную часть политической и экономической системы страны.

Примечательно, что Испания принадлежит к числу стран ЕС с наиболее низким уровнем межличностного доверия. Особенно низок уровень доверия к политикам. Видя глубокий разрыв между традиционно сильным в Испании идеалом социальной справедливости и каждодневными реалиями, значительная часть общества утрачивает веру в действенность политики и относится к ней с изрядной долей цинизма.

Принципиальные вопросы вызывает политико-территориальная организация Испании. Так называемое Государство автономий – унитарное государство, в котором присутствует немало элементов федерализма. За своё почти 40-летнее существование оно доказало жизнеспособность, уберегло многонациональную страну от дезинтеграции. Вместе с тем участие автономных областей в проведении государственной политики плохо структурировано. Во многом это связано с ролью сената, который считается органом территориального представительства, но в реальной жизни таковым не является и занимает подчинённое положение по отношению к конгрессу депутатов. Проблемы регионов усугубляются просчётами в управленческой политике: нецелевым и бесконтрольным расходованием средств, разбуханием административного аппарата автономий. Финансовые отношения между центром и регионами лишены необходимой прозрачности и рациональности. Испанский профессор Ф. Кастаньон назвал свою книгу, посвящённую состоянию дел в Государстве автономий, метким словом «бесхозяйственность» [10].

Острейшей проблемой современной Испании является каталонский кризис, поставивший под угрозу территориальную целостность государства. Сепаратистские партии, имеющие большинство в парламенте автономии, намерены до конца сентября 2017 г. провести референдум о независимости региона. Народная партия в период своего правления в 2011–2015 гг. твёрдо защищала конституционный порядок. Вместе с тем, вопреки мнению значительной части общественности, выступавшей за поиск взаимоприемлемой формы разрешения конфликта, она

заняла жёсткую и неуступчивую позицию, отказавшись от диалога и переговоров со сторонниками сепаратистов [11]. Оружием правительства стали аргументы о неконституционности действий сепаратистов и обращения в Конституционный суд. Правительство ссылалось на положения конституции, согласно которым автономии не могут проводить референдум без согласия центра и разрешительного национального референдума. Как свидетельствуют социологи, такой подход лишь стимулировал сепаратистский настрой части каталонцев и заводил ситуацию в тупик.

Для конституции Испании, в частности, в области государственно-территориального деления, характерно сочетание жёсткости ряда формулировок с неопределённостью и двусмысленностью некоторых статей. Неопределённость эта вполне объяснима. Конституция принята в 1978 г., когда переход к демократии ещё не был завершён. Законодатели стремились быть осторожными в формулировках, не без оснований опасаясь, что возможность распада «единой и неделимой» Испании спровоцирует армию, в которой было много консервативно настроенных военных, на переворот.

В условиях глубоких перемен, которые произошли в испанском обществе за последние десятилетия, многие статьи конституции, и отнюдь не только касающиеся территориальных проблем, требуют пересмотра. По словам известного политического деятеля Испании А. Герры, «конституция создавалась для всех, но полностью не удовлетворяет никого» [12]. Если в 2008 г. за глубокую реформу основного закона высказывались 29 % респондентов, то в 2013 г. — уже 53 %, то есть почти вдвое больше. Ещё 42 % считали необходимым внести в конституцию частичные поправки. Следует отметить, что если реформирование одних положений конституции принимается абсолютным большинством, то за требованием пересмотра других стоит порой диаметрально противоположная мотивация. Например, 45 % респондентов полагают, что государству следует твёрдо идти по пути усиления централизации, то есть центр должен вернуть себе полномочия, предоставленные автономным сообществам. Напротив, 35 % (в том числе, 64 % каталонцев) полагают, что процесс децентрализации должен продолжаться [13].

Следует иметь в виду, что демократическая модернизация политических институтов может не только не разрешать старые, но и создавать новые проблемы. Пример — новый статут Каталонии, принятый на региональном референдуме и одобренный парламентом автономии в 2006 г. Статут, безусловно, нужен, он расширяет права этой одной из самых развитых автономий Испании: за каталанским языком признаётся статут государственного «наравне с испанским», а сам регион именуется «национальной реальностью в составе испанского государства». Вместе с тем статут, призванный консолидировать каталонское и испанское общество, отнюдь не делает этого. Он удовлетворяет ненационалистов и умеренных националистов, но отнюдь не удовлетворяет радикальных националистов, требующих большей степени самоуправления этого региона вплоть до установления конфедеративных отношений с Испанией и даже отделения от неё. Неоднозначно отношение к новому статуту и населения Испании. Судя по опросам общественного мнения, часть населения воспринимает статут, как подрывающий единство страны.

Приведём ещё один пример, свидетельствующий, что модернизация может приводить совсем не к тем результатам, на которые рассчитывали её инициаторы. Многим представлялось, что партия «Подemos», выросшая из «Движения возмущенных», должна отвергнуть традиционную для испанских партий вертикальную каудильистскую структуру, при которой лидер партии решает всё, а рядовым членам отводится роль статистов. Сами лидеры партии заявляли о стремлении избежать бюрократизма, предоставить членам партии широкие возможности участвовать в принятии решений. Однако на практике лидеры партии проникаются «кастовым духом», превращаются в ту самую касту, которую они подвергают сокрушительной критике [8, p. 204]. Подemos становится централизованной партией, напоминающей традиционные для Испании партии каудильистского типа.

Как бы там ни было, преодоление кризиса политико-институциональной системы требует проведения назревших реформ, способных вдохнуть новую жизнь в политические институты, восстановить доверие к ним граждан и оздоровить моральный климат в обществе. Позиции последовательных сторонников демократических реформ совпадают в том, что обновление политической системы должно включать, в числе прочего:

- реформирование конституции 1978 г.,
- демократизацию внутрипартийной жизни, предполагающую регулярное проведение съездов, ограничение сроков пребывания на выборных должностях, создание

- арбитражных комиссий для разрешения внутривнутрипартийных разногласий, гарантии реального участия рядовых членов в выдвижении кандидатур на руководящие посты и редактировании избирательных программ;
- реформирование избирательного законодательства, направленное на то, чтобы сделать его более пропорциональным и устранить «премию» в виде множества дополнительных голосов, которую сейчас получают партии, занявшие первые два места на выборах. Одновременно предлагается отказаться от уже упоминавшейся системы закрытых списков;
  - обретение независимости судебной власти от партий, которое означает, в частности, прекращение практики назначения политическими лидерами страны руководителей и высокопоставленных чиновников высших судебных инстанций;
  - разработку партиями приемлемых для большинства политических сил способов разрешения государственно-территориальных проблем Испании;
  - совершенствование существующего Закона о Транспарентности, ставящее целью эффективный и независимый контроль со стороны общественности за деятельностью партий, организаций и структур и пресечения практик клиентелизма и коррупции [14].

Проведение этих, равно как и многих других реформ социальной и экономической сфер жизни общества, – дело сложное, требующее широкого межпартийного и общественного согласия. В сложившейся ситуации очень многое зависит от здравого смысла испанских политиков, их чувства ответственности перед своим народом. Заявления и первые шаги сформированного в ноябре 2016 г. правительства меньшинства М. Рахоя говорят о его готовности к сотрудничеству с оппозиционными партиями и поиску решения некоторых назревших проблем. Время покажет, насколько значителен реформаторский потенциал правящей партии.

Литература / References

1. *Molinas C.* Qué hacer con España. Del capitalismo castizo a la refundación de un país. – Barcelona: Ediciones Destino, S.A., 2013. – 304 p.
2. España. El final de una época. – Madrid: Libroslibres, 2009. – 268 p.
3. *Elordi C.* Quienes mandan de verdad en España? – Barcelona: Roca Editorial de Libros, S.L, 2013. – 139 p.
4. *Urquizu I.* La crisis de representación en España. – Madrid, Catarata, 2016. – 174 p.
5. Resultados. Elecciones generales de 2016 [Elektronic resource]. – Available at: URL: <http://resultados.elpais.com/elecciones/generales.html#> (accessed 05.09.2016).
6. Ahora. Periódico semanal independiente de política, economía y cultura, 29.04.2016 [Elektronic resource]. – Available at: URL: <http://www.ahorasemanal.es/por-que-queremos-la-regeneracion-del-partido-popular> (accessed 05.05.2016).
7. *Хенкин С. М.* Феномен Podemos // Ибероамериканские тетради. – М.: ИМИ МГИМО МИД России, 2016. № 1 (11). – С.15–20; *Астахова Е. В.* «Штурм небес» или особенности политического дискурса Podemos // Ибероамериканские тетради. – М.: ИМИ МГИМО МИД России, 2016. № 1 (11). – С. 21–28.
8. *Tamames R.* Podemos? Un viaje de nada hacia el poder. – Madrid, Kailas Editorial, S. L, 2015. – 212 p.
9. ¿Se puede gobernar desde el Parlamento? El Diario, 21.10.2016 [Elektronic resource]. – Available at: URL: http://www.eldiario.es/politica/Cortes-aprobada-leyes-tercio-decreto-ley_0_570793832.html (accessed 03.10.2016).
10. *Castano F.* El despilfarro. La sangría de la España autonómica. – Madrid: Espasa Libros, S.L.U., 2011. – 211 p.
11. *Орлов А. А.* Ключевые проблемы современной Испании // Ибероамериканские тетради. – М.: ИМИ МГИМО МИД России, 2016. № 1 (11). – С. 9–14.
12. *Calvo V. G., Romero J. M.* Los nacionalistas dijeron en 1978 que tenían suficiente. Fuimos ingenuos // El País, 03.12.2013.
13. La mayoría apuesta por la reforma profunda de la Constitución // El País, 07.12.2013.
14. Diez propuestas para mejorar la calidad de la democracia en España [informe Funciva]. – Madrid: Editorial Biblioteca Nueva, S.L., 2014. – 187 p.

Е. Г. Черкасова

ПРОБЛЕМА СЕУТЫ И МЕЛИЛЫ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ИСПАНИИ

Екатерина Геннадьевна Черкасова, канд. ист. наук,
ст. науч. сотр. Национального исследовательского института
мировой экономики и международных отношений
им. Е. М. Примакова РАН (ИМЭМО РАН РФ).
Katya_Moscow@inbox.ru

***Аннотация:** Статья посвящена одной из наиболее актуальных проблем внешней политики Испании, а именно: проблеме двух испанских полуанклавов, расположенных на территории Марокко, – Сеуте и Мелилье. Рассматриваются исторические положения и аргументы испанской и марокканской сторон, обосновывающих свои притязания на данные спорные территории. Проводятся сравнения между проблемами Сеуты и Мелильи и Гибралтара. Особое внимание уделено вопросу о том, распространяется ли на эти территории гарантии безопасности НАТО. Автор обосновывает положение о том, что Марокко использует проблему Сеуты и Мелильи в качестве средства давления на Испанию с целью решения других задач, включая вопросы торговли, иммиграции и рыбной ловли. Рабат также стремится заставить Испанию изменить свою позицию по Западной Сахаре. Анализируется современное положение этих испанских городов в свете актуальных экономических, миграционных и политических проблем. Подчёркивается, что нелегальная иммиграция преимущественно из субсахарских стран является одной из главных проблем испано-марокканских отношений, осложняя положение в Сеуте и Мелилье. Эта проблема пока далека от разрешения. Главная задача Запада в данном вопросе – сохранение стабильности в регионе, что как нельзя лучше отвечает интересам Испании. Усилия Мадрида направлены прежде всего на предотвращение того, чтобы развитие политической и экономической ситуации поставило страну перед необходимостью укреплять военными средствами её южную границу. Эта стратегическая цель приобрела особую актуальность в свете последних событий на Севере Африки.*

***Ключевые слова:** Испания, Сеута, Мелилья, Марокко, внешняя политика.*

THE PROBLEM OF CEUTA AND MELILLA IN SPANISH FOREIGN POLICY

Ekaterina Cherkasova, Ph.D. (History), Senior Researcher,
Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO),
Russian Federation. Katya_Moscow@inbox.ru

***Abstract:** The article is dedicated to one of the most important problems of Spain's foreign policy, namely the problem of the two Spanish enclaves located on the territory of Morocco - Ceuta and Melilla. The historical and legal provisions form the basis of arguments of the Spanish and Moroccan parts justifying their claim to these disputed territories. A comparison is made between the problems of Ceuta and Melilla and Gibraltar.*

Particular attention is paid to the question of whether they are covered by NATO's security guarantee. The author substantiates that Morocco is using the issue of Ceuta and Melilla as a means of pressure on Spain to get benefits in other areas, including trade, immigration, and fishing. Rabat also seeks to force Spain to change its position on the Western Sahara. The current situation of the Spanish cities in the light of their current economic, migratory and political problems is analyzed. It is emphasized that illegal immigration mostly from sub-Saharan countries is one of the main problems of the Spanish-Moroccan relations, complicating the situation in Ceuta and Melilla. This problem is far from being resolved. The main task of the Western countries regarding this issue is the maintenance of stability in the region, which perfectly meets the interests of Spain. Madrid's efforts are focused primarily on prevention of such development of political and economic situation which would put the country before the need to strengthen its southern border by military means. This strategic objective has become particularly relevant in light of recent events in North Africa.

Keywords: Spain, Ceuta, Melilla. Morocco, foreign policy.

Север Африки – сфера жизненных интересов Испании. Общая политическая нестабильность в районе Магриба, экономический кризис, демографическое давление, подъём религиозного фундаментализма и – главное – наличие территориального спора с Марокко, осложняя положение во всём Средиземноморье, вызывают особую тревогу в Испании. Именно поэтому южный фланг является для неё наиболее уязвимым с точки зрения национальной безопасности. Эта угроза связана со сложным комплексом проблем и в первую очередь с неурегулированной проблемой принадлежности Сеуты и Мелильи – двух испанских полуанклавов на марокканской территории. В испано-марокканском споре из-за Сеуты и Мелильи большое значение приобрели исторические факторы и юридические положения.

Сеута была завоевана португальцами в 1415 г., а когда в 1580 г. Испания и Португалия объединились в единое королевство, а затем в 1640 г. вновь разделились, Сеута – единственная территория в Португальской империи – предпочла остаться в составе Испании. Формально принадлежность Сеуты к Испании была закреплена Лиссабонским договором, по которому 1 января 1668 г. король Португалии Альфонс VI уступил её испанскому королю Карлу II. Мелилья, расположенная восточнее, была захвачена испанцами в 1497 г. Оба города неоднократно подвергались осадам марокканских войск. Между двумя государствами не раз вспыхивали конфликты по поводу данных территорий. В результате Испано-марокканской войны 1859–1860 гг. влияние Испании в Северной Африке значительно усилилось, а после подписания Фесского договора в 1912 г. Испания и Франция получили смежный протекторат над территорией Марокко, при этом Сеута и Мелилья оформили статус свободных портов. Сеута и Мелилья не были указаны в договоре о получении независимости Марокко (1956 г.), что явилось ещё одним дополнительным аргументом в пользу принадлежности полуанклавов Испании.

Мелилья явилась исходным пунктом для франкистского мятежа. В 1956 г. Марокко стало самостоятельным государством, причём Сеута и Мелилья не были указаны в договоре о получении независимости Марокко. То, что города остались во владении Испании, является несомненной заслугой дипломатии Ф. Франко. Принадлежность данных городов к Испании подтверждается конституциями Испании, начиная с 1812 г. и заканчивая действующей 1978 г. Будучи частью государства, эти территории имеют для Испании определённую стратегическую, военную и экономическую ценность, правовая природа которой ни в коем случае не может быть нарушена. В 1995 г. обе территории обрели автономный статут и получили статус автономных городов. В отличие от автономных сообществ автономные города не имеют собственных законодательных органов. Таким образом, президент Сеуты одновременно является алькальдом, муниципальное собрание одновременно является автономным парламентом (ассамблея Сеуты), а советники одновременно являются автономными депутатами.

По мнению марокканской стороны испанская принадлежность Сеуты и Мелильи нарушает территориальную целостность государства и суверенитет страны. С 1970-х гг. Марокко требует возвращения территорий Сеуты и Мелильи вместе с примыкающими необитаемыми островами типа о-ва Перехиль (т.н. *Plazas de soberanía*). Правительство Испании никогда не соглашалось проводить какие-либо переговоры по этому вопросу, считая полуанклавы неотъемлемой частью национальной территории. Статус Сеуты и Мелильи вызвал в британских и марокканских средствах массовой информации сравнения с проблемой Гибралтара. Испанское правительство, а также жители самих полуанклавов решительно отвергают эти сравнения, ссылаясь на том, что Сеута и Мелилья являлись испанскими городами задолго до того, как образовалось королевство Марокко, которое является ничем иным как наследником марокканского султа-

ната XVII в., в то время как Гибралтар – это заморская территория Великобритании, статус которой закреплён Утрехтским договором и, следовательно, он никогда не был частью Соединенного Королевства. По мнению испанской стороны Мелилья, например, была частью Испании практически с начала существования независимого испанского государства, причём принадлежит Кастилии дольше, чем некоторые другие испанские регионы, например, Наварра. Утверждается также, что никакой связи бывшими марокканскими династиями не существует, а если это было бы так, Испания была бы до сегодняшнего дня частью Марокко. Кроме того, Гибралтар, в отличие от Сеуты и Мелильи, входит в список территорий, подлежащих деколонизации. Испания ни при каких условиях не откажется от требований Гибралтара. Владение этими территориями, в отличие от ситуации с Гибралтаром, официально признано на международном уровне различными наднациональными организациями и закреплено в соглашениях различного характера.

Следует добавить, что в обоих случаях национальные правительства и местное население спорных территорий отвергают эти претензии подавляющим большинством.

По мнению российского исследователя Ю. А. Павловой, главными аргументами в пользу испанской принадлежности Сеуты и Мелильи являются следующие: «приобретательная давность и эффективность управления территорией в соответствии с установленными на интернациональном уровне нормами и принципами; доктрина интемпорального права: договоры, подтверждающие юридические права Испании на владение Сеутой и Мелильей, подписывались не единожды, ещё до создания независимого государства на территории Марокко в 1956 г.; принадлежность населения Сеуты и Мелильи к той же нации, языку, культуре, ценностям и религии, что существуют в остальной части Испании; юридический статус автономных городов, закреплённый в Конституции страны; обладание такими же правами, свободами, экономическими обязательствами, что и другие автономные сообщества; важное геостратегическое положение Сеуты и Мелильи для обеспечения национальной безопасности и контроля ситуации в Средиземноморском регионе.[2, р. 32–33].

Марокко отвергает все эти аргументы и вынашивает идею «Великого Марокко». Рабат обосновывает свои претензии тем, что эти территории являлись частью территории сменявших друг друга мусульманских династий в период с 791 по 1497 гг., когда Мелилья была завоёвана Кастилией. Рабат неоднократно обращался в ООН с просьбой разрешить проблему Сеуты и Мелильи – «последних остатков колониальной оккупации». Мадрид в ответ заявлял, что будет защищать эти территории всеми средствами, поскольку они являются частью Испании и принадлежали ей намного раньше, чем образовалось само Королевство Марокко.

Сами по себе территории Сеуты и Мелильи не имеют большого стратегического значения для Марокко и используются королевством в качестве средства давления в отношениях с ЕС и Испанией, в частности по вопросам торговли, рыбной ловли и иммиграции. Кроме того, за этими спорами скрывается ещё более важный вопрос – проблема Западной Сахары, на которую претендует Марокко. Испания в целом поддерживает идею независимости этой территории. Рабат в свою очередь, учитывая тесные экономические связи между Марокко и Испанией, а также массовую миграцию марокканцев в Испанию, избрал тактику слабого, но постоянного давления на Мадрид, пытаясь заставить его отказаться от позиции по Западной Сахаре.

Начиная с 1975 г., марокканские власти использовали проблему принадлежности Сеуты и Мелильи как «рычаг» давления в вопросе Западной Сахары. Очевидно, что Западная Сахара представляет больший интерес для Марокко, чем испанские города, в связи с обилием природных ресурсов (фосфаты) и большим размером территории. Испания не раз была вынуждена идти на уступки в двусторонних отношениях с Марокко ради сохранения городов, однако в итоге испанская сторона выбрала поддержку Фронта ПОЛИСАРИО ради налаживания тесных связей с Алжиром.

Проблема Сеуты и Мелильи занимает особое место во внешней политике Испании. Это связано с важным геостратегическим положением полуанклавов («ключи к Гибралтарскому проливу»), значимым для обеспечения национальной безопасности и контроля ситуации в Средиземноморском регионе.

При этом ключевым вопросом является распространение на эти территории зоны ответственности НАТО, что приобрело особую актуальность после событий на о. Перехиль. 11 июля 2002 г. патрульный катер испанской гражданской гвардии обнаружил на острове марокканский флаг и группу жандармов. Испания потребовала немедленно убрать и флаг, и вооружённых людей с острова. Поскольку Марокко отказалось удовлетворить требования Испании, 17 июля на

остров высадили вертолётный десант испанского спецназа. Марокканские военные были обезоружены без единого выстрела, затем их доставили в Сеуту и передали Марокко. В результате было восстановлено «статус-кво», то есть положение, существовавшее до 11 июля.

Стратегический союз Франции с Марокко, где у неё есть особые экономические интересы, привёл к тому, что она заблокировала в июне 2002 г. принятие ЕС декларации в поддержку Испании в связи с событиями на острове. По мнению Франции, речь шла о двустороннем конфликте, хотя на самом деле речь шла о суверенитете страны – члена ЕС. Представитель НАТО также заявил, что в данном случае речь шла лишь о «двустороннем конфликте» [2].

События на о. Перехиль ясно продемонстрировали, что в случае эвентуального конфликта с Марокко из-за Сеуты и Мелильи Испания не получит поддержки ни со стороны ЕС в связи с особыми отношениями между Марокко и Францией, ни со стороны НАТО, поскольку эти территории не подпадают под сферу деятельности Североатлантического договора. Согласно ст. 6 Альянс обязан выступить в защиту территорий стран-участниц, расположенных в «Европе и Северной Америке ... или принадлежащих им островам, ... расположенным в Атлантическом океане севернее Тропика Рака», а также «кораблей, судов или любых военных соединений..., находящихся в Средиземном море или Северной Атлантике севернее Тропика Рака» [3]. Из этого следует, что о. Перехиль находится под «зонтиком» НАТО как остров одной из договаривающихся сторон (аналогично Канарским островам), но нападение на Сеуту и Мелилью не обязывает НАТО выступить в защиту этих территорий, поскольку они находятся на африканском континенте, а следовательно, вне зоны действия НАТО [4]. Таким образом, речь идёт о двойной обороне для Сеуты и Мелильи – со стороны Испании и со стороны НАТО, обязанной защищать корабли и самолёты, которые действуют вне африканской территории, но защищают названные города. Парадокс заключается в том, что в то же время Испания обязана выступить на стороне Альянса в случае эвентуального нападения, например на Турцию или Эстонию.

Этот вопрос частично был разрешен лишь в 2010 г. в Лиссабоне в связи с принятием «Стратегической Концепции Обороны и Обеспечения Безопасности Членов Организации Североатлантического Договора», в тексте которой говорится: «НАТО будет осуществлять сдерживание и защиту от любой угрозы агрессии, а также от новых вызовов в сфере безопасности там, где они угрожают основам безопасности отдельных стран-членов и Североатлантического союза в целом» [5, с. 9]. Испания трактует это положение как обязательство защищать страны-члены по всей их территории, хотя конкретно Сеута и Мелилья в тексте не упоминаются. Кроме того, Испания в состоянии самостоятельно отразить возможную агрессию, которая к тому же представляется маловероятной.

В раздираемом противоречиями и конфликтами Магрибе Марокко предстает наиболее стабильной страной, что объективно делает её наиболее предпочтительным партнёром для европейских стран и прежде всего Испании и Франции. У Испании достаточно тесные отношения с Марокко. Обычно первый визит вновь избранного председателя правительства наносится в Рабат. Испания всячески способствует экономическому развитию Марокко, занимает второе место после Франции по объёму инвестиций в Марокко и по импорту марокканских товаров. Испания выступает за предоставление Марокко «продвинутого статуса» как ассоциированного члена ЕС. Мадрид жизненно заинтересован в двух обстоятельствах: нераспространении исламского фундаментализма на Марокко и ограничении потока нелегальных иммигрантов, как марокканских, так и из стран, расположенных к югу от Сахары.

Территории Сеуты и Мелильи являются частью ЕС, это единственные территории Евросоюза, расположенные на африканском побережье. В 1991 г. оба города были включены в зону действия Шенгенских соглашений, при этом они получили особый статус пограничной зоны, были созданы специальные условия для двусторонней торговли между испанскими городами и соседними марокканскими провинциями Тетуан и Надор. Граждане Марокко, которые регулярно посещают территорию анклавов, могут пересекать границу и находиться в полуанклавах в течение 24 часов, имея при себе только паспорт. Сеута и Мелилья имеют особый налоговый статус внутри ЕС, продаваемые там товары не облагаются НДС.

Население Сеуты и Мелильи насчитывает по 85 тыс. человек в каждом полуанклаве, преобладают испанцы, проживают также арабское, еврейское и индусское меньшинства. Автономные города отстают по уровню жизни от континентальной Испании и экономически тесно связаны с северными районами Марокко. Однако по экономическому развитию они намного опережают прилегающие провинции Марокко, что привело к развитию контрабанды через испано-марокканскую границу, за счёт которой существуют десятки тысяч жителей погранич-

ных районов, приезжая в Сеуту и Мелилью, скупая там товары по низкой цене, а затем продавая их в Марокко по завышенной стоимости.

Границы и оборона полуанклавов контролируются Мадридом. Испанские власти предпринимают попытки диверсификации экономики, развития туристического сектора. 5 ноября 2007 г. Сеуту, а 6 ноября Мелилью посетили король Х.К. и королева София – это был первый официальный визит главы государства за 80 лет, он вызвал большой энтузиазм среди местного населения и протесты со стороны Марокко. Интересно отметить, что в Сеуте нет аэропорта, добраться туда можно либо на вертолёте из аэропорта Малаги, либо на пароме. Попасть в оба анклава со стороны Марокко достаточно легко, но покинуть полуанклавы, направляясь в Европу, можно только пройдя полноценный пограничный контроль (в Мелилье – в аэропорту, в Сеуте – в порту).

Нелегальная иммиграция является одной из главных проблем испано-марокканских отношений, осложняя положение в Сеуте и Мелилье. Поток нелегальных мигрантов проникает в Испанию как сухопутным (через Сеуту и Мелилью), так и морским путём (на Канарские острова). Странами исхода являются страны Северной и – особенно – Западной Африки (Мали, Мавритания и Экваториальная Гвинея). Выходцы из этих стран часто погибают у испанских берегов, эти события вызывают большой общественный резонанс, и правительство прилагает усилия по организации лагерей для беженцев, развития сотрудничества со странами исхода по предотвращению нелегального трафика людей, заключения соглашений о реадмиссии. Испания постоянно обращается к Брюсселю за предоставлением помощи при решении этой проблемы, тем более что многие нелегалы рассматривают Испанию лишь как страну-транзитёра, направляясь в более благополучные страны Северной Европы. При этом Испания не рассматривает выходцев из этих стран в качестве беженцев, хотя большая часть из них происходит из африканских стран, в той или иной мере охваченных конфликтами.

Небольшая часть сирийских беженцев предпочитает проникать в Европу не морским путём в Грецию, а через Марокко, где они переходят границу с Испанией через Сеуту или Мелилью, нередко покупая перед этим марокканский паспорт (для граждан Марокко виза не нужна) или просто давая взятки марокканским пограничникам. Существует и некая неофициальная договорённость между испанскими и марокканскими властями о том, чтобы пропускать ежедневно от 20 до 40 беженцев. Эти люди попадают в центр содержания беженцев, который был рассчитан на 480 человек, а в настоящее время вмещает около 2 000 человек. Беженцы проводят там несколько месяцев, а затем направляются через Малагу в континентальную Испанию, где процесс определения их правового статуса занимает до полугода лет.

Ситуация в Сеуте и Мелилье вызывает беспокойство правозащитников. Здесь происходят систематические массовые попытки проникновения на территорию Испании со стороны Марокко – сотни людей одновременно пытаются перебраться через высокие заграждения, установленные на границе. Предпочтение отдаётся немногочисленным сирийским беженцам, для которых организовали специальные пункты, куда они могут обратиться. Но для беженцев из стран Черной Африки, бегущих из зоны конфликта практически нет шансов запросить политическое убежище в Испании. Оказавшись в испанских анклавах, просители убежища лишены свободы передвижения. Среднее время ожидания решения в Мелилье – три месяца, в Сеуте – пять месяцев. Это касается тех, кто не запрашивает официально убежище в полуанклавах. Те, кто запрашивает, могут ждать больше года [6].

Рост нелегальной иммиграции обусловил укрепление границ анклавов, в настоящее время они отгорожены от остальной марокканской территории тремя 6-метровыми железобетонными стенами протяженностью 12 км, между которыми 5 метров и наверху которых острая колючая проволока. Возведение этих дорогостоящих конструкций с помощью новейших технологий вызвало серьёзную критику в мировом сообществе, появились сравнения с Берлинской стеной и стеной, отделяющей Израиль от Западного берега р. Иордан [7]. Целесообразность подобных сооружений была в очередной раз поставлена под сомнение в декабре 2016 г., когда стену, отделяющую Марокко от Сеуты, одновременно смогли преодолеть более 400 беженцев, а всего за 2016 г. через лагеря Сеуты и Мелильи прошло 6 400 беженцев [8]. Можно согласиться в этой связи с мнением российского исследователя Э. В. Саламова, который считает: «Несмотря на все усилия, предпринимаемые сторонами для борьбы с “нелегалами”, в последние годы число иммигрантов, пересекающих границу через территорию Сеуты и Мелильи, значительно увеличилось. Это доказывает то, что проблема нелегальной иммиграции через территорию городов далека от разрешения: ни экономические меры, ни возведение стен на данный момент не могут

помочь решить проблему, наоборот, лишь усугубляют её» [9]. Постоянное усиление контроля за гражданами, использующими Сеуту и Мелилью в качестве транзитных пунктов на пути на Пиренейский полуостров, является, безусловно, необходимой, но не достаточной мерой борьбы с нелегальной иммиграцией. Более перспективным путём решения проблемы представляется принятие правительством Испании ряда законопроектов, направленных на регулирование иммиграционных потоков и оказание поддержки в интеграции в испанское общество иностранным гражданам, легально проживающим и работающим на территории городов. Однако пока и это не способствовало массовой ассимиляции легальных иммигрантов в испанское общество, а, наоборот, привело к увеличению потоков «нелегалов» через территорию Сеуты и Мелильи на Европейский континент. Причина этого – большие сложности при получении легального статуса на территории Испании.

Отношения между Марокко и Испанией активно развиваются и являются достаточно позитивными: страны сотрудничают в экономической и культурной областях, в вопросах борьбы с терроризмом, наркотрафиком, нелегальной иммиграцией. Между Испанией и Марокко в 1991 г. подписан Договор о дружбе и соседстве (первый договор Испании подобного рода с африканской или арабской страной). Следует заметить, что в договоре не упоминается проблема Сеуты и Мелильи. В Магрибе, представляющем собой клубок противоречий, Марокко предстаёт наиболее стабильной страной, что объективно делает её наиболее предпочтительным партнёром для Испании и других европейских стран.

Сложное положение Испании в регионе обуславливается и необходимостью постоянного лавирования между Марокко и Алжиром, ведущими упорную борьбу за доминирующее положение на Севере Африки. Таким образом, угроза с юга включает для Испании целый комплекс стратегически важных для страны проблем: территориальный спор с Марокко, англо-испанский спор из-за Гибралтара, проблему Западной Сахары и проблему взаимоотношений с Алжиром.

Подводя итоги, отметим следующее. Данные автономные сообщества являются примером бесконфликтного существования людей разных национальностей и конфессий при доминировании испанского населения. Представляется, что в обозримой перспективе Испания сохранит Сеуту и Мелилью в качестве части национальной территории. Наиболее возможное обострение ситуации вокруг полуанклавов может быть связано с исламизацией Марокко, радикализацией политического режима и соответствующими недружественными шагами в отношении Испании, включая военные авантюры. В этом случае Испании скорее всего придётся рассчитывать на собственные силы при защите своих территорий от возможной агрессии.

Главная задача Запада в данном вопросе – сохранение стабильности в регионе, что как нельзя лучше отвечает интересам Испании. Усилия Мадрида направлены прежде всего на предотвращение того, чтобы развитие политической и экономической ситуации поставило страну перед необходимостью укреплять военными средствами её южную границу. Эта стратегическая цель приобрела особую актуальность в свете последних событий на Севере Африки.

Литература / References

1. Павлова Ю. А. (2015). Политика Испании в отношении спорных территорий в Западном Средиземноморье. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.comparativepolitics.org/jour/article/view/333/359>
2. González, M. (2002). Defenza refuerza Céuta y Melilla. Retrieved 28 July, 2016 from URL: http://elpais.com/diario/2002/07/13/espana/1026511207_850215.html
3. Instrumento de Adhesión del Reino de España al Tratado del Atlántico Norte. Retrieved 30 July, 2016 from URL: <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-1982-12535>
4. Martínez de Rituerto R. (2009). Seis claves para entender la Alianza. Retrieved 30 July, 2016 from URL: http://internacional.elpais.com/internacional/2009/04/06/actualidad/1238968811_850215.html
5. Активное участие, современная оборона. (2012). Стратегическая Концепция Оборона и Обеспечения Безопасности Членов Организации Североатлантического Договора [Электронный ресурс]. URL: http://www.nato.int/strategic-concept/pdf/Strat_Concept_web_rus.pdf (дата обращения: 05.09.2016).

6. Система приема беженцев в Испании потерпела крах (2017) [Электронный ресурс]. – URL: <http://russia-now.com/156791/%D1%81%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%B0-%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B5%D0%BC%D0%B0-%D0%B1%D0%B5%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%B2-%D0%B2-%D0%B8%D1%81%D0%BF%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8-%D0%BF%D0%BE%D1%82/> (дата обращения: 13.01.2017).
7. *Drago T.* (2005) Spain: From the Berlin Wall to Ceuta and Melilla. Retrieved 8 August, 2016 from URL: <http://www.ipsnews.net/2005/10/spain-from-the-berlin-wall-to-ceuta-and-melilla/>
8. Más de 6.400 migrantes y refugiados pasaron por los CETI de Ceuta y Melilla en 2016. Retrieved 12 January, 2017 from URL: <http://www.publico.es/sociedad/migrantes-y-refugiados-ceti-ceuta.html>
9. *Саламов Э. В.* (2015). Проблема Сеуты и Мелильи в испано-марокканских отношениях [Электронный ресурс]. – URL: <http://cheloveknauka.com/problema-seuty-i-melili-v-ispano-marokkanskih-otnosheniyah#ixzz4PJg9qZAv> (дата обращения: 05.10.2016).

С. И. Чернявский

У ИСТОКОВ РОССИЙСКО-ИСПАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Станислав Иванович Чернявский, директор
Центра постсоветских исследований
МГИМО МИД России, профессор, д-р ист. наук.
chernyavskiy.stanislav@gmail.com

***Аннотация:** Официальные контакты между Испанией и Россией начались в 1519 г. 8 ноября 1723 г. российский император Петр I повелел установить прямые торговые сношения с Испанией и послать в Кадис три русских корабля с грузом. Корабли нагрузили салом, пенькой, канатами, шерстью, полотнами, парусиной, льном и икрой. Суда благополучно прибыли в Кадис, и товар скоро был распродан, но с большими убытками. Все предложения российской стороны об установлении прямой торговли под разными предлогами отклонялись. 20 сентября 1727 г. Россия упразднила своё консульство в Кадисе.*

Контакты между сторонами возобновились лишь после вторжения французских войск в Испанию. 8 июля 1812 г. подписан Русско-испанский союзный договор. Происходила массовая сдача в плен находящихся в наполеоновской армии испанских солдат, из которых сформировали отдельный императорский Александровский полк для участия в войне против Наполеона. Всего в 1813–1814 гг. около 1,5 тыс. испанских и португальских солдат выехали из России на родину.

В 1818 г. Испания купила у России эскадру военных кораблей из 5 линейных кораблей и 3 фрегатов.

Отказавшись признать легитимность королевы Изабеллы II, Россия в 1833–1856 гг. закрыла своё посольство, и в дипломатических отношениях наступила двадцатилетняя пауза. России и Испании до сих пор не удалось выйти на такой уровень сотрудничества, который соответствовал бы заинтересованности их народов.

На основе испанских и российских архивных материалов автор анализирует сложную дипломатическую активность обеих сторон, которая привела к установлению дружеских отношений Мадрида и Санкт-Петербурга.

***Ключевые слова:** прямая торговля, торговый договор, союзный договор, война с Наполеоном, продажа военной эскадры.*

AT THE BEGINNINGS OF THE RUSSIAN-SPANISH RELATIONS

Stanislav Chernyavskiy, Director of the Center of Post-Soviet Studies
of MGIMO University. Professor, Ph.D. (History)
chernyavskiy.stanislav@gmail.com

***Abstract:** Official contacts between Spain and Russia began in 1519. 11.08.1723 Russian Emperor Peter I ordered to establish direct trade relations with Spain and send to Cadiz three Russian spacecraft with cargo. Ships loaded lard, hemp, wool, linen, canvas, linen and caviar. Court arrived safely in Cadiz, and the*

product was sold out soon, but with heavy losses. All Russian proposals on the establishment of direct trade under various pretexts denied. September 20, 1727 Russia abolished its consulate in Cadiz.

Contacts between the sides resumed only after the invasion of French troops in Spain. 07.08.1812 signed a Russian-Spanish treaty of alliance. There is a mass surrender of the Spanish troops are in Napoleon's army, of which formed a separate regiment of the emperor Alexander to participate in the war against Napoleon. In total in 1813–1814 years of about one and a half thousands of Spanish and Portuguese soldiers left the Russian homeland.

In 1818, Spain bought the Russian squadron of warships of 5 ships of the line and 3 frigates.

By refusing to recognize the legitimacy of Queen Isabella II of, Russia in 1833–1856 years it has closed its embassy and diplomatic relations came twenty pause. Russia and Spain still have not managed to reach a level of cooperation, which would correspond to the interest of their peoples.

On the basis of the Spanish and Russian archives, the author analyzes the complex diplomatic activity on both sides, which led to the establishment of friendly relations of Madrid and St. Petersburg.

Keywords: *direct trade, a trade agreement, a treaty of alliance, the war with Napoleon, the sale of military squadron.*

Отношения России с Испанией никогда не отличались высокой интенсивностью. Географическая отдалённость, разность культур и традиций, непримиримость католицизма и православия (Мадрид и Москва полагали себя апостолами этих ветвей христианства) создавали объективные помехи для установления доверительных контактов. Возможно поэтому в российско-испанских отношениях практически отсутствуют какие-либо яркие эпизоды, достойные детального рассмотрения. Анализируя историю двусторонних контактов, представляется возможным выделить два наиболее значимых периода — XVIII в., когда происходили взаимное ознакомление и поиск общих интересов, а также середину XX в., когда СССР оказывал поддержку испанским республиканцам в борьбе с фашизмом.

При таком подходе наибольший интерес представляют события восемнадцатого столетия, подтолкнувшие друг к другу теряющую мировой авторитет Испанию и набирающую силу Россию. Катализатором этого осторожного сближения, проходившего в силу внутривнутриполитических обстоятельств и международной обстановки по принципу «два шага вперёд — один назад», была в первую очередь коммерческая заинтересованность.

И в этом нет ничего удивительного. На протяжении всей истории человечества торговля и дипломатия шли рука об руку — всегда вместе, всегда рядом. Ведь товарообмен между народами далеко не сразу приобрёл экономический характер. Первоначально он имел, скорее, символическое значение, предлагая мир и дружбу, открывая тем самым дорогу для установления более глубоких отношений,

Сутью торговли является предложение к взаимному обмену, к продаже товарно-материальных или нематериальных ценностей для достижения выгоды. Те же цели преследует и дипломатия, её главная задача — поиск взаимоприемлемого компромисса для укрепления позиций той или иной стороны. Любой торг начинается с выяснения цены или, как говорят дипломаты, «переговорной позиции сторон». Дальнейший процесс переговоров неизбежно включает в себя определённые уступки переговорщиков, обеспечивающие соответствующий результат — сделку о купле-продаже или, напротив, отказ от сделки.

Торговля является одним из самых могущественных факторов прогресса цивилизации, и не было такого периода в истории, когда она не оказывала бы влияния на общественное развитие. Начиная со скромного обмена внутри региона и кончая раскинувшейся по всему миру сетью сложнейших коммерческих операций, разнообразные виды торговых сношений всегда оперативно реагировали на любые изменения общественной жизни.

XVIII столетие занимает особое место в истории торговли и межгосударственного обмена. Последствия великих географических открытий XV–XVI вв., в корне изменивших представление об окружающем мире, активизировали дипломатическую деятельность европейских государств, нацеленную на торговое и военно-политическое преобладание. Успех в этом безжалостном соперничестве выпал на долю Англии, Франции и Нидерландов, которые раньше других вступили на путь прогрессивного хозяйственного развития. Бывшие властители мира Испания и Португалия были обречены на неудачу.

В отличие от Западной Европы Россия в этот период не только не относилась к лиге передовых государств, приступивших к утилизации остального мира, но и сама рисковала разделить участь Западной Африки или Центральной Америки. Как полагает российский историк

А. В. Тюрин, «внутриконтинентальная замкнутость «системы Русь» в зоне холодного климата, рискованного земледелия, уязвимых транспортных коммуникаций делала ее крайне неустойчивой к неблагоприятным воздействиям внешней среды, превращая ее в систему-донора, накапливающую энтропию. Развитие страны могло быть достижимо только в борьбе против стесняющих факторов, но борьба отнимала силы у развития» [1].

«Наша многострадальная Москва, — отмечает С. М. Соловьев, — основанная в середине земли русской и собравшая землю, должна была защищать её с двух сторон, с запада и востока, оборонить от латинства и басурманства, по старинному выражению, и должна была принимать беды с двух сторон: горела от татарина, горела от поляка. Таким образом, бедный, разбросанный на огромных пространствах народ, должен был постоянно с невероятным трудом собирать свои силы, отдавать последнюю тяжело добытую копейку, чтоб избавиться от врагов, грозивших со всех сторон, чтоб сохранить главное благо — народную независимость; бедная средствами сельская земледельческая страна должна была постоянно содержать большое войско» [2].

Что касается Испании, то хлынувший из подвластной ей Америки поток драгоценного металла лишь на некоторое время укрепил правящие верхи испанского дворянства. Страна прочно «села на нефтяную иглу», как сказали бы современники, а, точнее — на золотую и серебряную. Падение цены драгоценного металла привело к резкому подъёму стоимости продуктов первой необходимости, а вслед за ним и к снижению рентабельности производимой продукции. В итоге испанским купцам, торговавшим с новыми колониями, оказалось выгоднее продавать туда товары английского, французского и нидерландского, но не своего, национального производства. Нарождавшаяся буржуазия потеряла интерес к развитию отечественной промышленности и Испания, в которой феодальный строй яростно сопротивлялся прогрессу крепнущих капиталистических отношений, вынуждена была к середине XVIII в. уступить своё былое лидерство. Международное положение Испании в это время было далеко незавидным. Соперничество с Австрией, недавним врагом, продолжалось и после войны за испанское наследство. Филиппа V не покидала мысль о возвращении от Англии Гибралтара, и он придумывал различные политические комбинации, чтобы осуществить её. Рассчитывая, в частности, при помощи набиравшей силы России возвести на английский престол Иакова III Стюарта, надеясь получить от него Гибралтар как плату за услугу [3].

Погружение в прошлое — первые посланцы России в Испании

Официальные контакты между Испанией и Россией начались в 1519 г., когда король Карл I сообщил Василию III о своём восхождении на трон Священной Римской империи под именем Карла V. В 1523 г. Яков Полушкин [4] доставил ответ Василию III к королевскому двору в Вальядолиде, став таким образом первым русским послом в Испании. В 1525 г. послы Иван Засекин-Ярославский и Семен Борисов представили Карлу V свои верительные грамоты. Именно они привезли в Москву новость об открытии Америки и деяниях испанской инквизиции.

8 ноября 1723 г. именным указом в коммерц-коллегию Петр I повелел установить прямые торговые сношения с Францией и Испанией. В Испанию направили с временной миссией от Сената советника коммерц-коллегии князя И. А. Щербатова [5], которому поручались организация консульства в Кадисе и изучение номенклатуры испанского рынка. Вместе с ним направлялись Я. Евреинов и А. Вешняков. Оба получили одинаковые патенты из Коллегии иностранных дел с назначением консулом в Кадисе и одинаковые инструкции. Предусматривалось, что консулом станет один из них в зависимости от местных обстоятельств, по выбору и назначению Щербатова. В результате первым российским консулом в Испании был утвержден Я. М. Евреинов.

Расстояние от Санкт-Петербурга до испанского торгового города Кадиса 4 500 км. Это и по сегодняшним понятиям путь неблизкий, а в XVII столетии, в пору конных экипажей добраться из России в Испанию было большим подвигом. Поэтому если такие поездки предпринимались, то, видимо, цель оправдывала средства.

Что же интересовало Россию в Испании? Ответ на этот вопрос находим в статейном списке (отчёте) посла Петра Ивановича Потемкина [6] и дьяка С. Румянцева, побывавших в Испании с кратким визитом по поручению царя Алексея Михайловича за полвека до Щербатова — в 1667 г.

В отчёте П. И. Потёмкина дается подробный анализ экономического и внутривизитического положения страны. Он, в частности, сообщает, что испанцы в Америке «много руд золотых

и серебряных в горах копают и переплавляют и привозят морем, великим океаном на кораблях золото и серебро... в Андалузское государство в город Кадис да в Севилью... А со своих-де испанских купецких людей собирают на короля в Западной Индии пошлину с золота и серебра плавленного и ефимков пятую часть королю».

В царском послании, вручённом в августе 1681 г. П. И. Потёмкиным королю Карлу II, российская сторона напоминала испанцам, что еще в 1667 г. великий князь Федор Алексеевич направлял к испанскому двору посольство с предложением «установить двустороннюю торговлю между подданными их корон, которые бы приезжали торговать из одних владений в другие». При этом обе стороны предоставили бы торговым людям «полную свободу». Для установления добрых отношений великий князь предлагал королю направлять из Испании купцов на их кораблях в Архангельский порт в июне, июле и августе. В качестве экспортных товаров запрашивались золотые монеты и дублоны, а также любые другие товары, кроме запрещённых – коки (Nicosuana) и анисовой водки. Со своей стороны, Московия готова была поставлять «всевозможные товары по разумной цене». Главное условие – испанцы должны расплачиваться дублонами и золотыми монетами. В письме также подробно излагались таможенные тарифы и приемлемые для русских цены на наиболее ходовые товары – различные сорта вин, колотый сахар и рафинад [7].

Однако обе первые попытки Московского княжества завязать торговлю с Испанией успеха не имели. С учётом этого негативного опыта назначенному консулом в Испанию в ноябре 1723 г. Якову Матвеевичу Евреинову [8] предлагалось «ехать прямо в Кадис, и там с купцами тамошней нации, а не с другими, получить знакомство, и тайным образом разведывать о той коммерции и разговаривать с купцами». Полученную информацию следовало направлять таким образом, чтобы запросы на товары приходили в мае и сентябре. Тогда можно будет майские заказы отправлять морем, а сентябрьские – зимой.

Что касается формы оплаты, то принимать следовало лишь серебряные и золотые слитки или, в крайнем случае, менять на шерсть, сандал и соль для балласта. Если российские товары будут пользоваться успехом, то можно заключать с испанцами письменные обязательства об их поставке. Однако делать это необходимо с максимальными предосторожностями – «всемерно себя в записях остерегать надлежит, чтоб себя в тех записях не отяготить; например, чтоб в записях никакого товара за самое лучшее обещать, но просто писать о товарах добрых, о числе, мере и весе, и как возможно обязать их в том, чтоб без всякой отговорки те товары принимаемы от них были» [9].

В инструкции от 7/18 ноября 1723 г. Петр I обращал внимание на то, что в испанском городе Кадисе почти все европейские нации имеют своих консулов. Купцы торгуют товарами северных стран и «через такое многое купечество великие суммы золота и серебра из того города вывозят и тем себя обогащают». Торгуют в основном мачтами, досками и другими лесными товарами для строительства домов и кораблей, а также канатами, смолой, рыбьим жиром, салом, воском, мёдом, железом, сталью, холстами и иными товарами, производимыми в том числе в России.

Царь указывал и на то, что испанцы закупают корабли для пополнения торгового флота, курсирующего между Испанией и Америкой. Корабли – в количестве 20–30 судов – имеют на вооружении по 40–50 пушек каждый. Сами испанцы суда не строят, а закупают их в Англии и Голландии, причём, как правило, подержанные, уже отходившие по морю 10–12 лет.

Хотя испанская сторона весьма сдержанно отнеслась к российским инициативам по налаживанию прямой торговли, чиновнику Торгового совета Франсиску Перрате поручили подготовить проект двустороннего торгового договора [10]. В этом документе от (13) 24 января 1724 г. дан подробный анализ внутриполитического положения России и ее торгового потенциала. В нем, в частности, отмечаются климатические особенности страны, изобилие лесов, пушного зверя и полезных ископаемых. Особо подчёркиваются успехи царя по модернизации страны, созданию военно-морского флота, армии и промышленного производства: «Государь... повелел устроить в местах приморских славные арсеналы и великие литейные заводы, и уже имеет в готовности флот более 36 кораблей линейных и больше 200 галер, вооруженных малыми пушками и матросами, частью подданными, а частью нанятыми, под командой искусных флагманов как английских, так и шведских, которые, получая солидные вознаграждения, перешли к нему на службу».

Указывая на то, что наибольшую выгоду от торговли с Россией имеют ганзейские города, голландцы и англичане, Ф. Перрате призывал последовать их примеру и вступить в прямые контакты с русскими купцами, предлагая им вина и экзотические фрукты в обмен на лес, же-

лезо и пищевые продукты. Для этого, — полагал он, — следовало бы обещать россиянам свободный проезд и прочие привилегии в заходах кораблей, равные прочим северным нациям. В этом случае, по его мнению, «русский царь отправит к испанским портам свои многочисленные суда под конвоем кораблей военных для продажи товаров своего государства и для покупки того, в чём у него есть оскудение».

Однако проект торгового договора между Испанией и Россией, составленный Франсиско Перратой в январе 1724 г. не получил одобрения испанского монарха. Поэтому торговля России с Испанией продолжала оставаться привилегией посредников — голландцев и англичан. Основные причины — отсутствие интереса со стороны испанских властей, а также пассивность русского и испанского купечества.

24 декабря 1724 г. / 4 января 1725 г. Пётр I лично распорядился послать в Испанию три русских корабля с грузом. В его Указе Адмиралтейской коллегии поручалось отправить на этих судах казённые и купеческие товары, включая небольшие партии пушек и ружей, а также нескольких купцов «для обучения сего торгу». При этом подчёркивалось, что даже если торговля не принесёт выгоды, важно, чтобы она началась [11].

Выполнение распоряжения затянулось, и оно было реализовано уже после смерти Петра Екатериной I. Корабли нагрузили салом, пенькой, канатами, шерстью, полотнами, парусиной, льном и икрой. 2/3 этого груза доставила казна, а 1/3 с трудом собрали частные торговцы. Суда благополучно прибыли в Кадис и товар под наблюдением русского консула скоро был распродан, но с большими убытками.

Россия и Испания — внешнеторговые приоритеты

Все предложения российской стороны об установлении прямой торговли под разными предлогами отклонялись. В докладе о торговых сношениях с Россией, представленном 1/25 июля 1725 г. Филиппу V, отмечается, что с русским послом было проведено четыре встречи, на которых речь шла о взаимной торговле, а также о том, что московиты будут поставлять парусину, снасти и другие материалы для военного флота. При этом посол предлагал заключить договор, в котором предусматривались бы такие же привилегии, как и в торговле с другими странами. Испанская сторона в этом отказала [12].

С учётом подобной позиции испанцев в сентябре 1726 г. в коммерц-коллегии подняли вопрос о бесполезности содержания консульства в Кадисе из-за больших расходов, выделяемых на его содержание, и убытков, понесённых в результате торговли первых русских кораблей. 20 сентября 1727 г. Россия упразднила своё консульство в Кадисе.

В первой половине XVIII в. Испания оказалась втянутой в руслу французской политики и не раз участвовала на стороне Франции в больших европейских войнах, потеряв значительную часть своих владений в Европе. Однако длительный упадок постепенно сменялся подъёмом в экономическом развитии страны, что настоятельно требовало новых рынков для сбыта испанской продукции и закупки материалов, необходимых для кораблестроения.

В этих условиях резко повысился интерес к России, о чём свидетельствует анализ дипломатических донесений испанских представителей. Испанский посол Х. де Лириа Х. Б. де Орендану в июле 1730 г. докладывал в Мадрид следующее.

Наше королевство могло бы вывозить из России с большой выгодой корабельный лес, доски для палубного настила, парусину, пеньку, корабельную оснастку, ворвань и рыбу. Помимо упомянутых товаров, Россия торгует сибирским железом (лучшим в Европе и очень дешёвым), конопляным и льняным маслом, лесными орехами, скипидаром, разного рода рыбой, льняным полотном, паклей, щетиной. Испания нуждается во всех этих продуктах и покупает их у других стран, которые, как правило, вывозят их из России, чтобы потом продать нам с выгодой для себя.

Завязать торговлю с Россией можно двумя способами: либо это делается и финансируется непосредственно короной, либо создаётся компания в Бискайе.

Первый способ состоит в том, чтобы ежегодно посылать три или четыре груженых товарами легких фрегата в Архангельск. Продав свои товары, они могли бы взять русские товары, оплатив их по ценам, установленным в торговом договоре с Россией.

Это дало бы испанской короне три преимущества: во-первых, возможность значительной

экономии за счёт прямых закупок; во-вторых, возможность покупать непосредственно в стране отборный товар; в-третьих, позволило бы готовить моряков, поскольку для подготовки моряка одно путешествие из Испании в Архангельск даст больше, чем четыре путешествия в колонии.

Если будет признано целесообразным реализовать эту идею, нужно иметь в Архангельске торгового консула или агента, который должен ко времени прихода испанских фрегатов закупить и держать на складах все товары для отправки в Испанию, а также оказать содействие в продаже тех доставленных товаров. Можно было бы также заключить контракт с Государственным адмиралтейством в Санкт-Петербурге, в котором оговаривались бы количество и цены на основные товары, поставляемые ежегодно, а также сроки, в которые их необходимо поставить.

Вторым способом ведения торговли с Россией было бы создание компании в Бискайе, которая на свой страх и риск занималась бы торговлей, ведя дела с подходящим для этой цели банкирским домом. Новая компания «Карсакас» могла бы взять на себя ведение торговли Россией, для чего ей следовало бы также взять в свои руки и китобойный промысел, которым жители Бискайи занимаются каждый год, и заниматься и тем и другим одновременно. Если будет принято решение осуществить одно из этих предложений, необходимо заключить с российским двором торговый договор и установить пошлины на торговлю товарами и изделиями той и другой стороны [13].

Российская сторона, однако, явно охладела к развитию торговли с Испанией. Просьба русского посла в Мадриде князя Репнина направить в Кадис фрегат с купеческими товарами для возобновления торговли с Испанией, была рассмотрена императрицей Елизаветой Петровной 15 (26) июля 1760 г. и фактически отклонена, поскольку предлагалось привлечь к этому в основном купечество, а долю государственных товаров сократить до минимума [14]. Сенат повелел коммерц-коллегии найти купцов для начала этой операции, однако желающих не нашлось, и отправку корабля отложили на неопределённое время. На последующие неоднократные запросы Коммерц-коллегии ни Адмиралтейство, ни Берг-коллегия не дали ответа. Среди купцов также желающих не оказалось, а потому в мае 1764 г. Коммерц-коллегия послала в Сенат рапорт, что для торговли с Испанией «никто охоты не объявил».

Сообщая в Мадрид о попытках российской стороны заинтересовать собственное купечество в торговле с Испанией, посол П. Де Альмодовара Р. Валу докладывал 26 сентября / 7 октября 1761 г.: «Здесьнее правительство предприняло значительные усилия, чтобы вдохновить своё государство на торговлю с нами. Однако, — утверждал он, — Российское государство пока недостаточно готово к ведению активной торговли через свои морские пути. В этой стране, население которой состоит из господ и рабов, почти нет условий для развития промышленности, с которой обычно связаны средние сословия.

Русские привыкли, что их собственные товары охотно покупаются другими государствами, и потому о выгодах от развития торговли внутри страны они практически не думают. Они имеют баланс от внешней торговли в свою пользу и поэтому считают её удачной. Товары и продукты, производимые на столь обширных землях, кажущихся избыточными из-за малочисленности прозябающего в нищете населения, чрезвычайно необходимы другим государствам. Те же товары, которые поставляются русским, для них менее важны. Русские сознают это, что и является причиной их бездеятельности и такого состояния дел» [15].

Наибольшим спросом в Испании пользовались такие ввозимые английскими и голландскими посредниками российские товары как: «1-е — холст самый тонкий, широкий и узкий; 2-е — юфть (кожа) красная самая хорошая; 3-е — лён новгородский и псковский в тюках; 4-е — воск красный и жёлтый; 5-е — свечи сальные; 6-е — мехи медвежьих кож; 7-е — салфетки крестьянской работы; 8-е — полотна фабричные, то есть парусные; 9-е — флажские (для флагов); 10-е — тонкая парусина; 11-е — пеньюарная ткань; 12-е — горностай; 13-е — белка сибирская. Все эти товары закупаются и перевозятся сначала в их порты, а оттуда уже в Испанию» [16].

Заинтересованная в получении сырья из России для развития своей промышленности, Испания в одностороннем порядке предоставила ряд привилегий русским купцам, в Санкт-Петербурге в 1772 г. даже открылся и несколько лет просуществовал торговый дом Испании. Но устойчивые экономические отношения на основе долговременного соглашения о сотрудничестве по-прежнему не были установлены.

Снижение экспорта в Россию вызывало обеспокоенность в испанских правительственных кругах, о чём свидетельствует, в частности, донесение генерального консула Испании в Петербурге Антонио Де Коломби [17] премьер-министру Х. Де Флоридабланке от 16/27 мая 1788 г.

Судя по его информации, ввоз испанских товаров сократился до 8-10 кораблей, ежегодно прибывающих в порты Санкт-Петербурга, Архангельска и Риги, груженных вином, маслом, сахаром, солью, изюмом и другими товарами. Конкуренция со стороны Франции, Португалии и других государств, расположенных ближе к России и имеющих с ней более тесные отношения мешает расширению двусторонней торговли. Вывоз товаров из России, особенно льна, напротив, ежегодно увеличивается из-за роста в Испании полотняных фабрик, а также производства предметов корабельной оснастки для королевского торгового флота.

С тем чтобы сократить образовавшийся торговый дисбаланс, генеральный консул предлагает заключить межгосударственный договор о торговле и мореплавании, предоставив россиянам льготы на товары, предназначенные для кораблестроения, – лес, пеньку, лён и дёготь [18].

**Перечень испанских товаров,
ввезённых в порт Санкт-Петербурга в 1787 г.**

Товары	Кол-во (в пудах)	Взимаемые ввозные пошлины		Кол-во товаров, которое могло бы ежегодно вывозиться из Испании (в пудах)	Общий размер пошлин, кото- рые при ввозе (в руб.)
Кошениль	2 336	25 коп.	за фунт	1 600	16 000
Индиго	5 714	5 руб.	за пуд	2 400	12000
Кофе	51 652	2 руб.	за пуд	8 000	16 000
Сахар	221 799	20 коп.	за пуд	37 000	7 400
Масло	58 026	60 коп.	за пуд	19 300	11 580

Одним из наиболее перспективных направлений для развития прямых торговых связей испанская сторона считала Черноморское побережье России, в частности, недавно построенный порт Херсон. Через него, по мнению представителей испанского купечества, «подданные нашего достойнейшего монарха получили бы возможность продавать в большом количестве товары, расширять производство многих фабрик и вывозить множество товаров из Америки, если русские для развития торговли в Чёрном море стали бы закупать товары в Испании, среди которых могли бы быть не только вина, но и шёлк, всевозможные виды сукна, шерсть из Сеговии, индиго, кошениль, кампешевое дерево, а также большое количество сахара, ввозимого сегодня на острова Архипелага, в Константинополь и т. д. марсельскими судами» [19].

В отсутствие торгового договора, с заключением которого испанская сторона по-прежнему не торопилась, испанским купцам пришлось закрыть свой торговый дом в Санкт-Петербурге. Среди причин назывались жёсткая конкуренция со стороны голландцев, недобросовестность русского купечества и высокие расходы на содержание российского представительства.

«Голландцы, – говорилось в отчётах торгового дома, – опасаясь, что другое государство станет оспаривать их право на монопольную торговлю в Балтийском море, рассматривают нас как соперников и делают всё возможное, чтобы мы не могли вступить с ними в конкуренцию. Они даже отказываются принимать кредиты от российских фабрик для возмещения расходов по торговле, уплате пошлин и закупке товаров в обмен.

Недобросовестность, свойственная многим русским купцам, необходимость оплачивать закупки наличными, причём зачастую вперед, продажа товаров в годовые или полуторагодовые сроки, по истечении которых иногда не платят совсем по причине упомянутой недобросовестности, частые банкротства русских купцов и чрезмерные расходы в 4 или 5 тыс. руб. на достойное содержание торгового дома – вот те причины, по которым его необходимо закрыть» [20].

Последнее десятилетие XVII в. оказалось на редкость мрачным и бесцветным периодом в истории Испании. Управление страной целиком перешло в руки фаворита королевы, гвардейского офицера Мануэля Годоя. Его приход к власти в 1792 г. был связан с событиями в революционной Франции – свержением монархии и установлением республики. За этими событиями последовало усиление реакции в Испании; были отстранены от власти министры-просветители граф Аранда и Флоридабланка, известные своими профранцузскими симпатиями. Внешняя политика страны в значительной степени определялась Парижем и его отношениями с другими государствами, в том числе с Россией.

17 августа 1792 г. посланник при дворе императрицы Екатерины II Хосе де Онис получил из Мадрида инструкцию с предписанием договориться с российской стороной о заключении торгового договора. Предполагаемый проект договора насчитывал 48 параграфов — в большинстве своём «типовых», встречающихся в любом подобном документе. В шести пунктах, с 10 по 15 включительно, говорилось об освобождении от пошлин и льготах, предоставляемых в России испанским товарам.

Передавая российский проект в Мадрид, Онис одновременно доложил, что «при здешнем дворе существует обычай при завершении какого-либо дела преподносить подарки трём членам Коллегии иностранных дел, как это сделал французский двор, пожаловав каждому по 4 тыс. голландских дукатов и шкатулку, украшенную бриллиантами, с портретом короля, стоимостью от 10 тыс. до 12 тыс. песет, по 1 тыс. дукатов служащим коллегии и перстень главе секретариата» [21].

Однако, несмотря на то, что у испанской стороны не было принципиальных замечаний по проекту договора неоднократные запросы Ониса предоставить ему полномочия на подписание подобного документа остались без ответа.

Основными товарами, импортируемыми из России, в том числе и через посредников, по-прежнему оставались лес, льняное и конопляное семя, винный спирт и зерновая водка, льняной холст и полотно. Россия ввозила из Испании табак, кошениль, миндаль, перец, изюм, апельсины, вино и олово в слитках. Поскольку Россия сама экспортировала свекловичный сахар, ввоз тростникового сахара прекратился. Что касается традиционного испанского экспортного товара — морской соли, то её всё больше вытесняла соль из Италии и Франции.

Совместные усилия в борьбе с Наполеоном

Развитие русско-испанских отношений во многом определялось растущей конкуренцией ведущих европейских держав — Англии и Франции, их влиянием как на Испанию, так и на Россию. Находясь в полной зависимости от французов, Мадрид пытался зондировать почву для сближения с Россией. Император Павел I предложил испанскому королю денонсировать союз с Францией, но мадридский двор не пошёл на столь радикальный шаг.

Непризнание испанским двором Павла I «протектором» Мальтийского ордена формально привело к объявлению Россией в 1799 г. войны Испании. Никаких военных действий за этим не последовало, но осенью 1799 г. Россия подписала с Португалией Союзный оборонительный договор, предусматривавший обязательство сторон «оказывать взаимную помощь на суше и на море в случае неприятельского нападения». По нему португальская сторона брала обязательство в случае просьбы России «немедленно отправить к ней эскадру из шести военных судах, а именно: пять кораблей от 64 до 74 пушек, и сия эскадра будет надлежащим образом для войны снаряжена». Россия со своей стороны обязалась направить в случае нападения на Португалию «шесть тыс. человек пехоты» [22]. Хотя этот договор не нашел практического применения, он внёс свою «ложку дегтя» в непростые русско-испанские отношения.

Контакты между сторонами возобновились лишь в связи с началом вторжения французских войск в Испанию. После открытого разрыва между Россией и Францией начались секретные русско-испанские переговоры, завершившиеся подписанием 8 (20) июля 1812 г. в г. Великие Луки Русско-испанского союзного договора.

Наряду с политическими статьями, в договоре содержалась и статья о возобновлении взаимной торговли (ст. IV) — «Сношения коммерческие отныне восстанавливаются и... обе высокие договаривающиеся стороны постараются изыскать средства, могущие послужить к вящему оных распространению» [23].

Подписание союзного договора привело к неожиданным практическим результатам. Послу в России Зеа де Бермудесу 18 апреля 1812 г. было дано указание развернуть пропагандистскую деятельность, направленную на сдачу в плен находящихся в наполеоновской армии испанских солдат. «Во французских армиях много испанских солдат. Тех, которые сложат оружие, Вы, используя прокламации, которые необходимо распространить среди них, должны побудить, основываясь на Ваших предложениях, покинуть армию и, если они захотят, присоединиться к своим военным соотечественникам, при этом им будет оказан приём, достойный таких смелых ветеранов; в противном случае им будет разрешено спокойно вернуться к своим очагам. В этом

деле в первую очередь Вы должны сосредоточить своё внимание на солдатах, капралах и сержантах, в то время как офицеры, будучи в основном более коррумпированными, и, поскольку они приносят меньше вреда, Вы должны будете заняться ими во вторую очередь» [24].

В конце 1812 г. число сдавшихся в плен испанских и португальских солдат и офицеров возросло настолько, что было принято решение сформировать из них отдельный императорский Александровский полк для участия в войне против Наполеона. 2 мая 1813 г., в пятую годовщину антифранцузского Мадридского восстания испанский императорский Александровский полк принял присягу на верность Кадисским кортесам (в Петербурге они считались единственной законной властью в Испании, в то время как король Фердинанд VII ещё находился во французском плену). Знамя части с изображением Андреевского креста и батальонные штандарты были торжественно освящены 19 июля в дворцовой церкви в Царском Селе в присутствии супруги Александра I — императрицы Елизаветы Алексеевны и вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны. Знамя вышила лично мать императора. Командиром полка назначили подполковника А. О’Доннелла (перешёл к русским вместе с тремястами испанцами в декабре 1812 г. в Вильне). В трёх батальонах насчитывались 9 офицеров, 115 унтер-офицеров и 1 908 нижних чинов. Все они получили русское оружие и зелёные русские мундиры.

30 июня 1813 г. полк в Кронштадте погрузили на 7 английских транспортов для переброски в Испанию. Напутствуя соотечественников, испанский посол в Санкт-Петербурге говорил: «Ступайте, спешите и довершайте изгнание неприятеля, попирающего ещё часть прекрасной нашей земли».

В письме герцогу де Сан Карлосу от 19 сентября 1814 г. он обращал особое внимание на щедрость, с которой российский император «одел, накормил и одарил всех испанских солдат, прибывших в Россию с французской армией», призывая «в случае прибытия в любой из наших портов русских военных или транспортных судов с испанскими солдатами оказать им достойнейшую встречу и передать в их распоряжение безвозмездно всё необходимое как ответный жест на то, что было сделано для них в России, где их содержали, одевали и платили жалование, в четыре раза превышающее выплачиваемое собственным солдатам и составившее в итоге значительную сумму» [25].

Всего в 1813–1814 гг. около 1,5 тыс. испанских и португальских солдат выехали из России на родину, но она неласково встретила хлебнувших лиха сыновей. Вернувшийся из Франции король Фердинанд VII 30 мая 1814 г. принял декрет, по которому пожизненному изгнанию из страны подлежали все испанцы, некогда признавшие власть Жозефа Бонапарта. Поэтому Александровский полк подлежал расформированию, а все офицеры выше звания лейтенанта — высылке. Лишь благодаря вмешательству русского посла в Мадриде Д. П. Татищева, входившего в круг приближенных к королю лиц и имевшего на него определённое влияние, в отношении подполковника О’Доннелла и других офицеров сделали исключение, полк был восстановлен и стал регулярной воинской частью королевской армии. Название Александровского он носил до 1823 г.

Не менее интересный эпизод русско-испанских отношений относится к началу 1818 г., когда Испания запросила, а Россия продала и поставила эскадру военных кораблей из состава Балтийского флота. Здесь уже речь шла не об альтруизме, а о конкретном торговом контракте на значительную сумму. Закупавшиеся корабли предназначались «для защиты испанской торговли от пиратов, для защиты верноподданных, которые являются за морями жертвами анархии и мятежа, и восстановления выгод, которых лишена Европа в результате беспорядков в Америке».

В официальном Акте о продаже Россией военных кораблей Испании от 30 июля (11 августа) 1817 г. отмечается, что «несчастные события, которые в течение многих лет беспрестанно обрушивались на испанскую монархию, истощили все материальные ресурсы её флота и умножили помехи, препятствующие его быстрому воссозданию. Поэтому е. в-во король испанский и индийский... обратился непосредственно к своему другу и союзнику е. в-ву императору все-российскому и поведал ему о предмете своих забот. Он просил е.и. в-во, учитывая имеющийся в России избыток судов, уступить ему эскадру из четырех линейных кораблей и восьми фрегатов, которую можно было бы использовать значительно скорее, чем суда, слишком медленно строящиеся на испанских верфях» [26].

В ответ на указанную просьбу российская сторона информировала испанцев, что число фрегатов, имеющихся сейчас в русских портах Балтийского моря, вовсе не так велико, чтобы можно было выделить из них 8 кораблей, о предоставлении которых просит Испания. Поэтому ей будет уступлено 3 фрегата, а взамен остальных — 1 линейный 74-пушечный корабль. Таким

образом, уступаемая Испании эскадра будет состоять из пяти линейных 74-пушечных кораблей и трех фрегатов (ст. I).

Эскадра будет вооружена и снаряжена так, что она сможет совершать дальние плавания. Она будет снабжена достаточным количеством запасных парусов и канатов, боеприпасами в количестве, соответствующем числу орудий, и продовольствием на 4 месяца. 5 линейных кораблей и 3 фрегата будут приведены в Кадис и переданы испанским комиссарам.

Русские экипажи пересядут на транспортные суда, которые будут сосредоточены в порту Кадис для доставки русских моряков на родину. Фрахт этих судов и расходы по содержанию русских моряков лежат на обязанности испанского правительства. С учётом всех издержек российской стороны должна была получить за поставленные корабли 13 млн 600 тыс. руб. банковскими ассигнациями.

В сентябре 1818 г. русская эскадра, состоявшая из 5 линейных кораблей по 74 бортовых орудия каждый и 3 фрегатов, имеющих по 44 орудия, вышла из Ревеля в Кадис под командованием контр-адмирала императорского флота А. В. Моллера.

Итоги Венского конгресса 1815 г. практически устранили Испанию от активного участия в делах послевоенного устройства Европы. Заметно снизился уровень дипломатических и торговых отношений России с Испанией. В сентябре 1833 г. петербургский кабинет, следуя рекомендации съезда монархов Австрии, Пруссии и России и их министров в Мюнхенграце, отказался признать право на престол за Изабеллой II, малолетней дочерью умершего Фердинанда VII. Отказавшись признать легитимность королевы, Россия в 1833–1856 гг. закрыла своё посольство, и в дипломатических отношениях наступила длительная, более чем двадцатилетняя, пауза.

Несмотря на возобновление дипломатических отношений и некоторое ослабление напряженности между странами в 1856–1868 гг. переговоры о заключении торгового соглашения на основе взаимных и равных уступок не привели к желаемому результату. Обе стороны мотивировали это препятствиями таможенного законодательства, взаимными требованиями изменить таможенные тарифы и отменить дифференциацию налогов. Российско-испанские торговые связи в это время носили традиционно вялый характер. В Барселону заходили русские суда, перевозившие из Одессы зерно, а Барселона в свою очередь посылала в Россию апельсины и лимоны, а также в небольшом количестве испанские вина. Кроме этого, в северные испанские порты шёл лес из Финляндии.

Поражение России в Крымской войне дало толчок к поискам русской дипломатией путей для восстановления в Европе утраченных позиций. 8 (12) сентября 1856 г. Александр II направил послание Изабелле II с извещением о своём вступлении на престол и желании восстановить добрые отношения с испанским двором, что встретило в Мадриде благожелательный отклик. В эпоху Реставрации в Испании (Альфонс XII) усилия в этом направлении активизировались и, наконец, завершились подписанием 11/23 февраля 1876 г. формально равноправного и взаимовыгодного договора о торговле и мореплавании сроком на пять лет. Согласно договору торговые грузы России и Испании приравнивались в правах к национальным, но каких-либо преимуществ, по сравнению с другими государствами, ни Россия, ни Испания не предоставляли. Реализация этого долгожданного документа, над разработкой которого десятилетиями трудились дипломаты обоих государств, не вывела их двустороннее сотрудничество на качественно новую ступень. Более того, переговоры о продлении договора и его совершенствовании не привели к положительным результатам.

Возвращение в настоящее

Подводя итог событиям прошлого, невольно возникает вопрос о том, какие выводы извлекли из него Россия и Испания, удалось ли им выйти на такие параметры сотрудничества, которые бы соответствовали заинтересованности их народов, деятелей науки и культуры, представителей бизнеса? Ответ, к сожалению, неутешительный.

Дипломатические отношения между СССР и Испанией, установленные 9 февраля 1977 г. после смерти Франко, характеризовались взаимными обвинениями в шпионаже и выдворением подозреваемых, действующих под прикрытием дипломатического иммунитета. После вступления Испании в НАТО в 1981 г. они ещё более ухудшились. Ныне, в связи с событиями на Украине взаимодействие по целому ряду важных направлений приостановлено: существенно падает

объём торгового оборота, туристический обмен тоже не выигрывает от этой ситуации, хотя туризм за последние годы стал визитной карточкой российско-испанских отношений.

Если же говорить о нынешнем состоянии торгово-экономического сотрудничества России и Испании, то оно вряд ли может порадовать. По данным торгово-промышленной палаты России, объём российско-испанского товарооборота в 2015 г., по сравнению с 2014 г., сократился на 38,1 % и составил 5 млрд 511,1 млн долл. Российский экспорт уменьшился на 41,3 % до уровня 2 686,8 млн долл. США, а импорт из Испании показал снижение на 34,9 % или на 2 млрд 824,3 млн долл. Отрицательное сальдо в торговле России с Испанией за 2015 г. — 137,5 млн долл. И что особенно печально, — взаимный торговый оборот продолжал падать и в 2016 г.

Между тем агропромышленный комплекс остаётся одной из перспективных сфер для развития российско-испанского сотрудничества как по позициям, которые не затронуты санкциями (вино, оливковое масло и т. д.), так и в области передачи технологий (тепличное строительство, орошение), переработки сельхозпродукции, создания складских мощностей.

Россия продолжает рассматриваться Испанией как перспективный рынок сбыта для изделий текстильной и фармацевтической промышленности, обуви, керамической плитки, мебели, косметики, парфюмерии, вина, электроосветительных приборов, санитарно-технического оборудования, продовольственных продуктов.

Имеется значительный потенциал развития сотрудничества в наукоёмких и инновационных областях. В Испании имеются прорывные инновационные научные и технические решения в энергетическом секторе. Осуществляется реализация программ по развитию возобновляемых экологически чистых источников энергии. Унификация технологических схем позволяет создавать как глобальные, так и локальные, мобильные, малогабаритные энергетические инфраструктуры.

Одним словом, у России и Испании есть большие резервы для наращивания взаимного сотрудничества, дело за малым — расчистить, наконец, искусственно созданные преграды и перейти от благих пожеланий к конкретным делам.

Примечания

1. *Тюрин А. В.* Война и мир Ивана Грозного. — М., Изд-во «Яуза, Эксмо», 2009. — С.15.
2. *Соловьев С. М.* Публичные чтения о Петре Великом. Соч. Кн. 18. — М., 1995. — С.18–19.
3. *Пискорский В. К.* История Испании и Португалии. От падения Римской империи до начала XX века. — М., ЛЕНАНД, 2015, с.154.
4. Яков (Якуш) Иванович Полушкин (в испанских источниках — Ясоба Juan) — русский дипломат начала, подьячий, служащий Посольского приказа. Первый русский посол в Испании, о котором сохранились документальные сведения. Благодаря дипломатическим успехам Полушкина, из Испании вскоре было отправлено ответное посольство в Москву во главе с графом Антонио де Конти, сопровождавшемся Полушкиным.
5. Князь Иван Андреевич Щербатов (1696–1761) — русский дипломат и чиновник. Его отец Андрей Дмитриевич Щербатов — спальник царя Петра I. В 16 лет в 1712 г. Иван Щербатов был приписан солдатом в Преображенский полк. В 1719–1721 гг. он находился в Англии на собственные средства, изучая французский и английский языки, математику, астрономию и навигацию. После возвращения в сентябре 1721 г. определён был в Иностранную Коллегию «для познания дел», а в начале следующего года пожалован в советники коммерц-коллегии. В 1723 г. Щербатов вместе с новым русским консулом Яковом Евреиновым направлен в Кадис. В апреле 1726 г. Щербатова переводят из Кадиса в Мадрид полномочным министром при Испанском дворе, где он пробыл до 1731 г., затем отозван в Россию и отправлен чрезвычайным посланником в Константинополь.
6. Пётр Иванович Потёмкин (1617–1700) — русский дипломат и военачальник в эпоху правления царей Алексея Михайловича и Фёдора Алексеевича, стряпчий, стольник, думный дворянин, окольник и наместник боровский. Во время войны с Польшей был воеводой и возглавлял походы в земли неприятелей. Взял польский Люблин в 1655 г. и шведский Ниеншанц в 1656 г. Позже стал стольником и выполнял обязанности царского посла. Потёмкин возглавлял посольства в габсбургской Испании и Франции в 1667–1668 гг. При нём были налажены регулярные дипломатические отношения между Испанией и Россией.
7. АНН (Archivo Histórico Nacional), Estado. leg. 2.877.

8. Яков Матвеевич Евреинов (1700–1772) – действительный статский советник, президент Коммерц-коллегии. Родился в семье московского купца – еврея Матвея Григорьевича Евреинова. В 15-летнем возрасте был отправлен Петром I в Голландию для обучения иностранным языкам и коммерции. В 1723 г. назначен генеральным консулом в Кадис. За службу в Испании получил чин коллежского советника. При Елизавете Петровне служил дипломатическим агентом в Голландии.
9. ЦГАДА (Центральный государственный архив древних актов), ф. 189 (Евреиновы), д. 1, л. 4.
10. АВПР (Архив внешней политики России), ф. Сношения России с Испанией, оп. 58, д. 76, л. 26–31.
11. ЦГА ВМФ (Центральный государственный архив военно-морского флота), ф. 233, оп. 1, д. 233, л. 261–267.
12. AGS (Archivo General de Simáncas). Estado, leg 6.610.
13. Colección de documentos inéditos para la historia de España. – Vol. 93. – P. 242–244.
14. ЦГА ВМФ, ф. 227, оп. 1, д. 15, л. 47.
15. АНН. Estado, leg. 3.392.
16. АВПР, ф. Сношения России с Испанией, оп. 58, д. 149, л. 51–70.
17. Испанский купец А. Коломби-и-Пайет был назначен консулом в С.-Петербург в 1785 г.
18. АНН. Estado, leg. 3.392.
19. AGS. Estado, leg. 6.612.
20. AGS. Estado, leg. 6.612.
21. АНН, Estado, leg. 3.392.
22. АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи), ф.163, оп.2, д.297, л. 1–13.
23. АВПР, ф. Трактаты.
24. АНН. Estado. leg. 6123.
25. АНН. Estado. leg. 5915.
26. АВПР, ф. Трактаты.

Литература / References

1. Россия и Испания: документы и материалы. 1667–1917. Том I. – М.: Международные отношения, 1991.
2. *Волосюк О. В.* Внешняя политика Испании в XVIII веке: становление испано-русских отношений. – М.: РУДН, 2013.
3. *Орлов А. А.* Ключевые проблемы современной Испании / А. А. Орлов // Ибероамериканские тетради. – М.: ИМИ МГИМО МИД России, 2016. № 1. – С. 9–14.
4. *Петрова А. А.* Взгляды испанских дипломатов второй половины XIX века на развитие экономического сотрудничества с Россией // Общество, среда, развитие. – СПб.: Изд-во Центр научно-информ. технологий «Астерион», 2011. № 1. – С. 61–66.
5. *Пискорский В. К.* (1867–1910) История Испании и Португалии. От падения Римской империи до начала XX века. – М.: ЛЕНАНД, 2015.
6. *Izquierdo Francisco Fernández.* Las Embajadas Rusas a la Corte De Carlos II. Russian embassies to the Charles' II court. Ediciones Universidad de Salamanca Stud, his., N.a mod., 22, 2000, pp. 75–107.
7. *Dom ínguez Ortíz, Antonio:* «Una embajada rusa en la Corte de Carlos II», Anuario del Instituto de Estudios Madrileños XV, 1978, pp. 174–185.

РАЗДЕЛ II.

**ИБЕРОАМЕРИКАНСКИЙ МИР
В ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ:
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКА
И КУЛЬТУРЫ**

Е. А. Гринина

ЯЗЫК КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИКИ

Елена Анатольевна Гринина, канд. филол. наук,
доцент кафедры испанского языка
МГИМО МИД России. eagrinnina@yandex.ru

Аннотация: Цель данной статьи показать, как в современной Испании язык успешно используется не только в отстаивании националистических интересов (лингвистический национализм), но и в борьбе с теми языковыми структурами языка, которые отражают дискриминацию по признаку пола (лингвистический сексизм).

Ключевые слова: Лингвистический национализм, национальная идея, региональные языки Испании, лингвистический сексизм, гендерная дискриминация.

Language as an instrument of policy

Elena Grinina, Moscow State University
of International Relations Department of Spanish Language,
Ph.D. (Romance Linguistics), Associate Professor. eagrinnina@yandex.ru

Abstract: The purpose of this article is to show how in modern Spain the language is successfully used not only for defending their nationalist interests (linguistic nationalism), but also in the struggle against the structures of language, that reflect the gender-based discrimination (linguistic sexism).

Keywords: Linguistic nationalism, national idea, the regional languages of Spain, linguistic sexism, gender discrimination.

Политика связана с языком порой невидимыми, но очень тесными нитями. С одной стороны, язык выступает объектом политики, и в этом случае речь идёт о конкретной языковой политике, которая проводится в отношении самого языка. С другой стороны, язык может быть инструментом политики, точнее инструментом воздействия на общественное сознание для достижения конкретных политических целей. По мнению известного американского лингвиста и социолога Джеймса Пола Ги, язык является тем ключевым фактором, посредством которого мы создаём и разрушаем наш мир, наши институты и наши взаимоотношения [1, р. 9–10].

Цель данной статьи показать на конкретных примерах, как в современной Испании используют язык как политический фактор, способный определить геополитический курс, выстроить необходимую картину мира, удовлетворить те или иные политические амбиции.

В настоящее время особую актуальность в Испании продолжают сохранять два направления:

1. Использование языка в отстаивании националистических интересов (лингвистический национализм).
2. Борьба с теми языковыми структурами языка, которые отражают дискриминацию по признаку пола (лингвистический сексизм).

Лингвистический национализм в Испании, как хорошо известно, связывают, прежде всего, с борьбой таких автономных областей, как Каталония и страна Басков за расширения своих прав и компетенций, вплоть до отделения от Испании. Свобода и независимость – вот лозунги, которые выражают суть этой борьбы, при этом их можно не только услышать на митингах и манифестациях, но и увидеть на рекламных щитах или на страницах местных газет. Языку в этой борьбе отведена очень существенная роль, именно он выступает как один из основных элементов национального самосознания, именно через язык проявляется самоидентификация носителей того или иного языка.

Ярким примером в этом отношении является Аранская долина, где официальное признание получили три языка: испанский, каталанский и аранский. Последний является территориальным диалектом окситанского языка, и его статус закреплен в целом ряде декретов и законов, последний из которых, Закон об Особом Статусе Арана, был принят в начале 2015 г. (*La Ley del régimen especial de Aragón (1/2015 de 5 de febrero)*). В нём делается упор на достижение максимально высокого уровня самоуправления и прописаны структура, права и обязанности всех административных органов [2, с. 97–99].

Аранскому языку отводится такая важная роль, поскольку именно он является средством самоидентификации и позволяет жителям Аранской долины чувствовать себя окситанцами.

Каждая из автономных областей Испании вправе проводить свою лингвистическую политику и широко пользуется этим правом [3, с. 585]. Именно поэтому в упомянутом законе появилась революционная по своей сути статья, которая гласит: «Парламент Каталонии признаёт право аранского народа самому определять своё будущее» (здесь и далее перевод мой – Е.Г.; «*El Parlamento de Catalunya reconoce el derecho del pueblo aranés a decidir su futuro*») [4]. Вывод напрашивается сам собой: оказывая такую серьёзную и масштабную поддержку Аранской долине, этой окситанской области на своей территории, Каталония показывает тот путь, который могла бы избрать Испания по отношению к Каталонии, чтобы избежать политических, экономических и языковых конфликтов.

Сама Каталония продолжает настойчиво гнуть свою линию. В конце 2016 г. правительство Каталонии закладывает в бюджет будущего года 5,8 млн евро на проведение референдума в сентябре 2017 г. по вопросу отделения от Испании. Реакция испанских политиков оказалась предсказуема: без внесения соответствующих поправок в Конституцию проведение подобного референдума не будет носить легитимный характер. Завязывается бурная полемика, но каждая из сторон по-прежнему остаётся при своём мнении.

Периодически накаляются страсти и в других регионах распространения каталанского языка, в которых борьба против ущемления своих собственных интересов грозит привести порой к оголтелому языковому сепаратизму. Приверженцы данной тенденции стремятся доказать, что валенсийский и балеарский являются не территориальными диалектами каталанского языка, а отдельными самостоятельными языками. По справедливому утверждению Г. В. Денисенко, «спор между сторонниками разных теорий выходит за рамки сугубо лингвистического и приобретает культурно-политический характер, порождает различные политические и социальные течения, в число которых входит и *гонельизмо* на Балеарских островах» [5, с. 25].

Иная ситуация складывается в другой автономной области, Галисии, язык которой является одним из официальных языков Испании. В отличие от Каталонии, Галисия никогда не стремилась и в настоящее время не стремится к отделению от Испании. Однако, поиск национальной идеи приводит галисийцев к крайностям, иногда очень далёким от реальности. Так, например, недавно потерпела крах теория галисийского происхождения кельтов. Найденные на территории Галисии элементы кельтской культуры являлись, по мнению некоторых галисийских учёных, подтверждением того, что именно оттуда берут свое начало кельты. Для разработки этой гипотезы в 2009 г. был даже специально создан галисийский институт кельтских исследований *Instituto Galego de Estudos Célticos (IGEC)*. Тем не менее данные исследований по генетике, полученные медицинским институтом Университета Сантьяго де Компостела, не могут являться доказательством общности культуры и языка [6]. По мнению Анхеля Карраседо, руководившего этими исследованиями, кельтские племена с британских островов искали в Галисии убежище во время сильного оледенения. Достоверным фактом можно лишь считать существование в древности контактов между народами, населявшими бассейн Атлантики. Как бы там ни было, у некоторых галисийских политиков до сих пор возникает соблазн использовать в своих политических и идеологических целях красивую легенду о короле Бреогане, построившем когда-то

на месте действующего ныне маяка *La Torre de Hércules* высокую башню, откуда был виден берег южной Ирландии. Именно то, что эта легенда перекликается с ирландскими эпическими произведениями XI в., даёт возможность сторонникам теории галисийского происхождения кельтов настаивать на своем.

Другой крайностью для Галисии являются попытки формирования национальной идеи, исходя из общего прошлого с Португалией, поскольку изначально галаико-португальский или галисийско-португальский язык сформировался как разговорный романский язык, являвшийся языком общения на северо-западе Пиренейского полуострова от Бискайского залива до реки Дуэро [7, с. 126–127]. В результате эволюции этого языка сложились два современных романских языка: галисийский и португальский. Некоторые учёные по-прежнему считают их одним языком, несмотря на их явные различия. Кстати, согласно сложившемуся стереотипу, галисийцев воспринимают как людей, не вызывающих никакого доверия, поскольку галисиец привык отвечать на поставленный вопрос другим вопросом или отделаться простым *depende ¿no?* Метафорический образ, который наиболее часто возникает, когда говорят о галисийцах, — это лестница, которая ведёт как вверх, так и вниз, и ты никогда не знаешь — собирается ли галисиец спускаться или подниматься. Может быть, поэтому Галисия находится в постоянном поиске национальной идеи, будь то не оправдавшая надежды кельтская гипотеза или общее прошлое с Португалией.

Таким образом, различные регионы Испании дают множество примеров того, как активно можно использовать языки национальных меньшинств и даже некоторые другие языки в отстаивании своих собственных националистических интересов.

Другим направлением политической борьбы, развернувшейся с помощью средств языка, стала борьба женщин за свои права, а именно борьба с дискриминацией по признаку пола (лингвистический сексизм). Успехи этой борьбы в Испании в последнее время привели к тому, что полемика в испанской прессе и интернете вылилась в бурный и чрезвычайно эмоциональный накал страстей, порой доходящий до взаимных обвинений и оскорблений.

Общество, в котором мы живём, сложилось как патриархальное общество, в котором всегда доминировало мужское начало, а женщине отводилась второстепенная, то есть подчинённая роль. В языке это проявилось в том, что, например, используются формы мужского рода (*nosotros, vosotros*), несмотря на то, что речь идёт о лицах обоего пола, или о профессии (*novar, бухгалтер, композитор* и т. д.). При этом, когда говорящий использует формы мужского рода, у него нет никакого намерения принизить или недооценить роль женщины по отношению к мужчине. Такова языковая практика или узус, и он прочно закреплён в сознании носителей того или иного языка.

Однако, те, кто сегодня вступился за соблюдение прав женщины, настаивают на том, что все попытки построить эгалитарное демократическое общество будут обречены на провал, если общество не откажется от существующей гендерной языковой дискриминации. Испанские политики активно поддержали этот тезис, и Королевская академия испанского языка взялась за создание «Новой грамматики». Однако один из координаторов этого проекта, академик Игнасио Боске в отчёте, опубликованном в газете «Эль Паис» 2 марта 2012 г. под названием *Sexismo lingüístico y visibilidad de la mujer* [8], выступил против наметившейся в обществе тенденции «насиленно менять языковые структуры» и навязывать политически корректный язык, в котором будут присутствовать искусственно созданные формы для того, чтобы женщин «сделать видимыми» [9, с. 153–155]. В ответ посыпался целый ряд гневных статей со стороны учёных, общественных деятелей, журналистов, писателей, многие из которых, разумеется, были женщинами.

Тот факт, что сегодня ситуация в Испании доведена до абсурда, констатировал современный известный испанский писатель Артуро Перес Реверте в опубликованной им 5 сентября 2016 г. в газете *El País* статье *Sobre catedráticos y catedráticas*: «... белка могла бы пересечь Испанию, перепрыгивая с одного придурка на другого, не касаясь земли». В оригинале это звучит грубее: «... una ardilla podría cruzar España saltando de gilipollas en gilipollas, sin tocar el suelo» [10]. Содержание самой статьи состоит из примеров из *Boletín oficial de la Región de Murcia*, вполне официального источника. Вот некоторые из них:

«Resolución R-223/16 del Rectorado de la U. P. de Cartagena, por la que se convoca concurso de acceso al Cuerpo de Catedráticos y Catedráticas de Universidad (...)

Requisitos de los candidatos y candidatas.

2.1.- Requisitos generales comunes.

a. También podrán participar, cualquiera que sea su nacionalidad, **el/la cónyuge de los españoles y españolas** y de los (?) nacionales de otros estados miembros de la UE, siempre que no estén **separados o separadas** de derecho y sus descendientes y los (?) de su cónyuge, siempre que no estén **separados o separadas** de derecho, sean menores de veintiún años o mayores de dicha edad que vivan a sus expensas» [10].

Это всего лишь один из немногих примеров борьбы с языковым сексизмом, цель которой добиться лингвистического равноправия полов. Прим, получивший название гендерное маркирование, оказался востребованным в речи политиков, общественных деятелей и журналистов не только в Испании, но и Латинской Америке. Например, в выступлении президент Гватемалы Луиса Гильермо Солис Ривера на 71 сессии Генеральной Ассамблеи ООН постоянно звучит *todos y todas, juntos y juntas, comprometidos y comprometidas* [11].

Молодое поколение Испании гораздо более толерантно к тем языковым фактам, которые сегодня вызывают негодование у старшего поколения. Возможно, некоторые из тех изменений языковых структур, которые пытается предложить «Новая грамматика» укоренятся в речи носителей испанского языка и со временем станут реальной нормой. Но это станет ясно ещё не скоро. А пока бурная и острая дискуссия на страницах испанской прессы продолжает набирать обороты.

В заключение хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что с помощью приведённых примеров мы постарались показать, что роль языка как инструмента политики не только чрезвычайно велика, но и многофункциональна, ведь он активно используется для решения самых разных политических задач, таких, например, как в сегодняшней Испании.

Литература / References

1. Gee, J. P. An introduction to discourse analysis theory and method. – London, U.K.: Routledge, 1999.
2. Гринина Е. А. Окситания в Каталонии // Ибероамериканские тетради / Гл. ред. А. А. Орлов, отв. ред. вып. М. В. Ларионова, С. М. Хенкин. – М.: ИМИ МГИМО МИД России, 2016. Вып. 1 (11). – С. 96–100.
3. Gorenko G., Gorenko A. Algunos aspectos de la política lingüística europea: el caso de Cataluña // Ибероамериканский мир: традиции и современные тенденции: Приложение к журналу «Ибероамериканские тетради». Материалы VII международной научной конференции испанистов: «Homo loquens в ибероамериканском лингвистическом пространстве: исследования и преподавание». – М.: МГИМО-Университет, 2016. Вып. 1. – С. 583–593.
4. LEY 1/2015, de 5 de febrero, del régimen especial de Arán. Diari Oficial de la Generalitat de Catalunya Núm. 6810^a (13.2.2015) [Electronic resource]. – URL: <http://www.boletinesoficiales.com/documentacion/norma/documento/LEY-1-2015-5-febrero-regimen-especial-Aran,21416271/>
5. Denisenko G. El catalán balear y el movimiento de gonellismo // Ибероамериканские тетради. – М.: МГИМО-Университет, 2014. Вып. 2 (4). – С. 25–29.
6. Salgado X. ¿Descienden los celtas de los gallegos? [Electronic resource]. – URL: <http://www.elmundo.es/elmundo/2011/04/15/galicia/1302889574.html>
7. Evdokimova A. La formación de la situación lingüística en Galicia desde el punto de vista diacrónico // Перспективы глобального мира сквозь призму испанского языка и культуры: исследования и преподавание. Материалы IV международной научной конференции испанистов, 1–4 апреля 2010 г. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – С. 126–128.
8. Bosque I. Sexismo lingüístico y visibilidad de la mujer [Electronic resource]. – URL: http://www.rae.es/sites/default/files/Sexismo_linguistico_y_visibilidad_de_la_mujer_0.pdf
9. Котеняткина И. Б. К проблеме языкового сексизма в современном испанском языке // Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». – 2015. № 1. – С. 149–156.
10. Pérez-Reverte A. Sobre catedráticos y catedráticas [Electronic resource]. – URL: <http://www.xlsemanal.com/firmas/20160901/sobre-catedraticos-y-catedraticas.html>
11. URL: <https://gadebate.un.org/en/71/costa-rica>

Г. В. Денисенко

Каталония, Валенсия, Балеарские острова: к вопросу о культурно-языковом сепаратизме

Галина Владимировна Денисенко,
канд. филол. наук, доцент кафедры испанского языка
МГИМО МИД России. galadenis@mail.ru

Аннотация: В статье анализируется явление культурно-языкового сепаратизма в ареале каталанского языка в Испании, который отвергает идею единства языка и культурной общности населяющих его народов, а также рассматриваются задачи по языковой нормализации и кодификации, стоящие перед региональными правительствами территорий исторического бытования каталанского, и сложности их решения.

Ключевые слова: каталанский язык, коофициальные языки Испании, языковой сепаратизм в Валенсии и на Балеарских островах, лингвистическая политика Автономных Сообществ Испании.

Catalonia, Valencia, Balearic Islands: to the question about cultural and linguistic separatism

Galina Denisenko, Moscow State University
of International Relations Department of Spanish Language,
Ph.D., Associate Professor. galadenis@mail.ru

Abstract: The article analyzes the phenomenon of linguo-cultural separatism in the Catalan language area in Spain which rejects the idea of language unity and cultural community of peoples that populate it. We also look at the tasks and problems of language normalization and codification that are faced by the regional governments of the territories in the Catalan language historical area.

Keywords: Catalan language, coofficial languages of Spain, linguistic secessionism in Valencia and Balearic Islands, language politics of the Autonomous Communities of Spain.

На территории Каталонии, Валенсийской Автономии и Балеарских островов, исконных землях бытования каталанского языка, говорят на различных диалектах каталанского, и серьёзная филологическая наука как в Испании, так и за её пределами, никогда не подвергала этот факт сомнению. В настоящее время можно говорить о том, что существует две официальные деноминации для каталанского: собственно каталанский и валенсийский на территории Автономного сообщества Валенсии, где каталанский под этим названием признан как «единственный исторический язык автономии» [1]. Термином валенсийский язык обозначается как каталанский язык в целом, так и его региональный вариант, на котором говорят в Валенсии. Используется также деноминация балеарский или мальоркский (мальоркин), однако официально исключительно для обозначения диалекта, на котором говорят на территории Балеар-

ских островов. В научной и академической среде также встречается название каталано-валенсийско-балеарский.

Такое количество названий для одного языка указывает на то, что народы, говорящие на нем, имеют в той или иной мере отличную культурно-языковую идентичность, что и стало основой для возникновения лингвистического сепаратизма внутри ареала каталанского языка. В большей степени это явление характерно для Валенсии, на Балеарских островах проявление культурно-языкового сепаратизма менее выражено.

Территории Валенсии, Каталонии и Балеарских островов входили в состав Арагонской короны, территориального союза под юрисдикцией короля Арагона [2, с. 6]. Арагонская корона была создана после заключения династического брака между королевой Арагона Петронилой и графом Барселонским Раймундом Беренгарием IV (Рамоном Берегером), когда в 1164 г. их сын, Альфонс II Арагонский Добродетельный, стал первым королем Короны, унаследовав титулы короля Арагона и графа Барселонского. После объединения обе территории сохранили свои собственные законы, обычаи, свои Кортесы и валюту. Во времена правления Якова I Завоевателя (*Jaume el Conqueridor*), внука Альфонса Добродетельного, у мавров были отвоеваны земли королевства Валенсия (1233–1245 гг.) и Мальорки (1229 г.). Валенсия вошла в состав Арагонской короны как отдельное королевство также со своими Кортесами, сводом законов (*fueros*, *furs* по-каталански) и своей денежной единицей. После смерти короля Завоевателя по его завещанию было также учреждено королевство Мальорка, в которое, кроме Сардинии и Русильона, входили также и Балеарские острова [3].

Таким образом, именно в правление Якова Завоевателя были заложены предпосылки для возникновения собственной самоидентификации этноса на каждой территории Арагонской короны, прежде всего в Арагоне, Валенсии и Каталонии, поскольку каждое королевство сохраняло относительную политическую, юридическую, экономическую и административную независимость. Объединяющей являлась лишь фигура короля Арагонской короны, и каждый sovereign королевства, входящего в его состав, был обязан присягать ему на верность.

Название валенсийский язык получает наиболее широкое распространение в XV в. в эпоху укрепления Королевства Валенсии, её торгового и экономического роста, культурного и литературного расцвета. Достаточно упомянуть, что родом из Валенсии были такие представители Золотого века каталонской литературы, как Жорди де Сан Жорди, Аузиас Марк, Жуан Руис де Корелья, Жауме Роч и Жуанот Мартурель, создатель романа «Тирант Белый». Как пишут валенсийские исследователи Эмили Казанова и Абелар Сарагосса, в этот период в Валенсии возникает «новая лингвистическая парадигма и новое, отличное от каталонцев, сознание», новая идентичность, самоидентификация как отдельного народа [4, p. 7].

До середины XIX в. в среде образованных людей было принято называть язык, на котором говорят в Валенсии, Каталонии и на Балеарских островах, лимузенским (*llemosí*). Это название впервые упоминается автором трактата «Веселые науки» трубадуров Рамоном Видалем де Безалу [5, с. 148–149]. С конца XIX в. начинают употребляться два названия – каталанский и валенсийский, однако единство языка не отрицается. В начале XX в. в среде валенсийских филологов (Теодоро Льоренте, отец Льюис Фульана, Жузеп Жине, Мануэль Санчис Гуарне и другие) идея о том, что каталанский, валенсийский и балеарский – единый язык, получает своё развитие. В 1932 г. были приняты Орфографические нормы Кастельона, которые представляли собой грамматику Пумпеу Фабры, одобренную уже в 1917 г. Институтом Каталонских Исследований в Каталонии, но адаптированную к особенностям валенсийского диалекта. При этом сохранялось название валенсийский для каталанского, бытовавшего на территории Валенсии.

В период диктатуры на территории Испании было запрещено публичное использование региональных языков, и их бытование было практически ограничено сферой семьи. Именно в это время в Каталонии и в Валенсии в среде интеллектуалов возникает сильное стремление осмыслить и определить свою национальную принадлежность. Лозунг Франко «одна страна, один язык, одна нация» не находит отклика у населения этих автономий, обладающего сильным чувством собственной идентичности, и вызывает ответную реакцию «мы не испанцы, наш язык – не испанский».

С середины 1950-х – начала 1960-х гг. испанская государственная политика в сфере языка становится менее жёсткой, разрешается преподавание каталанского в частных школах, начинают публиковать книги на этом языке. В 1962 г. публикуется эссе Жуана Фусте «Мы, валенсийцы» [6], в которой, в противовес официальной государственной доктрине Испанского государства, он выдвигает идею панкаталанизма и предлагает называть все территории распространения

каталанского языка Каталонскими землями (*Països Catalans*). Он полагал, что будущее валенсийского языка и культуры должно быть тесно связано с другими каталаноязычными территориями, призывал создавать общее культурно-языковое, а затем и политическое пространство. Произведение получает широкий общественный отклик, и на территории Балеарских островов и особенно в Валенсии в ответ на концепцию Ж. Фусте получает распространение идея «мы не каталонцы, наш язык – не каталанский».

Культурно-языковой сепаратизм в каталанском языке получает особенное развитие после окончания диктатуры в начале демократического периода. После смерти Франко в 1978 г. в Испании на референдуме была принята новая конституция. В стране устанавливается новая территориально-административная структура, начинается процесс создания Автономных Сообществ. Перед новыми региональными правительствами территорий исторического бытования каталанского стояла задача восстановления, нормализации и кодификации языка, использование которого в публичной сфере было запрещено в течение сорока лет. В Валенсии возникает движение, которое отрицает, что каталанский, валенсийский и балеарский – один язык, отрицается культурно-языковая и национальная общность этих народов. Исследователи связывают это явление с несколькими факторами. Прежде всего, отсутствие у населения Валенсии чувства культурного и языкового единства с каталонцами и жителями Балеарских островов, ощущения себя как отдельного народа, обладающего собственной культурной и лингвистической идентичностью. Этим чувством воспользовались различные политические силы, связав «язык с идеологией и с политическими партиями». С этого момента правые будут поддерживать идею, что валенсийский и каталанский – разные языки, левые, напротив, для достижения своих целей, использовать тезис о единстве каталанского [4, р. 11].

Другим важным фактором распространения движения культурной и языковой сепарации стало то, что в первой половине XX в. валенсийский теряет престиж в среде наиболее образованных высшего и среднего классов общества. В крупных городах, в Валенсии и Аликанте, начинается процесс вытеснения каталанского испанским, чему способствовала также эмиграция из испаноязычных областей Испании. Как реакция на эти процессы возникает движение, направленное на защиту собственной «валенсийской» идентичности и самобытности, культуры, языка.

Идея Жуана Фусте «один язык – одна нация» вызвало антикаталонское движение в среде простого народа, не знакомого с филологическими нюансами проблемы. Это движение получает название «блаверизмо» из-за полосы синего цвета (*blava* – по-каталански) на флаге Автономного Сообщества Валенсии, который становится символом валенсийской идентичности для представителей этого движения. Другой постулат, который рьяно защищают сторонники «Блаверизмо», – категорическое отрицание идеи единства каталанского языка. Во многом способствовало возникновению подобной реакции утверждение, что валенсийский является территориальным диалектом каталанского, что является абсолютной правдой, но воспринималось простыми валенсийцами как уничижительное определение, указывающее на подчиненное положение валенсийского по сравнению с каталанским.

Решающую роль в распространении «блаверизмо» сыграли представители правоцентристской правящей в Испании с 1977 по 1982 гг. партии Союз Демократического Центра (*Unión de Centro Democrático, UCD*) Фернандо Абриль Мартурель (*Fernando Abril Martorell*), Мануэль Бросета (*Manuel Broseta*) и Эмилио Аттард (*Emilio Attard*). После победы левых в Валенсии эта партия поддержала антикаталонскую идею, используя её в борьбе с Испанской социалистической рабочей партией (ИСРП), Коммунистической партией Испании (КПИ), а также региональными партиями, сторонниками развития добрососедских отношений с Каталонией. В 1978 г., положив начало политико-идеологической кампании в прессе, в газете «Лас Провинсиас» (*Las Provincias*) публикуется первая статья, отражающая систему идей СДЦ и обвиняющая её политических противников в том, что они являются «каталанистами» и «каталанизаторами», то есть навязывают культурно-лингвистическую модель, чуждую Валенсии. На Пленуме Парламентариев Валенсии, специально созданном институте для осуществления процесса образования Автономного Сообщества, при написании Статута Автономии Союз Демократического Центра, несмотря на то, что был в меньшинстве, добился того, что в основную правовую норму Валенсии был включен в качестве символа Сообщества флаг с синей полосой и название валенсийский для обозначения языка Автономии. Это стало решающим фактором для продолжения «войны за язык» на территории Валенсии, поскольку, как известно, символы являются очень важным элементом в вопросах, связанных с национальной самоидентификацией. Жёсткая

борьба вокруг лингвистических проблем и культурно-национальных вопросов продолжалась с 1978 по 1982 гг. и получила название «Валенсийская битва» (*Batalla de Valencia*). Движение лингвистической и культурной сецессии одержало определённую политическую победу в этой идеологической войне: партия Валенсийский Союз, подхватившая знамя антикаталонизма после распада в 1982 г. Союза Демократического Центра, с 1986 по 1999 гг. получает места в Кортесах Валенсии, а также во многих муниципальных парламентах Сообщества (до 2007 г.), в столице Автономии в том числе. Таким образом, Валенсийский Союз на парламентском и муниципальном уровне продолжает попытки проводить политику, направленную на поддержание культурно-языкового сепаратизма [7, p. 88].

С точки зрения большинства исследователей, проблемы, связанные с нормализацией и кодификацией коофициальных языков Испании, объясняются новой административной и политической структурой, возникающей в период перехода к демократии. Центральное правительство опасаясь, и не без основания, распада страны, стремилось к тому, чтобы Испания осталась унитарным государством с одним государственным языком — испанским. Однако под давлением регионов, Каталонии и Страны Басков прежде всего, была предложена модель «Государство Автономий» и новое территориальное разделение Испании на Автономные Сообщества.

Конституция Испании 1978 г. признает, что единственным государственным языком на территории всей страны является испанский:

«Статья 3.

1. Из языков Испании кастильский является официальным государственным языком. Все испанцы обязаны его знать и имеют право пользоваться им.

2. Остальные языки Испании являются также официальными в соответствующих автономных Сообществах в соответствии с их Уставами» [8].

При этом конкретно не указывается, что это за языки, сколько их, ни территории их бытования. Как указывает исследователь Жупе Жифреу, «Конституция передает право статутам автономий определять, какой язык является официальным в этих автономных сообществах, а также области его применения, но только при условии коофициальности этого языка по отношению к государственному — кастильскому (испанскому)» [7, p. 77].

Нечёткое определение в Конституции и нежелание признать, что Испания является многоязычным государством, приводит впоследствии к многочисленным конфликтам в области использования языка как между центральной администрацией и автономиями, так и внутри самих Автономных Сообществ в вопросах лингвистической политики и нормализации языка. Несмотря на то, что регионы получают широкие компетенции в сферах, определяющих национальную самоидентификацию, таких как образование, СМИ, лингвистическая политика [9], между самими Сообществами ареала каталанского языка возникает множество противоречий в этих вопросах, поскольку новые институционально-правовые условия не способствуют установлению культурно-языковой коммуникации между Автономиями, что в конечном итоге препятствует процессу лингвистической нормализации и в самих Автономных Сообществах.

В Валенсии ситуация осложнялась внутренней борьбой, спорами о самоидентификации валенсийцев, о которой мы говорили выше. Для решения этого культурно-лингвистического конфликта в период правления ИСРП в Валенсии (1983–1995 гг.) в политической среде было достигнуто негласное соглашение считать валенсийский и каталанский одним языком, взяв за основу литературный язык, практически не имеющий отличий в региональных вариантах, но сохранив при этом деноминацию «валенсийский» для каталанского, бытующего на территории Автономного Сообщества Валенсия [4, p. 12].

Эта тенденция сохраняется в период правления НП, возглавляемой в Валенсии Эдуардо Саплана, и после 1995 г. В 1998 г. Законом Валенсии 7/1998 была учреждена Валенсийская Академия языка (*Academia Valenciana de Lengua -l'Acadèmia Valenciana de Llengua, l'AVL*). Основная задача этого института — нормализация и кодификация языка на территории Автономного Сообщества, и его решения являются обязательными для всех органов власти как на автономном, так и на муниципальном уровне, для образовательных учреждений, СМИ и т. д. Отношение к Валенсийской Академии языка в обществе Автономии неоднозначное. Некоторые исследователи считают её учреждение положительным фактором, позволившим положить конец бессмысленным и бесплотным лингвистическим спорам и принять меры, содействующие нормальному функционированию и более широкому использованию каталанского языка. После принятия последней редакции Статута Автономии (2006 г.) Академия приобретает официальный статус единственного института по нормализации и стандартизации языка на территории Сооб-

щества, и это стало серьёзным ударом для культурно-языкового сепаратистского движения и ограничило его политические возможности [4, p. 12; 10, p. 502].

Действительно, Валенсийская Академия языка не отрицает, что валенсийский, каталанский и балеарский — один язык. В «Постановлении о принципах и критериях защиты деноминации и сущности валенсийского» от 9 февраля 2005 г. Академия подтвердила свою приверженность принципу единства языка, заявив, что валенсийский является «историческим языком» Автономного Сообщества Валенсия, но с филологической точки зрения это тот же язык, на котором говорят в Каталонии, на Балеарских островах и в Княжестве Андорра, а также на других исторических территориях Королевства Арагон» [11]. Также в постановлении подчёркивается, что «исторически деноминация “валенсийский” употреблялась наряду с деноминацией “каталанский”, поэтому использование названия “валенсийский” не должно входить в противоречие с другими названиями этого языка и не является единственно возможным» [1, p. 5].

Тем не менее существует другая точка зрения на учреждение Валенсийской Академии языка. В частности, исследователь Жифреу видит явные сепаратистские стремления в попытках правительства Эдуардо Сапланы примирить «каталонистов» и «блаверистов» и создать новый институт нормализации языка, деятельность которого ограничена одним Автономным Сообществом. После почти столетнего существования Института каталонских исследований (1907 г.; 1911 г.), единственного института, в компетенцию которого входили эти вопросы, был учреждён новый организм, выражающий совершенно ясную позицию: «единственное Автономное Сообщество — Валенсия; единственный язык — валенсийский; единственная академия — Валенсийская» [7, p. 78].

С возникновением Валенсийской Академии языка создается новая полицентричная модель стандартизации каталанского языка, препятствующая созданию единого коммуникационного и культурного пространства между различными территориями исторического бытования каталанского. Ареал каталанского языка оказался разделен не только границами автономий, существует три организма языковой нормализации и стандартизации, признанных на уровне автономных законодательных норм. Кроме Института каталонских исследований и Валенсийской Академии языка — это Университет Балеарских островов.

Статут Автономного Сообщества Балеарских островов устанавливает, что Университет Балеарских островов является «официальным консультационным органом по всем вопросам, имеющим отношение к использованию языка». В 2003 г. Университет передал эти функции Департаменту каталонской филологии и общей лингвистики. Однако на Балеарских островах ориентируются на лингвистическую норму Института каталонских исследований и признают каталанский «историческим языком» Сообщества. В целом полемика по вопросам, связанным с культурно-языковой идентичностью жителей Балеарских островов, была и остаётся менее острой, чем в Валенсии. Большинство политических партий также защищают единство языка и признают, что мальоркин, меноркский и ивисский являются диалектами каталанского.

Идеологическое движение культурно-языковой сецессии на Балеарских островах известно под названием *гонельизмо* (*gonellisme*) и зародилось в 1972 г., когда газета *Diari de Mallorca* публикует ряд статей от имени вымышленного героя Пепа Гонельи, простого крестьянина Мальорки, который жалуется на повсеместное насаждение барселонской нормы произношения и вытеснение исконного балеарского наречия. Движение отрицает единство каталанского, считает балеарский диалект отдельным языком и не признает лингвистические нормы Института каталонских исследований [12].

Символом антикаталонского движения является флаг с тремя полосами красного цвета, который появился после аннексии островов Арагоном и изгнания короля Мальорки Якова II в 1285 г. Сторонники гонельизмо требуют признать его в качестве официального для Автономии, поскольку не признают флаг с четырьмя полосами, принятый во всех Сообществах, в средние века входивших в состав Арагонской короны.

В 1992 г. была создана Академия балеарского языка (*Acadèmi de sa Llengua Balèa*), не признанная на официальном уровне и имеющая статус частной организации. В 1993 г. Академией на I Конгрессе балеарской филологии была представлена «Нормативная грамматика балеарского языка» [13], создатели которой, отказавшись от грамматики Пумпеу Фабры, взяли за основу грамматические описания различных балеарских поддиалектов середины XIX в. В рамках движения гонельизмо существуют различные партии и группы, такие как партия Союз балеарского народа (*Unió de Pueblo Balear, Unió d'es Pobble Balèa*), ассоциации «Балеарский круг» (*Cercle Balear; Fundació Nacional Círculo Balear, FNCB*) и «Моссен Алько-

вер» (*Associació Cultural Mossèn Alcover, ACMA*), Группа баlearского действия (*Grup d'Acció Balèa, GAB*).

В последние несколько лет движение гонельизмо получает поддержку в политической среде, в частности региональная Народная партия является инициатором отдельных информационных кампаний в поддержку островной идентичности в противовес идее панкатолинизма. Этот процесс во многом связан с индипендентистскими процессами, происходящими в Каталонии. Так, в сентябре 2013 г. на Парламентском пленуме Баlearских островов большинством голосов по предложению Народной партии была принята резолюция, согласно которой «никаких Каталонских земель не существует и Баlearские острова не являются их частью». Показательно, что, по-видимому, не желая противоречить Статуту Автономии, парламентарии не стали отрицать единство каталонского, но отметили, что «единственное, что объединяет Баlearские острова и Каталонию – это язык, но больше ничего», отвергая таким образом культурно-историческое единство Сообществ, в которых каталонский является официальным. Социалистическая партия проголосовала против принятия резолюции [14].

В августе 2015 г. министр юстиции Каталонии предложил давать гражданство гражданам Русильона (территория Франции), Валенсии, Франхи (территория Сообщества Арагон) и Баlearских островов в случае, если Каталония обретёт независимость, «поскольку нельзя забывать об общей нации», как он выразился [15]. Заявление министра вызвало бурную ответную реакцию: представитель правительства Валенсии посоветовала ему изучать географию, а молодые сторонники НП в Автономии Баlearских островов начали кампанию «Мы баlearцы, новая кампания нового поколения» (#SomBalear, la nova campanya de les Noves Generacions). В видеороликах молодые люди выступали в защиту своей идентичности, выдвигая слоган «Мы не каталонцы».

С другой стороны, инициативы гонельистов в области лингвистической политики также вызывают протест в обществе. Так, Университет Баlearских островов в ответ на решение телевизионного канала Автономии IB3 разрешить использовать употребление артикля «салат» (*es/so; sa* вместо нормативного *el/la*), который является особенностью баlearского диалекта, но противоречит литературной норме каталонского языка, выступил с заявлением, что использование диалектных и разговорных элементов в речи формального регистра означает «отказ от традиции, существующей на Баlearских островах с XIII в., размывает систему речевых стилей, а также подрывает связи с другими территориями языкового сообщества, что лишь усложнит процесс нормализации каталонского языка» [16].

Некоторые считают, что культурно-языковая сецессия на самом деле явление миноритарное, и полемика в прессе и в сфере политики поддерживается искусственно определёнными партиями, движениями и группами для достижения своих целей, однако данные социологических опросов опровергают это мнение. Так, на вопрос анкеты Центра социологических исследований (CIS) «Какой язык вы считаете родным?» в Автономии Баlearские острова 47 % ответило «мальоркский/баlearский» и только 11 % указало каталонский. В Валенсии валенсийский считают родным 39 % опрошенных, и только 1 % назвал каталонский язык [17]. То есть, несмотря на то, что жители этих автономий говорят на одном языке, они отказываются признать этот факт, отвергая культурно-историческую и языковую общность территорий исторического бытования каталонского. Таким образом, культурно-языковые сепаратистские движения в Валенсии и на Баlearских островах не следует недооценивать, полагая, что они существуют лишь в политическом пространстве как искусственный конструкт неких миноритарных или даже маргинальных сил, поскольку они находят поддержку у населения этих Автономий и отражают реальные взгляды и настроения общества.

Литература / References

1. Dictamen de l'Acadèmia Valenciana de la Llengua sobre els principis i criteris per a la defensa de la denominació i l'entitat del valencià. València, Acord de l'AVL de 9 de febrer de 2005 [Electronic resource]. – URL: <http://www.avl.gva.es/va/acords-AVL/main/03/document/NOMENTITAT.pdf>
2. Гринина Е. А. Введение: краткий очерк истории каталонского языка. Статья // Каталонская культура. История и современность. Русско-каталонское общество. – М., 1993. – С. 6–10.

3. *Joan Reglà*. Introducció a la historia de la Corona d' Aragó. Palma de Mallorca. Editorial Moll, 1979.
4. *Emili Casanova, Abelard Saragossà*. El valenciano: nombre, historia, situació sociolingüística, característiques bàsiques. – València: Universitat de València, Ed. Denes Calabria monografias, 2010.
5. *Гринина Е. А.* Диалектика названия романских языков в ранних романских грамматических трактатах. Статья // Функциональная семантика: структура значения и прагматика. ИЯ АН СССР МГИМО МИД СССР. – М., 1989. – С. 143–154.
6. *Joan Fuster*. Nosaltres, els valencians. – Barcelona: El Cangur, 32. Edicions 62, 1962. URL: www.llibertat.cat/ca/descarregues/nosaltreselsvalencians.pdf
7. *Josep Gifreu*. El català a l'espai de comunicació. El procés de normalització de la llengua als mèdia (1976–2013). Bellaterra; Castelló de la Plana; Barcelona; València: Universitat Autònoma de Barcelona. Servei de Publicacions; Publicacions de la Universitat Jaume I; Universitat Pompeu Fabra; Publicacions de la Universitat de València, 2014.
8. La Constitución española de 1978. Artículo 3 [Electronic resource]. – URL: <http://www.congreso.es/consti/constitucion>
9. *Gorenko G., Gorenko A.* Algunos aspectos de la política lingüística europea: el caso de Cataluña // Ибероамериканский мир: традиции и современные тенденции: приложение к журналу «Ибероамериканские тетради». Материалы VII международной научной конференции испанистов: «Homo loquens в ибероамериканском лингвистическом пространстве: исследования и преподавание». – М.: МГИМО-Университет, 2016. Вып. 1. – С. 583–592.
10. *Vicent Flor i Moreno*. L'anticatalanisme al país Valencià: identitat i reproducció social del discurs del “blaverisme”. Tesi doctoral. València: Universitat de València. 2008 – 2009. [Electronic resource]. – URL: <http://www.tesisenred.net/bitstream/handle/10803/10298/flor.pdf>
11. *Гринина Е. А.* Валенсийский язык: победа или поражение? // Вопросы иберо-романистики: Сборник статей. – М.: Макс Пресс, 2011. Вып. 11. – С. 140–144.
12. *G. Denisenko*. El catalán balear y el movimiento de gonellismo // Ибероамериканские тетради. Вып. 2 (4) 2013. – М.: МГИМО-Университет, 2014. – С. 25–29.
13. Gramatica (Normativa d'es baléà). Academi de sa llengo baléà. Paterna (Valencia): Ed. Ecir, 2005.
14. URL: <http://dbalears.cat/actualitat/balears/els-vots-del-parlament-neguen-existencia-dels-paisos-catalans.html>.
15. URL: http://www.eldiario.es/cv/conseller-justicia-catalan-nacionalidad-valencianos_0_422758054.html
16. URL: <http://dbalears.cat/politica/2014/04/16/273839/salar-ib3-trencar-amb-tradicio-illenca-dificulta-normalitzacio-del-catala-segons-uib.html>
17. URL: http://www.cis.es/opencms/Archivos/Boletines/09/BDO_9_lenguasestatales.html

М. В. Ларионова

Испанский медийный дискурс: *quid novum?*

Марина Владимировна Ларионова,
доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД России,
канд. филол. наук, доцент ВАК. larionova.m@list.ru

***Аннотация:** Статья посвящена вопросу эволюции испанского медийного дискурса, который отражает и вербализирует ментальность, моделируя окружающий мир и создавая менталитет и культуру общества. Медийный дискурс формируют как собственно языковые средства, так и сама система когнитивных и культурологических компонентов, релевантных для того или иного исторического периода. Процесс обновления и расширения концептосферы медийного дискурса происходит постоянно и представляет собой ответную реакцию на развитие общества и его институтов, технический прогресс, появление новых политических, экономических и социально-культурных реалий. Медийный дискурс первым реагирует на подобные события, создавая, фиксируя и тиражируя новую лексику и новые концепты.*

***Ключевые слова:** испанский язык, медийный дискурс, концептосфера, неологизм.*

Spanish media discourse: *quid novum?*

Marina Larionova, Moscow State Institute of International Relations
Associated professor, Ph.D. Philology. larionova.m@list.ru

***Abstract:** The article focuses on the evolution of the Spanish media discourse which reflects and verbalizes mentality, modeling the world around and creating mentality and culture of the society. The media discourse is formed by proper language tools and by the system of the cognitive and cultural components that are relevant for a particular historical period. The process of updating and expanding of the conceptual sphere of the media discourse happens constantly as a response to the development of society and its institutions, technological progress, emergence of new political, economic and socio-cultural factors. The media discourse is the first to react to these events by creating, capturing and replicating a new vocabulary and new concepts.*

***Keywords:** Spanish language, media discourse, concept, neologism.*

Испанский медийный дискурс представляет собой особую форму существования языка, которая реализуется в виде текста и одновременно коммуникативного события. Определяя дискурс как «речь, погружённую в жизнь», Н. Д. Арутюнова особо отмечает, что дискурс следует трактовать как «целенаправленное, социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [1, с.136–137].

Медийный дискурс представляет собой особую форму коммуникации, которая направлена на распространение общественно значимой информации, а также мнений, оценок, суждений через каналы СМИ [2, р. 15–21]. Медийный дискурс, с одной стороны, отражает и вербализирует ментальность, а с другой – формирует менталитет и культуру общества, как на национальном, так и на индивидуальном уровне. Его концептосферу образует множество иных дискурсивных практик, а именно: политическая, дипломатическая, экономическая, юридическая,

спортивная, военная, рекламная и др., которые сосуществуют, разделённые весьма проницаемыми границами.

Предлагаемый в статье подход к рассмотрению дискурса как коммуникативного действия/события и одновременно результата этого действия, его реализации, текстуальной и интертекстуальной, отражающей дихотомию лингвистического и экстралингвистического в определённом социальном контексте, позволяет наиболее глубоко раскрыть специфику медийного дискурса [3]. Принимая во внимание вышеуказанные дискурсивные параметры, подчеркнём, что для медийного дискурса коммуникативный аспект принципиально важен, поскольку речевое поведение коммуникантов порождает речевые акты и тексты определённой направленности, нередко влекущие за собой весьма серьёзные действия не только лингвистического, но и экстралингвистического характера.

Примером этому может служить феноменальный успех испанской партии Подемос [4], сумевшей в относительно короткий срок — три года — объединить почти 400 тыс. активистов и симпатизирующих и завоевать голоса пяти с лишним миллионов испанских избирателей, трансформировать народный протест, превратив его в реальную политическую инициативу, которая и стала институциональной основой для рождения политической партии. Важнейшую роль в этом сыграла коммуникационная стратегия партии Подемос, которая использует дискурс как политическое действие и для совершения политических действий [5]. Политический дискурс партии, концепты, ключевые метафоры и послания, которые лидеры Подемос транслировали своему электорату, во многом обеспечили им возможность победно «штурмовать небеса» (*asaltar los cielos*): «*El cielo no se toma por consenso, el cielo se toma por asalto*» [6; 7].

Отражая и моделируя окружающий мир, медийный дискурс не только включает в себя основные концепты коммуникативных систем из различных сфер профессиональной и социальной деятельности, но и неизбежно сталкивается с необходимостью наименования новых реалий, возникающих практически ежедневно в условиях активно развивающейся действительности.

Испанский медийный дискурс сформировался под действием целого ряда факторов исторического, политического, экономического, социального, и, конечно, собственно языкового характера [8]. Отправной точкой в истории современного испанского медийного дискурса стал переход Испании от политической диктатуры Ф. Франко к демократии, достижения которой закрепила Конституция 1978 г. Формирование и развитие государства автономий, глубокие преобразования, затронувшие без преувеличения все области испанской жизни, нашли своё отражение на страницах газет и журналов, в теле- и радиопрограммах, а с появлением новых информационных технологий — в Интернете.

Испанский филолог Хавьер де Сантьяго Гервос (Javier de Santiago Guervós), подчёркивая глубинную связь, существующую между основными политическими событиями в жизни общества и языком, выделил несколько тематических групп, которые закрепились в медийном дискурсе как следствие перехода Испании от диктатуры к демократии [9, p. 16–17].

Реформа политической системы Испании привела к активизации таких концептуальных понятий, как *transición* (переход), *consenso* (консенсус), *consensual* (осуществлённый с общего согласия; согласованный, консенсуальный), *consensualizar*, *consensuar* (договориться, прийти к согласию) и др.

После принятия Конституции 1978 г. в испанском дискурсивном пространстве стали активно употребляться лексемы *constitucional* (конституционный), *constitucionalista* (конституционалист), *constitucionalidad* (конституционность), *constitucionalismo* (конституционализм), *constitucionalizar* (конституционализировать), *constitucionalización* (конституционализация) и др.

Создание государства автономий ввело в оборот ключевые слова-концепты *autodeterminación* (самоопределение), *autogobierno* (самоуправление), *autoidentidad* (самоидентичность), *autonomismo* (стремление к автономии), *autonomista* (сторонник автономии, автономист), *autonomización* (автономизация), *autonomizado* (автономизированный), *centralismo* (централизм), *centralista* (сторонник централизма, централист), *centralización* (централизация), *centralizador* (централизирующий), *centralizar* (централизовать) и др.

Поскольку медийный дискурс формируют не только собственно языковые средства, но и сама система когнитивных и культурологических компонентов, релевантных для того или иного исторического периода развития, Нуньес Кабесас и Герреро Саласар выделяют новые лексические группы, занявшие место в медийном пространстве конца XX — начала XXI вв.

Это целый пласт слов, связанных с членством Испании в Евросоюзе и вступлением её в зону евро: *espacio común europeo* (единое европейское пространство), *comunitario* (общеевропейский,

относящийся к Евросоюзу), *zona euro* (еврозона), *eurodiputado* (евродепутат), *europarlamentario* (член европейского парламента), *euroconstitución* (европейская конституция), *euroburocracia* (евробюрократия), *eurodivisa* (европейская валюта), *euroescéptico* (евроскептик), *euromercado* (европейский рынок), *eurogrupo* (еврогруппа) и др.

Еще одним примером служит когнитивное поле «терроризм». В XXI в. он перешагнул национальные границы и стал международным: *atentado terrorista* (теракт), *escalada de violencia* (волна насилия), *policía antiterrorista* (антитеррористическая политика), *hecho violento* (акт насилия), *coche bomba* (машина, начиненная взрывчаткой) и др. Со своей стороны, отметим, что в последние годы особую угрозу миру несёт исламский терроризм, интегрировавший в медийный дискурс концепты *islamismo radical* (радикальный исламизм), *denominado Estado islámico* (так называемое Исламское государство), *Daesh* (Даиш, Исламское государство), *yihadista* (джихадист, террорист-смертник), *célula de captación y envío de combatientes* (ячейка по вербовке и переправке боевиков) и др.

Наконец, филологи определяют когнитивную сферу «безработица» как новую область в испанском дискурсивном пространстве: *mercado laboral* (рынок труда), *preacuerdo* (предварительное соглашение), *subsidio* (субсидия, компенсационная выплата), *desempleo incubierto* (скрытая безработица), *subvención de despido* (выходное пособие) и др.

Жизнь не стоит на месте, и недавние политические, экономические и социальные потрясения принесли с собой новую лексику, прочно вошедшую в медийный дискурс. Позволим себе добавить к вышеуказанным следующие концептуальные категории, вокруг которых группируются языковые ресурсы, расширяющие когнитивную тематику современного испанского дискурсивного пространства:

- мировой экономический и финансовый кризис, который разразился в 2008 г. и всей своей силой обрушился на Испанию, актуализировал такие концептуальные языковые образования, как: *recesión* (рецессия, экономический спад), *desaceleración* (замедление, кризис), *desplome bursátil* (биржевой крах), *deuda soberana* (суверенный долг), *crecimiento cero* (нулевой рост), *plan de rescate* (план по спасению), *troika europea* (евротройка), *desahucio* (принудительное выселение), *hipoteca basura* (невозвратный ипотечный кредит), *flexibilizar* (эвфемизм: уволить, сократить), *flexibilización* (эвфемизм: увольнения, сокращения), *concurso de acreedores* (эвфемизм: банкротство), *austeridad* (жёсткая экономия), *recorte* (сокращение, урезание), *los indignados* (недовольные) и др.;
- концептосфера, связанная с культурной глобализацией, столкновением культур и массовой миграцией в страны Евросоюза, а также беспрецедентным миграционным кризисом, вызванным волной беженцев, наводнивших Европу в 2015–2017 гг.: *migración: inmigración, emigración* (миграция: иммиграция, эмиграция), *competencia laboral* (конкуренция на рынке труда), *mano de obra* (рабочая сила), *colisión de culturas/choque de civilizaciones* (столкновение культур/цивилизаций), *multiculturalismo* (мультикультурализм), *islamización* (исламизация), *globalización cultural* (культурная глобализация), *tolerancia* (толерантность), *tolerancia cero/intolerancia* (нетолерантность, нетерпимость), *refugiados* (беженцы) и др.;
- экологическая тематика, борьба против загрязнения окружающей среды и необходимость поиска альтернативных источников энергии: *catástrofe ecológica* (экологическая катастрофа), *cambio climático* (изменение климата), *calentamiento/enfriamiento global* (глобальное потепление/похолодание), *efecto invernadero* (парниковый эффект), *energías convencionales* (традиционные источники энергии), *energías renovables* (возобновляемые источники энергии), *despilfarro de recursos naturales* (разбазаривание, расточительство природных ресурсов), *reciclaje* (переработка), *hábitos de consumo* (привычки потребления), *ecotasa* (экологический налог), *biocombustible* (биотопливо) и др.;
- концептосфера информационных войн: *guerra informática* (информационная война), *ciberespacio* (киберпространство), *ciberataque* (кибератака), *ciberseguridad* (кибербезопасность), *hostilidad* (враждебность), *adversario* (противник), *alterar la información/los datos* (искажать информацию), *ciberespionaje* (кибершпионаж), *ataques por vía informática* (информационные атаки), *hacker/pirata informático* (хакер), *piratear* (совершать хакерские атаки), *contrarrestar la desinformación* (противостоять дезинформации)

ции), *filtrar la información/los datos* (допускать утечку информации), *intoxicar* (искажать информацию), *demonizar* (демонизировать), *desinformar* (дезинформировать) и др.

Дискурсивное пространство языка пополняется из нескольких источников: неологизмы приходят из области высоких технологий и науки, социально-экономической, политической и культурной сферы. В 2005 г. в Испании был создан специальный Фонд неологизмов испанского языка – *Fundación del Español Urgente, Fundéu BBVA*, основной задачей которого является способствовать правильному языковому употреблению в медийном дискурсе (*impulsar el buen uso del español en los medios de comunicación*). Фонд был основан информационным агентством Efe и банком BBVA и работает в тесном взаимодействии с испанской Королевской Академией языка. Сотрудниками Фонда являются журналисты, лингвисты, лексикографы, переводчики, корректоры и редакторы, которые разрабатывают рекомендации, дают консультации и в режиме онлайн отвечают на вопросы профессионалов-журналистов и пользователей социальных сетей и цифровых платформ. Ежегодно Фонд публикует списки наиболее употребительных неологизмов, которые признаются словами года. Рассмотрим подробнее основные концепты, вошедшие в испанский медийный дискурс с 2010 г. по настоящий момент.

В 2010 г. дискурсивную концептосферу, среди прочих, дополнили такие номинации, как *generación ni-ni* (поколение «ни-ни»), своего рода дискурсивный термин, обозначающий целое поколение молодых испанцев, которые не работают и не учатся: разразившийся в 2008 г. мировой финансовый кризис лишил их возможности продолжить свое образование и найти работу. В испанском языке появилось слово *vuvuzela* (вувузела) – фанатская дудка, ставшая хорошо известной благодаря чемпионату мира по футболу, который в 2010 г. прошёл в Южной Африке. С развитием интернет-технологий и появлением смартфонов связано введение в обиход заимствованных из английского языка лексем *flashmob* (объявленная заранее акция, в которой достаточно многочисленная группа людей выполняет в общественном месте заранее договоренный сценарий, например, поют или танцуют), *hashtag* (ключевое слово или сочетание слов, которое используется в социальных сетях для облегчения поиска сообщений по общей теме или содержанию), *iPad* (планшет, который выпускает корпорация Apple). Термином *electrolinera*, созданным по аналогии с *gasolinera* (автозаправка, бензоколонка), стали называть зарядные станции для «заправки» электромобилей.

В 2011 г. в испанском языке появились такие новые концепты, как *indignados* (возмущенные – участники народного протестного движения, которые провели свою первую акцию в Мадриде 15 мая 2011 г.), *comunity manager* (*комьюнити-менеджер* – специалист, управляющий сообществом, брендом; профессия, ставшая вдруг очень модной), *It Girl* (светская львица – девушка, которая устанавливает тенденции в моде, стиле жизни). В политический дискурс вошли номинации *primavera árabe* (арабская весна – протестное движение, начавшееся в Тунисе в 2011 г. и прокатившееся по ряду арабских стран) и *Merkozy* (термин, обозначающий своеобразный политический дуэт канцлера Германии А. Меркель и президента Франции Н. Саркози). Экономический дискурс обогатился такими терминами, как пришедшие из английского языка *prima de riesgo* (доходность, премия или надбавка за риск), *start up* (*стартап* – новый бизнес проект, как правило, основанный на оригинальной идее и осуществляемый компанией, совсем недавно начавшей своё дело). По аналогии с лексемой *machismo* возникло новое существительное *hembrismo* (сознание и проявление женского превосходства, сексистское поведение со стороны женщин).

Импульс для развития испанского языка в 2012 г. дала сфера новых технологий, добавившая лексемы *bloguero* (*блогер* – человек, ведущий свой блог в интернете); *chat* (*чат* – общение нескольких человек в интернете в режиме реального времени). Политика и экономика привнесли в испанский язык такие концепты, как *euroescepticismo* (*евроскептицизм* – недоверие к политическим проектам Евросоюза); *billonario* (*миллиардер* – человек, состояние которого равно или превышает один миллиард); *sociata* (сокращение от *socialista*, социалист, социалистический); *okupa* (*захватчик* – человек, незаконно вселяющийся в пустующий дом или квартиру; этим словом именуют и захваченный объект недвижимости); новое прилагательное *gasístico* (газовый, относящийся к газовой сфере: *mercado gasístico* рынок газа, газовый рынок). Из японского языка в испанскую реальность пришла головоломка судоку вместе с соответствующей номинацией *sudoku*, а из английского – *friki* (*фрик* – экстравагантный человек, отличающийся вызывающим внешним видом или неординарным поведением).

В 2013 г. Фонд неологизмов испанского языка – *Fundación del Español Urgente, Fundéu BBVA* – впервые стал определять лексему года – неологизм-концепт, получивший поддержку про-

фессионалов-филологов и журналистов и собравший наибольшее число обращений со стороны пользователей онлайн-ресурсом. Таким словом года стал термин *escrache*, обозначающий новую политическую реальность: стихийный народный протест рядом с домом или местом работы лица (политика, чиновника, функционера, банкира), замешанного в коррупционном или ином серьёзном преступлении. Это слово получило популярность в медийном дискурсе в результате акций протеста, организованных в начале года Платформой пострадавших от ипотеки (Plataforma de Afectados por la Hipoteca (PAH)).

Среди других неологизмов следует отметить пополнившую экономический дискурс лексему *austericidio*, «то, что убивает жёсткую экономию» (*matar la austeridad*), которую не следует путать с номинациями типа *austeridad suicida*, *austeridad homicida*, *austeridad letal*, имеющими иное значение: «жестокая экономия, которая убивает» (*matar por exceso de austeridad*). Тяжелая социальная ситуация в Испании в разгар финансового кризиса обусловила появление экономических терминов *copago* (дополнительная, добавочная оплата, совместная оплата) и *repago* (оплата, вторичная выплата), а также концепта *quita* (возмещение долга, снижение суммы долга, сокращение активов).

В медийный дискурс также вошло существительное *expara* (бывший Папа Римский), обозначающее совершенно новую реалию жизни — прижизненное отречение от папского престола Бенедикта XVI, случившееся 11 февраля 2013 г.

Развитие науки и интернет технологий привело к появлению новых реалий и новых терминов, их называющих: *bosón* (бозон, бозон Хиггса, элементарная частица, отвечающая за массу), получившая метафорическое название «частица Бога»; *mem* (мем — изображение или текст, обозначающие некую идею, лозунг и т. п., распространяемые в интернет среде); *wasapear* (общаться через WhatsApp мессенджер).

Словом 2014 г., по мнению специалистов Фонда неологизмов, стало существительное *selfi* (автопортретный фотоснимок, который делают, как правило, с помощью смартфона и размещают в социальных сетях). Кроме него, в испанском медийном дискурсе, отражая сложившиеся реалии, появились термин *impago* (финансовая несостоятельность, невыполнение денежных обязательств в установленный срок), который заменил собой англицизм *default*; неологизм *postureo* (позерство, притворство); концепт *superluna* (суперлуние) — в 2014 г. это астрономическое явление можно было наблюдать пять раз; существительное *dron* (дрон, беспилотный летательный аппарат); слово *ébola* (вирус, вызывающий смертельную лихорадку и приведший в 2014 г. к массовой эпидемии в ряде стран Африки). Прочно вошло в употребление слово *amigovio* (*amigo* и *novio*), обозначающее такой тип гражданских отношений, когда совместное проживание не предполагает каких бы то ни было серьёзных обязательств сторон.

В 2015 г. словом года после долгих дискуссий стала лексема *refugiado* (беженец), которая функционирует для номинации тысяч людей, бегущих от военных конфликтов в поисках убежища в Европу. По мнению специалистов Фонда неологизмов, новый концепт принципиально отличается от термина «мигрант», который обозначает людей, направляющихся в Европу с целью обрести экономически более выгодные условия для жизни. В начале 2015 г. в Европе разразился беспрецедентный миграционный кризис, вызванный многократным увеличением потока беженцев и нелегальных мигрантов из стран Северной Африки, Ближнего Востока и Южной Азии и неготовностью ЕС к их приёму и распределению.

Социально-политическая реальность привнесла в медийный дискурс такие концепты, как *podemita* (сторонник партии Подемос); *Daesh* (террористическая структура, арабское название самопровозглашённого Исламского государства); *buenismo*, *buenista* (социально-политическая позиция, основанная на наивной и бескорыстной вере в добрые намерения, излишняя и неоправданная политкорректность; например, *buenistas* — сторонники мультикультурализма).

Из социальных сетей в медийный дискурс попали лексемы *trolea*, *troleo* (*троллить*, *троллинг* — заведомо провоцировать, высмеивать, предлагать конфликтные темы и лозунги и т. д.), а также *me gusta* (*лайк* — специальная кнопка в Интернете, с помощью которой можно выразить одобрение к выложенному контенту в социальных сетях и на других интернет-ресурсах). В соответствии с правилами грамматики новое существительное имеет мужской род и может употребляться во множественном числе: *un me gusta*, *muchos me gusta/muchos me gustas*.

Словом-победителем 2016 г. в Испании стала лексема *populismo*, которая используется не в своём традиционном смысле (*политическая позиция или риторика, апеллирующая к широкому народным массам*), а как политический концепт с новым значением: политическая линия, ориентированная на возвращение власти народу в противовес власти элит. Нередко

в медийном дискурсе, по мнению профессионалов Фонда неологизмов испанского языка, это слово развивает негативную оценочность, получая дополнительные коннотации: *эмотивное обращение политиков к гражданам с целью предложить простые решения для сложных проблем (apelación emotiva al ciudadano y la oferta de soluciones simples a problemas complejos)*. Подобный семантический процесс изменения значения слова путём его расширения и получения дополнительной оценочности филологи Фонда называют релексикализацией (*relexicalización*). Семантической трансформации концепта *populismo* во многом способствовали знаковые политические изменения международной ситуации, связанные с *Брекситом (brexit)* и победой Дональда Трампа на президентских выборах в США.

Ещё один важный концепт, появившийся в медийном дискурсе в 2016 г., существительное *posverdad* (постправда). Оно стало словом года в Великобритании, по мнению составителей Оксфордского словаря: «слово описывает обстоятельства, в которых объективные факты менее важны для формирования общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям» [10]. Концепт *posverdad* родился именно в эпоху развития массовых коммуникаций, когда истина становится менее важной, уступая свою значимость разного рода оценкам и интерпретациям субъективного, а не объективного толка. В 2016 г. это слово стало особенно актуальным и часто употребляемым в дискурсивном пространстве на фоне референдума о членстве Великобритании в ЕС и выборов президента США.

Также в испанском медийном дискурсе появилось новый концепт *sorpaso* (*прорыв, опережение, превышение, преодоление*), пришедший из итальянского языка. Его активному употреблению способствовали социальные ожидания возможной электоральной победы с большим отрывом Объединённых Подемос (*Unidos Podemos*) над Народной партией (*Partido Popular*) при повторных выборах в мае 2016 г.

Термином *abstenciocracia* стали обозначать новое политическое явление, связанное с массовым неучастием в голосовании, которое нередко приводит к непредсказуемым результатам. В частности, в 2016 г. это можно было наблюдать при проведении референдума в Великобритании о членстве в ЕС, голосования в Венгрии по вопросу соответствия миграционной политики ЕС национальному законодательству, плебисцита в Колумбии, который должен был поставить точку в 50-летней войне властей с радикальной повстанческой группировкой FARC (Революционные вооружённые силы Колумбии, РВСН), на выборах в ряде государств Евросоюза.

Таким образом, как показывает проведённое исследование, процесс обновления и расширения концептосферы медийного дискурса происходит постоянно и представляет собой своего рода ответную реакцию на развитие общества и его институтов, технический прогресс, появление новых социально-культурных факторов. Медийный дискурс, который отражает состояние языка в определённую культурно-историческую эпоху, первым реагирует на подобные события, создавая, фиксируя и тиражируя новую лексику и новые концепты. Неологизмы называют новые реалии, заполняя собой языковые лакуны, также они заимствуются из других языков, нередко подчиняясь языковой моде. Динамика языкового развития, на наш взгляд, требует внимательного и детального изучения для того, чтобы понимать язык и быть понятым собеседником.

Литература / References

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь // под ред. В. Н. Ярцева. – М., 1990.
2. Romero Gualda M. V. El español en los medios de comunicación. – Madrid, Arco/Libros, 1993.
3. См.: Ларионова М. В. Испанский газетно-публицистический дискурс: искусство информации или мастерство манипуляции?: монография // МГИМО МИД России, каф. испанского языка. – М.: МГИМО-Университет, 2015. Серия «Научная школа МГИМО»; Ларионова М. В. Типология испанского газетно-публицистического дискурса: лингвокогнитивные параметры / М. В. Ларионова // Политический дискурс в парадигме научных исследований. II Международная научно-практическая конференция. – Тюменский государственный университет, Институт филологии и журналистики, 2015. – С. 92–104.
4. Хенкин С. М. Феномен Подемос / С. М. Хенкин // Ибероамериканские тетради. – М.: ИМИ МГИМО МИД России, 2016. № 1 (11). – С.15–20.

5. *Астахова Е. В.* «Штурм небес» или особенности политического дискурса «Подemos» / *Е. В. Астахова* // Ибероамериканские тетради. – М.: ИМИ МГИМО МИД России, 2016. № 1 (11). – С. 21–28.
6. *Carvajal, A.* 10 frases para conocer a Pablo Iglesias [Electronic resource]. – Documento disponible en URL: <http://www.elmundo.es/espana/2015/11/16/5649eb03ca4741fe1a8b4612.html> (Consulta: 21 de enero de 2017).
7. *Rivera J.* Podemos. Objetivo: asaltar los cielos. – Barcelona, Editorial Planeta, S.A., 2015.
8. *Орлов А. А.* Ключевые проблемы современной Испании / *А. А. Орлов* // Ибероамериканские тетради. – М.: ИМИ МГИМО МИД России, 2016. № 1 (11). – С. 9–14.
9. *Santiago Guervós, J.* El léxico político de la transición española. – Salamanca, Servicio de Publicaciones de la Universidad, 1992.
10. Documento disponible en URL: <http://www.bbc.com/russian/news-37995176> (Consulta: 21 de enero de 2017).

Учредитель
Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего
профессионального образования
«Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации».
Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77–57728 от 18 апреля 2014 г.

ИБЕРОАМЕРИКАНСКИЕ ТЕТРАДИ
CUADERNOS IBEROAMERICANOS

ВЫПУСК 1 (15) 2017

Редактор – *В. И. Шанкина*
Технический редактор – *Е. П. Конюхова*
Дизайн, компьютерная верстка – *К. Г. Шанкин*

Адрес редакции: 119454, г. Москва,
проспект Вернадского, д. 76, комн. 4184.
Тел./факс: 8(495) 43 42 044.
Адрес электронной почты: ktsmi@mgimo.ru

Подписано в печать 03. 2017
Объем - 8,9 п.л. Тираж 500. Заказ №
Издательство ИМИ МГИМО МИД России
119454, Москва, просп. Вернадского, 76.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, просп. Вернадского, 76.